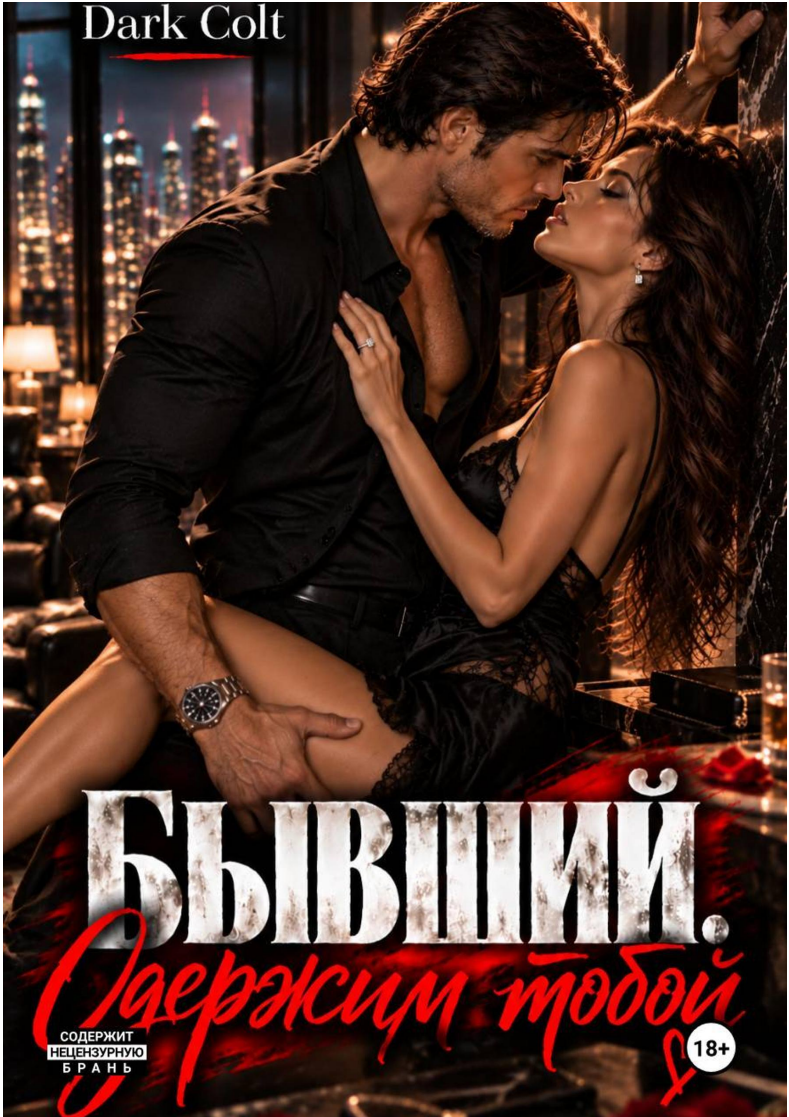
Dark Colt
БЫВШИЙ.
Одержим тобой
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Dark Colt
БЫВШИЙ. Одержим тобой

https://litres.ru/74717457
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад я застала мужа за изменой. А сейчас он явился на мою помолвку....

Без приглашения.

Без извинений.

С таким видом, будто это я ему изменила.

Северин Вельский никогда не умел проигрывать. Только на этот раз на кону стояла не очередная сделка. На этот раз он, похоже, решил превратить мою жизнь в ад. Потому что именно с его возвращением вокруг меня начали происходить пугающие вещи.

Совпадение?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	68
Глава 4	100
Глава 5	114
Глава 6	138
Глава 7	174
Глава 8	199
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Dark Colt
БЫВШИЙ. Одержим тобой

ПРОЛОГ

Элина

Я до сих пор помню, как он её трахал.

Помню её голос. Его руки. Расстёгнутую рубашку. Женские туфли, брошенные возле стола, и собственное отражение в стеклянной двери кабинета.

Господи… сколько же времени прошло, а я всё ещё помню такие мелочи!

Иногда мне кажется, что я могла бы с закрытыми глазами восстановить ту проклятую картину. До последней пуговицы на его рубашке. До складки на юбке Дианы. До выражения лица Северина, когда он наконец заметил меня.

И ведь самое отвратительное, что всего за два дня до этого мы занимались любовью.

Господи, какой же это был секс… просто сногсшибательный…

Я помню его поцелуи, горячие ладони на своей коже… помню, как он шептал моё имя, когда мы уже оба едва соображали, что происходит. А потом я лежала у него на груди, слушала сердцебиение и совершенно по-дурацки улыбалась

в темноте.

Мы были женаты семь лет.

Семь, чёрт возьми!

И всё равно умудрялись хотеть друг друга так, будто только познакомились.

Я тогда ещё подумала, что нам невероятно повезло. Несмотря на ссоры, на его невыносимый характер, на мою упрямую привычку спорить с ним до хрипоты, между нами оставалось то, чего многим супругам не хватает уже через год после свадьбы. Потому что я безумно любила своего мужа. Просто обожала его! Хотела так сильно, что иногда сама себя пугалась.

И была уверена, что он испытывает ко мне то же самое.

А через два дня Северин трахал другую женщину на собственном рабочем столе.

Вот скажите мне, как такое вообще возможно?

Чего ему не хватало?

Моего тела? Моих поцелуев? Внимания? Разве я хоть раз заставила его усомниться в том, насколько сильно хочу его?

Или дело вообще было не во мне?

Я задавала себе эти вопросы сотни раз. Перебирала в памяти наши последние месяцы, разговоры, ссоры, каждую мелочь, которая могла бы объяснить его поступок.

И самое унизительное, что постепенно начинала искать вину в себе.

Может, недостаточно старалась? Слишком много спори-

ла? Надоела ему за семь лет? Или он просто однажды посмотрел на Диану и захотел её сильнее, чем собственную жену?

Последняя мысль особенно сводила с ума.

Потому что я помнила, как Северин смотрел на меня всего за два дня до измены. И никак не могла понять, когда именно между нами появилась другая женщина.

А ведь в тот день я приехала к нему мириться.

После очередной ссоры, в которой мы оба наговорили лишнего, решила первой сделать шаг навстречу. Купила его любимый кофе, по дороге несколько раз передумала, потом всё-таки поднялась в офис.

Даже улыбалась, представляете?

Шла к собственному мужу с дурацкой улыбкой на лице, собираясь обнять его, поцеловать и сказать, что мне надоели наши бесконечные выяснения отношений.

Я ведь знала, как всё будет. Северин сначала нахмурится, спросит, почему я не предупредила о приезде. Потом заметит кофе, усмехнётся, притянет меня к себе и наверняка скажет какую-нибудь самоуверенную гадость, за которую я тут же стукну его по плечу. А он поцелует меня, и мы снова забудем о наших разногласиях. Потому что стоило Северину коснуться моих губ, как вся моя злость куда-то испарялась. Я чувствовала его руки на своей талии, знакомый жар разливался по телу, собираясь где-то внизу живота, и мне уже было совершенно наплевать, кто из нас прав, а кто виноват.

Хотелось только одного, чтобы он не останавливался.

Я так отчётливо это представляла, что, наверное, даже не сразу поняла, что вижу, когда открыла дверь.

Потому что мой муж в это время трахал другую!

И ладно бы незнакомую женщину, случайную девицу, имя которой я никогда бы не узнала.

Но это была Диана. Сотрудница Северина и, ко всему прочему, близкая подруга моего покойного брата Мирона ещё со студенческих лет.

Я знала её. Разговаривала с ней. Улыбалась при встречах. И даже представить не могла, что однажды буду стоять в дверях кабинета собственного мужа и смотреть, как мой семилетний брак превращается в какую-то грязную, нелепую шутку.

Самое страшное случилось даже не тогда, когда я их увидела. А несколько секунд спустя, когда Северин посмотрел на меня. Я ждала, что он вскочит, бросится ко мне, начнёт что-нибудь говорить. Врать, оправдываться, ругаться — да что угодно, чёрт возьми!

Наверное, я бы даже предпочла услышать самую жалкую ложь на свете. Что-то вроде того, как:

«Дорогая, это не то, что ты подумала…»

Но он молчал.

Смотрел на меня, и я впервые за семь лет совершенно не понимала, что происходит у него в голове. Он даже не произнёс моего имени.

А ведь я так ждала, что произнесёт.

Что скажет хотя бы «Эль…», тем самым голосом, которым обычно останавливал меня посреди ссоры. Я ненавидела эту его привычку, потому что стоило услышать своё имя, и злиться становилось гораздо сложнее… а в тот вечер он не сказал ничего.

И вот это я тоже запомнила.

Потому что за семь лет брака Северин Вельский находил слова для всего. Мог убедить кого угодно в чём угодно, заставить противника согласиться с заведомо невыгодными условиями, а меня — забыть, из-за чего мы ссорились, стоило ему только приблизиться и обнять.

Но в тот день ему видимо нечего было мне сказать.

И я ушла.

А он позволил.

И знаете, чего я никак не могу себе простить?

Я ведь до последней секунды ждала, что он побежит за мной. Слышала собственные шаги по коридору, чувствовала, как слёзы застилают глаза, и всё равно прислушивалась. Думала, вот, сейчас откроется дверь. Северин окликнет меня, догонит возле лифта, схватит за руку и заставит остановиться.

Скажет, что совершил чудовищную ошибку, что любит, что не хочет меня терять…

Я представляла это настолько отчётливо, что несколько раз замедляла шаг. Но дверь так и не открылась.

И самое унизительное, что я до сих пор не знаю, чем бы всё закончилось, если бы Северин тогда действительно вышел следом.

Не знаю!

Наверное, я бы ударила его. Наорала, высказала всё, что думала о нём и его любовнице. Может, даже плюнула бы ему в лицо.

А потом…

Господи, мне стыдно даже сейчас.

Я ведь потом всё равно могла его простить.

Не сразу, конечно. Возможно, через неделю или месяц. Я бы мучила его вопросами, устраивала скандалы, плакала по ночам, требовала доказательств, что это никогда больше не повторится. Стоило ему просто обнять меня, и я забывала обо всём. И если бы он попросил остаться…

Чёрт!.. я ведь, наверное, осталась бы.

Потому что тогда совершенно не представляла, как можно жить без него.

Без моего Севера…

Как просыпаться и не видеть его рядом. Не слышать, как он ругается на кухне из-за закончившегося кофе. Не чувствовать его руку на своей талии, когда он во сне притягивал меня ближе.

Я любила даже эти его дурацкие привычки. Любила, когда он приходил с работы уставший и раздражённый, а потом стоило мне обнять его со спины, как он разворачивался,

прижимал к себе и целовал так, будто мы не виделись целую вечность.

И, наверное, именно поэтому мне было так трудно принять случившееся.

В моей голове никак не укладывалось, что мужчина, который ещё позавчера держал меня в объятиях, сегодня способен спокойно смотреть, как я ухожу из его жизни.

Я ведь была уверена, что нужна ему не меньше, чем он мне.

Оказалось, ошибалась.

Сейчас смешно вспоминать, но я искренне считала, что без этого мужчины просто задохнусь.

И знаете что?

Поначалу так и было.

Я просыпалась среди ночи, машинально протягивала руку к его половине кровати и только потом вспоминала, что больше не имею права ждать его возвращения. Потому что… он ведь даже не попытался меня остановить. Не побежал следом. Не позвонил в тот вечер. Не дал мне ни единого повода поверить, что наш брак ещё можно спасти.

И мне пришлось уходить самой.

От мужчины, которого я любила до безумия.

От жизни, в которой он был для меня всем.

И учиться жить заново… уже без него…

Три года!

Мне понадобилось три года, чтобы научиться спокойно

произносить его имя. Чтобы перестать искать знакомые черты в лицах случайных прохожих, а по утрам просыпаться без привычной тяжести в груди. Я снова научилась смеяться, строить планы и даже полюбила другого мужчину. Что, казалось, наконец-то всё осталось позади.

Я почти перестала вспоминать тот кабинет, Диану и расстёгнутую рубашку Северина. Почти убедила себя, что прошлое больше не имеет надо мной власти.

А потом мне напомнили!

И выбрали для этого самый неподходящий момент.

Глава 1

Элина

— Эль, ты сейчас заставляешь меня нервничать.

Я отрываю взгляд от кольца и смотрю на Демида.

— Кого? — прыснула в этот момент от смеха, — Тебя?

— Представь себе, — так мило смутился он, что я подозрительно прищурилась и отрицательно покачала головой:

— Не верю.

— А придётся, — подмигнул Демид чуть ближе склоняясь. — У меня даже ладони вспотели.

Он совершенно серьёзно показывает мне руку, и я не выдерживаю, что смеюсь уже заливистее. На что, он улыбается в ответ.

Наверное, всё должно происходить иначе.

Я даже не знаю…

Наверное, в такие моменты женщина обязана плакать, прикрывать рот ладонью, несколько раз переспрашивать: «Ты серьёзно?» — хотя мужчина сидит перед ней с открытой коробочкой и кольцом, и довольно сложно придумать происходящему какое-то другое объяснение.

Но я смеюсь.

От волнения, от неожиданности, от того, каким непривычно растерянным выглядит Демид Ратников, который обычно способен провести переговоры на несколько милли-

онов с таким лицом, будто обсуждает, что заказать к кофе.

— Так и будешь издеваться? — спрашивает он.

— Я думаю, — стараюсь придать голосу серьёзность, но каждый брошенный взгляд на него, вызывает очередной всплеск.

Даже вот это неловкое его:

— Это я уже понял.

Звучит мило, только вынуждает вновь улыбнуться, и я пытаюсь оправдаться сразу же:

— Ты сам сказал не торопиться.

— Я соврал, — теперь он делает обиженный вид, и у него это плохо получается.

А я снова улыбаюсь.

Ресторан вокруг нас живёт своей обычной жизнью. Кто-то разговаривает за соседним столом, звенят приборы, официант несёт бутылку вина, у окна женщина поправляет волосы перед камерой телефона. Никто не замер. Никто не смотрит на нас.

И слава Богу!

Мне почему-то нравится именно это.

Никаких музыкантов, внезапно возникающих возле стола. Никаких официантов с телефоном наперевес. Никакой надписи на тарелке шоколадом.

Только Демид напротив меня.

И кольцо.

— Элина.

Теперь в его голосе нет шутки, и я перестаю улыбаться. Он не произносит вторую речь. Первую тоже, если честно, не произносил. Просто несколько минут назад накрыл мою руку своей и сказал, что ему надоело провожать меня домой, когда он хочет ехать туда вместе со мной. А потом, просто достал кольцо.

Очень по-демидовски!

Без зрителей, без какого-либо представления. Вот так, просто. Без пафоса!

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что ответ уже давно знаю. Наверное, даже раньше того, как он спросил об этом. Скорее даже, ещё до сегодняшнего вечера. Поэтому, абсолютно легко отвечаю:

— Да.

Он не двигается, замирает так, будто выпал в осадок. Понимаю, что не ожидал. Даю ему секунду опомниться и улыбаюсь снова:

— Демид?

— Подожди. Я хочу убедиться, что мне не послышалось.

— Не послышалось, — отвечаю спокойно, а сама вдруг чувствую легкую неловкость.

— Тогда скажи ещё раз.

— Нет! — игриво смущаюсь и опускаю взгляд.

Он щурится.

— Элина.

— Сам виноват. Надо было с первого раза слушать.

— Я запомнил первое.

— Вот и хорошо.

Только теперь он улыбается, и берёт кольцо, а я протягиваю руку.

Когда Демид надевает его мне на палец, я почему-то смотрю не на бриллиант, а на его пальцы. Длинные, сильные, с коротко остриженными ногтями. Знакомые руки. Я знаю, как он держит ими чашку, как рассеянно крутит ручку, когда читает документы, как кладёт ладонь мне на поясницу, пропуская вперёд.

Странная вещь — близость.

Когда-то мне казалось, что она должна оглушать.

Теперь я знаю, что иногда она просто становится частью твоей жизни настолько незаметно, что однажды мужчина надевает тебе кольцо, а ты понимаешь — да.

Так можно.

Так хорошо.

Так спокойно.

Демид поднимает мою руку и рассматривает.

— Угадал.

— С размером?

— Со всем.

— Пфф, — фыркаю я наигранно. — Какой же ты самоуверенный!

— Ты согласилась выйти за меня пять минут назад, — гордо вскидывает он голову. — Поздно жаловаться на характер.

— Я ещё могу передумать.

— Не можешь. Я уже морально женат.

— Что-то, ты быстро! — безнадёжно качаю головой, а сама улыбаюсь.

— Мне тридцать восемь. В моём возрасте надо экономить время.

Довольный собой откидывается он на спинку стула, а я театрально закатываю глаза:

— Господи, Ратников. Ты говоришь так, будто завтра на пенсию.

— А ты думала, зачем я женюсь на молодой? — вскидывает он бровь, и я смотрю на него.

Затем подозрительно прищуриваюсь и осуждающе выдаю:

— Мне вообще-то тридцать четыре.

— Вот видишь! — невозмутимо разводит он руками. — Целых четыре года преимущества.

Под столом я задеваю его туфлю носком лодочки и скалюсь на него. А он, так спокойно перехватывает мою ногу между своими и совершенно невозмутимо берёт бокал.

— Насилие над женихом в первый же вечер после помолвки?! — цокает он языком покачивая головой. — Я начинаю подозревать, что плохо тебя знал.

— Ещё не поздно сбежать.

— Эх, поздно… теперь поздно.

И это произнесено так легко, без нажима. Только почему-то именно эта фраза задерживается внутри чуть дольше

остальных.

Я беру бокал и вижу, что вино почти закончилось. Медленно допиваю и осторожно спрашиваю:

— Родителям когда скажем?

— Когда захочешь.

Его голос звучит естественно, никакого волнения, а я будто тревожусь.

— Мама расплачется.

Демид ободряюще накрывает мою руку своей, и внутри разливается приятное тепло.

— Твоя мама плачет даже над рекламой корма для собак.

Я сразу же вспоминаю тот момент и чувствую, как улыбаюсь. Но сразу же огрызаюсь беззлобно:

— Потому что там щенок был.

— Я не осуждаю. Сам чуть не прослезился.

Конечно, из его уст, это звучит очень мило, но я недоверчиво прищуриваюсь:

— Врёшь!

— Немного, — соглашается он и уголок рта чуть дёргается, на что я улыбаюсь и снова смотрю на кольцо.

Мама действительно расплачется. Папа, наверное, сначала станет очень серьёзным, потом пожмёт Демиду руку так, словно заключает важнейшую сделку в своей жизни. Потом наверняка достанет бутылку, которую хранит непонятно для какого случая.

А потом...

Я обрываю себя. Не хочу сегодня думать ни о чём, что способно испортить вечер. Но Демид, конечно, замечает перемену в моём настроении. От него вообще трудно что-либо скрыть.

— Что? — спрашивает он, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Ничего.

— Эль, я тебя знаю. У тебя сейчас было такое выражение лица, что на «ничего» совсем не похоже.

Я отрицательно покачала головой.

— Просто подумала о родителях.

Он несколько секунд смотрит на меня, и вижу, по глазам, что понимает, но не лезет дальше.

За это я его тоже люблю.

Он умеет остановиться там, где я закрываю дверь.

— Тогда за родителей, — говорит Демид и поднимает бокал.

— За нашу помолвку вообще-то ещё не пили.

— Я думал, мы весь вечер этим занимаемся.

— Ты просто пьёшь дорогое вино за мой счёт.

— Я оплатил столик.

— Пока ещё только оплатил.

— Вот теперь я начинаю понимать экономические преимущества брака.

Мы чокаемся и довольно улыбаемся друг другу.

Я делаю глоток и чувствую себя хорошо. Просто хорошо!

Без оглушительного счастья, от которого хочется выбежать на улицу и рассказать всему миру. Может, потому что мне тридцать четыре, и возможно, я уже не умею так. А возможно, наконец поняла, что счастье не обязано быть оглушительным.

Иногда оно сидит напротив, ворует десерт с твоей тарелки и спорит, кому завтра звонить первому.

***

Из ресторана мы выходим почти в одиннадцать. На улице прохладнее, чем я ожидала. Я машинально запахиваю пальто, и Демид сразу замечает.

— Замёрзла?

— Немного, — зябко передёргиваю плечами и плотнее укутываюсь в него.

— Постой здесь, я машину подгоню.

— Я дойду.

— Она на другой стороне парковки.

— Демид, я в состоянии пройти сто метров.

— Я знаю. Но я тоже в состоянии пройти сто метров и пригнать машину.

— И это начинается уже сейчас? — возмущаюсь я, хотя улыбку сдержать не получается.

Он подозрительно приподнимает бровь.

— Что именно?

— Супружеская диктатура! — поясняю и демонстративно надуваю губы.

Демид усмехается, но вместо ответа вдруг обнимает меня за талию, притягивает ближе и целует. Неторопливо так, с той привычной нежностью, от которой мне всегда становится уютно. Я невольно улыбаюсь прямо в его губы, а он, отстранившись, поправляет воротник моего пальто.

— Это забота. Не путай понятия.

Что-то внутри неприятно цепляется за слово, совсем чуть-чуть. Так быстро, что я почти сразу отмахиваюсь от ощущения.

Демид уже спускается по ступенькам.

— Стой здесь, — бросает через плечо, а я вслед ему огрызаюсь:

— Я подумаю!

Он смеётся, даже не оборачиваясь, и я остаюсь под козырьком ресторана.

Вечер влажный, асфальт после недавнего дождя блестит под фонарями. Машины медленно выползают с парковки, у входа курят двое мужчин. Где-то сигналят.

Я достаю телефон и вижу три звонка пропущенных от мамы.

Ну, конечно.

Она звонила ещё днём, а я обещала перезвонить после ужина.

Сейчас позвоню, и она точно услышит по голосу, что что-то произошло, а через пять минут мне придётся сообщать о помолвке по телефону.

Нет!

Такое я хочу сказать лично.

Открываю сообщения, чтобы написать маме хотя бы «всё хорошо, завтра заеду», и в этот момент приходит новое.

Номер незнакомый.

Сначала решаю, что это очередная реклама, но замечаю вложение и машинально нажимаю на фотографию. Несколько секунд просто смотрю на экран. На снимке мы с Демидом. Стоим возле входа в ресторан. Он придерживает передо мной дверь, а я смеюсь, повернув к нему голову. Его ладонь лежит у меня на талии…

Фотография сделана с другой стороны улицы, причём совсем недавно. Я увеличиваю изображение и замечаю кольцо на своей левой руке.

Сердце неприятно ёкает. Кто-то фотографировал нас после помолвки…

Проверяю номер отправителя. Ни имени, ни фотографии профиля. Под снимком всего одна строка:

«ТЫ ОПЯТЬ ВЫБРАЛА НЕ ТОГО.»

Какого чёрта?

Перечитываю сообщение, пытаясь понять, кому вообще могло прийти в голову отправить подобную гадость.

О нашей помолвке пока никто не знает, даже родители.

Демид сделал предложение меньше часа назад, а фотография появилась уже после того, как мы вышли из ресторана. Значит, кто-то наблюдал за нами.

Я поднимаю голову и оглядываю улицу.

Возле входа, всё также курят двое мужчин. Молодая пара направляется к такси, женщина в длинном светлом пальто копается в сумочке возле припаркованной машины. Ничего подозрительного.

И всё-таки становится неуютно.

Телефон снова вибрирует. Вижу очередное сообщение:

«НЕ ВЕРИШЬ? ОГЛЯНИСЬ.»

Теперь мне уже совсем не смешно.

Я резко оборачиваюсь, ожидая увидеть какого-нибудь идиота с телефоном, который сейчас радостно сообщит, что это розыгрыш. Но замечаю только чёрную машину, остановившуюся немного дальше от входа.

Водительская дверь открывается.

Мужчина выходит на улицу и захлопывает её, чуть повернув плечо.

И я замираю.

Господи…

Этого не может быть.

Он ещё даже не повернулся ко мне, а я уже знаю, кто стоит возле машины. По росту, осанке, привычке держать одну руку в кармане пальто. По этому раздражающе спокойному движению, с которым он поправляет манжету.

Северин!

Три года.

Я не видела его целых три года. И всё равно узнала с пер-

вого взгляда.

Он поворачивает голову, и наши глаза встречаются. В груди что-то болезненно сжимается, а потом сердце начинает колотиться так сильно, что я невольно прижимаю ладонь к пальто.

Северин смотрит на меня. Просто смотрит. А я вдруг замечаю, что он почти не изменился. Те же тёмные волосы, упрямый подбородок, знакомая складка между бровями. Разве что лицо стало чуть жёстче, да возле висков появилась едва заметная седина.

Чёрт возьми, почему я вообще это замечаю?!

Почему вместо того, чтобы отвернуться, я рассматриваю его так, словно имею на это право?

Северин медленно убирает руку из кармана. И от одного этого движения у меня перехватывает дыхание. Я слишком хорошо помню эти руки. Помню, как они обнимали меня по ночам, как Северин притягивал меня к себе, когда я пыталась выбраться из постели. Как проводил большим пальцем по моей нижней губе перед поцелуем, прекрасно зная, что после этого я уже не стану спорить.

Господи, Элина, прекрати!

Этот мужчина изменил тебе.

Ты застала его с другой женщиной!

Я крепче сжимаю телефон, почти до боли впиваясь ногтями в ладонь. Но воспоминания не исчезают.

Северин делает несколько шагов в мою сторону, и оста-

навливается. Между нами всё ещё достаточно большое расстояние, но мне вдруг кажется, что он стоит непозволительно близко. И я совсем не к месту, чувствую, как по спине пробегает дрожь, а потом злюсь на себя ещё сильнее.

Три года я училась жить без него. Три года убеждала себя, что больше никогда не позволю этому мужчине причинить мне боль. А теперь он просто появился на улице, и я стою как последняя идиотка, не в силах отвести взгляд.

Северин чуть склоняет голову.

Я помню этот взгляд.

Он всегда смотрел так, когда хотел что-нибудь сказать, но сначала пытался понять, в каком я настроении. И мне вдруг до безумия хочется услышать его голос.

Всего одно слово. Как он произносит моё имя…

«Эль».

От этой мысли становится настолько стыдно, что я резко выпрямляюсь.

Нет!

Нет-нет-нет.

Хватит!

У меня другая жизнь. Другой мужчина. Несколько минут назад я согласилась стать его женой. И Северину Вельскому в этой жизни больше нет места.

Будто услышав мои мысли, он опускает взгляд на мою левую руку. Я замечаю это сразу и почему-то машинально сжимаю пальцы. Бриллиант вспыхивает под светом фонаря. Се-

верин смотрит на кольцо несколько долгих секунд, потом медленно поднимает глаза. И вот теперь я узнаю ещё одно выражение его лица. То самое, которое появлялось, когда происходило что-то, чего он совершенно не ожидал. Только раньше мне почти всегда удавалось рассмешить его в такие моменты.

А сейчас…

Сейчас почему-то совсем не хочется.

Я внезапно вспоминаю его кабинет…

Перед глазами снова возникает тот проклятый рабочий стол.

И я вдруг понимаю, что три года не сделали эти воспоминания менее отвратительными. Просто я научилась жить так, чтобы они не мешали мне дышать.

Телефон в моей руке всё ещё светится. Я опускаю взгляд на сообщение.

«ТЫ ОПЯТЬ ВЫБРАЛА НЕ ТОГО.»

А через дорогу стоит мужчина, которого я когда-то выбрала первым.

И смотрит прямо на меня.

Глава 2

Элина

Три года назад

В тот день мы с Северином поссорились из-за кофе. По крайней мере, началось всё именно с него.

Я стояла босиком возле кухонной стойки, держала чашку обеими руками и пыталась окончательно проснуться. За окном моросил дождь, часы показывали без четверти восемь, а мой муж уже был одет для работы и разговаривал по телефону.

Белая рубашка, тёмные брюки, часы на запястье. Пиджак висел на спинке стула. Северин прошёл мимо, привычно коснулся ладонью моей поясницы, открыл холодильник и одновременно продолжил разговор:

— Нет, на десять переносить не надо. Я буду к девяти. Тогда пусть подготовят всё к моему приезду. Да. Игорь знает.

Нина Павловна, наша домработница, приходила позже, поэтому по утрам мы обычно обходились без неё. Впрочем, завтракать вдвоём мне нравилось гораздо больше. Особенно когда Северин никуда не торопился и сам возился у плиты, пока я сидела рядом с чашкой кофе и болтала о всякой ерунде. Правда, была у моего мужа одна привычка, которая портила эту утреннюю идиллию: он никак не мог смириться с тем, что я не люблю завтракать.

Я сделала глоток и обожгла язык.

— Чёрт!

Северин закончил разговор, положил телефон возле ключей и, заметив мою чашку, недовольно прищурился.

— Ты опять не ешь?!

И вот, опять это его… назидательное, как всегда!

— Доброе утро, любимый, — протянула я сонно, одарив его самой очаровательной улыбкой, на какую сейчас была способна.

— Я сказал тебе доброе утро минут двадцать назад.

— Значит, я ещё спала.

Он достал тарелку, положил на неё тост с сыром и придвинул ко мне.

— Поешь.

— Север, мне тридцать один год, а не пять, — возмутилась я, хотя тост всё-таки взяла.

— Я в курсе.

— Тогда почему ты каждое утро пытаешься меня накормить?

— Потому что каждый вечер ты жалуешься, что у тебя болит желудок.

Возразить было нечего, вчера я действительно жаловалась.

Я откусила тост, а Северин с таким довольным видом потянулся за своим кофе, словно только что одержал небольшую, но очень важную победу. Раньше подобные вещи ме-

ня смешили. В последнее время всё чаще раздражали. Хотя ещё позавчера, когда мы вернулись с ужина и он прижал меня к стене в прихожей, я совершенно не возражала против его привычки распоряжаться. Более того, сама цеплялась за его плечи и требовала, чтобы он перестал наконец возиться с пуговицами.

Господи, какой же у нас тогда был вечер…

Семь лет брака, а я всё ещё могла потерять голову от одного его поцелуя. Особенно когда Северин забывал о своём привычном начальственном тоне и начинал шептать мне на ухо такие неприличности, что я краснела, словно мы познакомились только вчера.

Вспомнив, как он утром после той ночи не хотел выпускать меня из постели, я невольно улыбнулась.

— Что? — спросил Северин.

— Ничего.

— Выглядишь подозрительно довольной.

— Думаю, какой у меня заботливый муж.

Он усмехнулся, наклонился и поцеловал меня в висок.

— Вот и не забывай.

Я потянулась к нему за настоящим поцелуем, но Северин уже выпрямился и посмотрел на часы.

— Мне пора.

— Разумеется, — пробормотала я. — У тебя же там без тебя экономика страны рухнет.

— Как минимум половина.

Я фыркнула, а он улыбнулся, и на секунду мне захотелось поймать его за рубашку, притянуть обратно и предложить прогулять работу. Вряд ли согласился бы. Хотя с Северином никогда нельзя было знать наверняка.

Если бы на этом наше утро закончилось, всё могло сложиться иначе. Но муж сделал глоток кофе и вдруг спросил:

— Как Лена?

Я не сразу поняла.

— Какая Лена?

— Та, у которой ты вчера была.

Улыбка медленно сползла с моего лица.

— Нормально.

— Что ж, замечательно.

Он взял пиджак со спинки стула.

Я смотрела, как Северин надевает его, поправляет воротник, забирает телефон. Ничего особенного в его голосе не прозвучало, но я слишком хорошо знала мужа.

— И всё?

Он повернулся.

— Что — всё?

— Ты зачем спросил?

— Про Лену?

— Нет, про погоду в Бразилии, — огрызнулась я, уже чувствуя, как начинает закипать раздражение. — Конечно, про Лену.

— Просто поинтересовался.

— Север.

— Что?

— Говори сразу.

Он задержал на мне взгляд, потом положил телефон обратно на стойку.

— Во сколько ты вчера вернулась?

Я медленно поставила чашку.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Ты же был дома.

— Я приехал позже, дорогая, если ты не забыла.

Вот это его «дорогая», произнесённое подчеркнуто спокойно, окончательно меня взбесило.

— Ну так посмотри камеры, если тебе интересно!

Слова вырвались прежде, чем я успела прикусить язык. Не потому, что считала себя неправой. Просто знала, как он отреагирует.

Северин положил ключи рядом с телефоном и таким спокойным голосом произнёс:

— Какие камеры, Элина?

— Не знаю. Это ты мне скажи, — не отводила я глаз от него.

— Опять начинаем? — процедил он недовольно.

— Я ничего не начинала. Ты с утра решил выяснить, во сколько я вернулась от подруги.

— Я задал обычный вопрос.

— Тогда почему у меня ощущение, что сейчас начнётся допрос?

— Потому что ты сама его устраиваешь.

— Потрясающе! Просто потрясающе!

Остатки сна улетучились окончательно. Я отодвинула тарелку с недоеденным тостом, уже не надеясь спокойно позавтракать.

— Элина, я опаздываю, — всё так же оставался спокоен Северин, и я съязвила ядовито:

— Пять секунд назад не опаздывал.

Он шумно выдохнул.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Правду. Ты же не просто так спросил про Лену.

Северин промолчал, и от этого молчания у меня внутри всё неприятно сжалось. Наши взгляды пересеклись, не отрывались несколько секунд, и я всё отчётливее понимала, что муж прекрасно знает ответ на собственный вопрос. Осталось выяснить, откуда.

— Тебя вчера не было у Лены, — наконец произнёс он.

И тогда, я застыла.

Вот ведь чёрт! Я даже не сразу нашлась с ответом.

— Откуда ты знаешь?

— Значит, я прав?!

— Я спросила, откуда ты знаешь.

— А я хочу понять, почему моя жена врёт мне в лицо, — начал уже раздражаться муж и я вдруг осеклась на полусло-

ве:

— Я не…

Потому что соврать второй раз подряд оказалось гораздо сложнее.

Северин коротко усмехнулся.

— Продолжай.

— Не разговаривай со мной таким тоном.

— Каким?

— Как будто я твоя сотрудница и ты поймал меня на махинациях с отчётностью.

— Тогда перестань вести себя так, будто мне нужно проводить расследование, чтобы узнать, где ты проводишь вечера.

Я несколько секунд смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное.

— Расследование?

— Элина…

— Нет, подожди. Ты сейчас сам это сказал. Значит, ты действительно выяснял, где я была?

Он отвёл взгляд, всего на секунду, но мне хватило.

Вот оно!

Значит, я не зря подозревала эти странности…

— Господи, Северин… — я тихо выдохнула. — Ты за мной следишь?

— Не говори глупостей.

— Тогда откуда ты узнал?

— Какая разница?

— Для меня огромная! — выпалила я резче на этот раз, и он в тон ответил:

— А для меня имеет значение, что ты мне солгала!

— Да потому что я хотела побыть одна! И всего лишь!

Последние слова вылетели гораздо громче, чем я собиралась.

Северин замолчал.

Я отвернулась к раковине, вылила остывший кофе и поставила чашку так резко, что она стукнула о металлическое дно.

— Я сидела в кафе. Одна. Представляешь? Иногда мне хочется выйти из дома, выпить кофе и посидеть в тишине, чтобы никто ничего от меня не требовал.

— И поэтому нужно было солгать, что едешь к Лене?

— Да!

— Очень логично.

— А что мне надо было сделать? Попросить разрешения?

— Не передёргивай.

— Я не передёргиваю. Я пытаюсь понять, когда именно мне понадобилось отчитываться перед собственным мужем за час, проведённый в кафе.

— Мне не нужен отчёт.

— Правда? Тогда зачем ты выяснял, где я была?

— Потому что ты уже не первый раз мне врёшь!

Он повысил голос.

Северин редко кричал, по-настоящему редко. И потому его резкий окрик заставил меня невольно вздрогнуть. Он заметил это. На мгновение даже осёкся, но злость уже взяла верх.

— Ты говоришь одно, делаешь другое, а когда я пытаюсь разобраться, начинаешь обвинять меня в слежке. Что, чёрт возьми, происходит, Элина?

— Со мной? — я даже рассмеялась. — Ты хочешь знать, что происходит со мной?

— Именно это я и спрашиваю!

— Я устала, Север! Устала от твоих вопросов, проверок, от того, что ты постоянно пытаешься решить за меня, как мне жить! Контролируешь каждый мой шаг!

— Я ничего за тебя не решаю!

— Да неужели?! — я повернулась к нему так резко, что едва удержалась на ногах. — Ты решаешь, с кем мне встречаться, во сколько возвращаться домой, куда ехать одной, а куда обязательно с водителем. Даже когда я иду к подруге, ты умудряешься узнать, была я там или нет!

— Потому что моя жена почему-то считает нормальным мне врать!

— А ты хоть раз задумывался, почему?!

Он посмотрел на меня с таким недоумением, будто я предложила ему совершить какую-то несусветную глупость.

— То есть теперь я ещё и виноват в твоей лжи?

— Я не говорю, что виноват. Я говорю, что мне проще

придумать какую-нибудь ерунду, чем потом объяснять тебе, почему я захотела час посидеть одна!

— Если тебе нужно побыть одной, так и скажи!

— А ты оставишь меня в покое?

— Что?

— Ты услышал. Если я скажу, что хочу уехать на целый день, выключить телефон и ни перед кем не отчитываться, ты спокойно пожелаешь мне хорошего отдыха?

Северин помедлил с ответом.

— Смотря куда ты соберёшься.

Я развела руками.

— Вот! Именно об этом я и говорю!

— Потому что я за тебя переживаю!

— Нет, Северин. Ты хочешь всё контролировать. Меня, мой день, мои планы, каждую чёртову минуту моей жизни!

— Не преувеличивай.

— Это я, сейчас преувеличиваю?!

Меня уже трясло.

Самое отвратительное в наших ссорах заключалось в том, что даже сейчас, когда хотелось запустить в мужа чем-нибудь тяжёлым, я продолжала замечать, как он выглядит.

Белая рубашка натянулась на плечах. Верхняя пуговица расстегнулась, когда он ослабил воротник. Я знала эти плечи, эту шею, знала, каким становится его дыхание, когда он целует меня.

И ненавидела себя за то, что вспомнила об этом посреди

скандала.

Раньше мы нередко мирились именно так.

Северин подходил ближе, я велела ему даже не сметь ко мне прикасаться, а через минуту сама хватала его за рубашку и целовала первой. Потом мы забывали про ужин, работу и время, а утром обнаруживали, что так ничего и не решили.

Сейчас я смотрела на мужа и впервые ясно понимала, насколько опасной стала эта наша привычка.

— Даже не пытайся меня поцеловать, — предупредила я.

Северин удивлённо вскинул брови.

— Я вообще-то собирался с тобой разговаривать.

— Тогда разговаривай. Только попробуй для начала услышать, что я говорю.

— Я слышу. Ты считаешь, что я слежу за тобой, потому что мне больше нечем заняться.

— Я считаю, что ты мне не доверяешь!

— А ты дала мне повод доверять тебе вчера вечером?

— Господи, да я же призналась, что соврала! — я беспомощно всплеснула руками. — Ты можешь хотя бы на минуту перестать быть правым и попробовать понять, почему я вообще это сделала?

— Могу! Если ты перестанешь обвинять меня во всех своих поступках.

Мы уставились друг на друга. И я вдруг с ужасом поняла, что мы снова делаем то же самое. Цепляемся к словам, перебиваем, намеренно бьём по больному, а потом мучительно

пытаемся вспомнить, из-за чего вообще начали ругаться.

Но остановиться уже не получалось.

— Ты даже не замечаешь, как разговариваешь со мной! «Не ходи», «подожди», «я сам решу», «водитель отвезёт», «позвони, когда приедешь». Север, я твоя жена, а не несовершеннолетняя дочь!

— И что ты предлагаешь? Чтобы я вообще перестал интересоваться твоей жизнью?

— Я предлагаю тебе вспомнить, что у меня есть собственная голова!

— Тогда начни ею пользоваться, прежде чем врать мужу!

От этих слов стало настолько обидно, что я на несколько секунд потеряла дар речи.

Северин тоже понял, что перегнул. Я увидела это по тому, как он осёкся и потянулся ко мне. Но я отступила.

— Знаешь что? Может, тебе вообще не нужна жена.

— Элина…

— Тебе нужен кто-нибудь, кто будет сидеть дома, ждать твоего возвращения, соглашаться с каждым словом и благодарить за то, что ты разрешил ей выйти за хлебом!

— Прекрати.

— А ещё лучше купи себе куклу! Она точно не станет с тобой спорить!

— Я сказал, прекрати!

Он ударил ладонью по столешнице с такой силой, что даже чашка подпрыгнула. И я замолчала.

Мы смотрели друг на друга через кухонную стойку, и впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно от того, во что превратился наш разговор. Но вместо того, чтобы остановиться, я произнесла:

— Иногда мне кажется, что я просто задыхаюсь рядом с тобой.

Северин застыл. Его лицо изменилось так резко, что я сразу пожалела о сказанном.

— Что ты сказала?

Я сглотнула. Нужно было объяснить, что я имела в виду его постоянный контроль. Что люблю его, но больше не выдерживаю этой бесконечной борьбы за право самостоятельно принимать решения.

Вместо этого вскинула подбородок.

— Ты прекрасно слышал.

— Повтори, Элина, — процедил он совсем тихо.

— Мне нечем дышать! Понимаешь? Я уже не могу спокойно проснуться, выпить кофе, выйти из дома, не думая, что ты опять найдёшь повод устроить мне допрос! Я устала постоянно доказывать, что не собираюсь тебя предавать!

Он долго смотрел на меня. Потом неожиданно тихо спросил:

— Ты хочешь уйти?

Я даже растерялась, в этот момент.

— Что?

— От меня. Ты хочешь уйти, значит?

— Господи, я не об этом говорю! — безнадёжно выдохнула и опустила руки.

— Тогда о чём?

— О том, что так больше нельзя! — уже понизив тон, намного тише произнесла я хватаясь за голову.

— Значит, хочешь.

— Северин, не перекручивай мои слова!

— Я пытаюсь понять, чего ты хочешь от меня, Элина. Ты говоришь, что тебе нечем дышать рядом со мной. Что я тебя контролирую, душу, не даю жить. Что мне, по-твоему, теперь делать?

— Перестать вести себя так, будто я твоя собственность!

— Я никогда не считал тебя собственностью.

— Тогда почему ты постоянно боишься выпустить меня из виду?!

Он ничего не ответил, и это почему-то разозлило ещё сильнее.

— Знаешь, иногда я вообще не понимаю, зачем мы поженились, если ты мне настолько не доверяешь!

Вот теперь я действительно перешла черту.

Я поняла это сразу.

Северин опустил руки. Посмотрел на меня так, будто впервые услышал что-то, к чему оказался совершенно не готов.

— Ты жалеешь? — прохрипел он осевшим голосом.

Сердце болезненно сжалось, что стало нечем дышать. Я с

трудом произнесла:

— Что?

— О том, что вышла за меня. Значит… жалеешь?

— Север, я… — запнулась я, прерывисто дыша.

— Просто ответь.

Его голос оставался спокойным, отчего становилось только хуже.

Я могла бы сказать правду.

Что ни об одной минуте наших семи лет не жалею. Что люблю его до одури, даже когда готова придушить. Что ещё позавчера, лёжа у него на груди, думала о том, каким невероятным счастьем оказалось встретить этого невыносимого мужчину. Вредного, заносчивого, самодовольного…

Да, любого, чёрт возьми!

Просто люблю!

Но он стоял передо мной и требовал ответа так, словно собирался вынудить признание.

И я снова вспылила.

Уже сама не понимая, на что и на кого. Просто бросила ему в ярости:

— А если жалею?!

Тишина резко осела, между нами.

Северин несколько секунд не двигался, а потом просто кивнул.

— Понятно.

— Что тебе понятно? — разъярилась я еще больше, а он

лишь забрал ключи и спокойно сказал:

— Всё.

— Северин!

— Хватит! — жестко произнёс он. — Ты сказала достаточно.

Он направился к выходу. Я бросилась следом.

— Подожди! Мы не договорили!

Северин остановился возле двери.

— А о чём нам ещё говорить?

— Ты сейчас серьёзно?

Он повернулся, и продолжал оставаться спокойным, как удав.

Господи, лучше бы он разозлился.

Закричал. Сказал какую-нибудь гадость. Швырнул ключи обратно на стол.

Что угодно…

Но он смотрел на меня совершенно чужими глазами.

— Ты жалеешь, что стала моей женой. Тебе нечем дышать рядом со мной. Я всё правильно понял?

— Ты просто вырвал мои слова из контекста!

— Хорошо.

— Что «хорошо»?!

— Я услышал тебя, Элина.

Он открыл дверь.

И тут меня охватило такое отчаяние, что я сама не поняла, зачем выкрикнула:

— Может, нам вообще стоит какое-то время пожить отдельно!

Северин снова замер. Этого он тоже не ожидал. И я почувствовала, как напряглись его плечи. Несколько секунд он просто стоял спиной ко мне, а потом повернулся.

— Ты этого хочешь?

Северин смотрел на меня так, что я не могла понять, злится он или уже принял какое-то решение. Я открыла было рот, но не смогла произнести ни слова.

Потому что не хотела.

Господи, конечно, не хотела!

Я просто хотела, чтобы он испугался. Чтобы наконец понял, насколько мне тяжело. Чтобы перестал отмахиваться от моих претензий и хоть раз признал, что своим контролем делает мне больно.

Но Северин ждал ответа, а я всё ещё была слишком зла, чтобы признаться в собственной глупости.

— Я не знаю, — выдавила наконец, и он кивнул:

— Тогда подумай.

После чего ушёл так быстро, что даже не обернулся. Не поцеловал на прощание, не бросил привычное «увидимся вечером». Просто ушёл. А я осталась стоять посреди прихожей, глядя на закрытую дверь. Только что мы кричали друг на друга, а теперь в квартире стояла такая тишина, что я слышала собственное дыхание. Горло пересохло. Я попыталась сглотнуть, но только сильнее почувствовала неприят-

ный ком.

Господи, что я натворила?

Провела рукой по волосам, потом прижала ладони к щекам. Хотелось догнать Северина, заставить вернуться. Но что я ему скажу? Что просто разозлилась и наговорила лишнего?

Очень много лишнего!

Да, он и сам это прекрасно знал. Наверное…

За семь лет брака мы наговорили друг другу немало гадостей. Ссорились из-за работы, его ревности, моего упрямства, денег, родственников, отпусков и какой-то совершенно нелепой ерунды.

Но ещё никогда я не предлагала нам разъехаться.

И никогда Северин не уходил от меня вот так.

Я вернулась на кухню.

На стойке стояла моя чашка. Рядом лежал надкусанный тост, который муж заботливо приготовил мне несколько минут назад. Я посмотрела на него и почувствовала себя последней идиоткой.

— Молодец, Элина, — пробормотала я. — Просто замечательно!

Я внезапно схватила телефон, открыла контакты и нашла номер Северина. Возникло безудержное желание позвонить любимому мужу и сказать…

Что?

Вот, что?!

Что я идиотка года?!

Нет, не то.

Надо сказать, что я не это имела в виду. Что люблю его. Что никакого развода, разъезда и прочей чуши мне не нужно.

Но я слишком хорошо знала своего мужа. Сейчас он не станет слушать, да и я тоже. Мы снова начнём спорить, выяснять, кто первый перегнул палку, и наговорим друг другу ещё больше гадостей.

Лучше подождать.

Пусть остынет. Я тоже успокоюсь.

А вечером мы поговорим нормально, без крика. Как взрослые люди, которые когда-то умудрялись обсуждать вещи посложнее часа в кафе.

Только… тогда я ещё не знала, что вечером говорить нам будет уже почти не о чем.

К полудню злость прошла.

К двум мне стало стыдно.

А ближе к четырём я уже готова была собственноручно придушить себя за утренний скандал.

Северин не звонил, и я тоже.

Несколько раз открывала нашу переписку. Последнее сообщение от него было вчера вечером:

«Хлеб купи, пожалуйста».

Мой ответ был:

«Сам купи».

А потом, его:

«Уже».

Я смотрела на эти три сообщения дольше, чем они того заслуживали.

Вот ведь идиоты.

Вчера переписывались из-за хлеба. Позавчера занимались любовью, а сегодня утром едва не договорились до развода.

Причём ведь никто из нас не хотел разводиться! По крайней мере, я точно не хотела. Мне просто хотелось, чтобы Северин наконец услышал меня. Чтобы понял, насколько невыносимым становится его постоянное желание всё контролировать.

Но я же прекрасно знала, какой он.

Семь лет прожила с этим мужчиной.

Знала, что он ревнивый, упрямый, властный до невозможности. Что ему проще перевернуть весь мир вверх дном, чем признаться, что он чего-то боится.

И всё равно любила.

Господи, как же я его любила…

Иногда достаточно было услышать, как Северин поворачивает ключ в замке, чтобы у меня сразу улучшилось настроение. Я могла злиться на него весь день, мысленно придумывать десятки язвительных реплик, а потом он входил в квартиру, обнимал меня со спины, утыкался носом в шею, и вся моя тщательно подготовленная обвинительная речь летела к чёрту.

Не потому, что я забывала обиды.

Просто рядом с ним всегда хотелось быть ближе.

И он это знал.

Наверное, поэтому мы так и не научились нормально ссориться. Вместо того чтобы разговаривать, начинали выяснять отношения, потом мирились в постели, а на следующий день делали вид, будто всё прекрасно.

До следующего скандала.

Я села на диван, подтянула колени к груди и снова вспомнила утренний разговор.

«Мне нечем дышать рядом с тобой».

Господи!

Ну зачем я это сказала?

Ведь он действительно мог поверить. Северин всегда воспринимал мои слова слишком буквально, особенно когда дело касалось наших отношений. А я сегодня не просто пожаловалась на его ревность. Я сказала, что жалею о браке, предложила пожить отдельно и даже не попыталась исправить сказанное, когда он уходил…

Хотя хотела.

Очень.

Я взяла телефон и быстро написала:

«Север, прости меня за утро».

Посмотрела на сообщение и недовольно стёрла. Потом снова набрала:

«Нам нужно поговорить».

И тоже удалила. Нет уж! Если он сейчас ответит что-нибудь холодное, я опять взбешусь.

А в половине пятого всё-таки позвонила. Длинные гудки жутко бесили, но так и никто не ответил. Через полчаса попробовала снова. На этот раз вызов сбросили почти сразу.

Я уставилась на экран.

— Ну, конечно!

Если Северин злится, то делает это основательно.

Я прекрасно представляла, как он сидит за своим огромным столом, смотрит на телефон, видит моё имя и упрямо откладывает аппарат в сторону.

Ну и пусть!

Пусть позлится. Я, возможно, заслужила. Совсем чуть-чуть. Если только не долго… на большее я не была согласна.

Но к семи вечера терпение закончилось.

Я уже трижды подходила к холодильнику, дважды включала телевизор и даже попыталась почитать книгу, но не смогла осилить больше двух страниц. Потому что перед глазами постоянно стояло лицо Северина. То самое выражение, с которым он спросил, жалею ли я о нашем браке.

Я никогда прежде не видела его таким. И чем дольше вспоминала, тем сильнее становилось не по себе.

В половине восьмого я села ужинать. Вернее, просто поставила перед собой тарелку, но есть не хотелось. На кухне было слишком тихо. Я посмотрела на пустой стул напротив и вдруг вспомнила, как утром Северин приготовил мне тост.

Потому что я опять пила кофе натощак. Потому что помнил, что у меня болит желудок. Потому что даже в спешке всегда находил время позаботиться обо мне.

И я расплакалась.

Совершенно неожиданно.

Сидела за столом, смотрела на остывающий ужин и ревела из-за какого-то дурацкого тоста.

Хотя прекрасно понимала, что дело вовсе не в нём.

Я устала от наших ссор, от его контроля, от необходимости постоянно защищать своё право на самые обыкновенные вещи. Но ещё больше боялась однажды проснуться и обнаружить, что мы действительно потеряли друг друга.

А сегодня утром я сама предложила сделать первый шаг к этому…

— Господи, какая же я дура…

Я вытерла лицо, взяла телефон и набрала номер мужа. И снова без ответа. Тогда я позвонила его помощнику.

— Марк, привет. Северин ещё в офисе?

— Элина Романовна? Да. Был, по крайней мере. Я уже уехал минут сорок назад.

— Понятно. Спасибо.

— Что-нибудь передать?

— Нет. Ничего.

Я отключилась, и несколько минут сидела неподвижно. А потом вдруг подумала: какого чёрта я вообще жду? Пока Северин первым позвонит? Пока мы оба окончательно изведём

себя этой бессмысленной гордостью?

Да, я была неправа.

Не во всём, конечно же.

Мне по-прежнему не нравилось, что муж каким-то образом выяснил, где я провела вчерашний вечер. Я по-прежнему считала, что имею право на личное пространство, и собиралась обязательно вернуться к этому разговору. Но разве ради этого стоило говорить человеку, которого любишь, что жалеешь о семи годах совместной жизни?

Нет!

Не стоило.

И если раньше после каждой ссоры мы ждали, пока кто-нибудь из нас не выдержит и первым потянется к другому, то сегодня я не собиралась играть в эту дурацкую игру.

В конце концов, почему бы мне самой не сделать первый шаг?

Я поднялась с дивана и пошла переодеваться. Натянула джинсы, мягкий свитер, собрала волосы. И уже в прихожей остановилась перед зеркалом.

— Ну что, Астафьева? Поедешь просить прощения?

Отражение смотрело на меня довольно скептически.

— Да, — ответила я самой себе. — Представляешь? Иногда и такое бывает.

По дороге заехала в небольшую кофейню неподалёку от офиса Северина, и заказала его любимый кофе. Двойной эспрессо с небольшим количеством молока, без сахара.

Бариста уточнила:

— С собой?

— Да.

Я посмотрела на часы, половина десятого.

У-у-ух, поздновато, конечно. Но Северин наверняка опять ничего не ел, зато кофе выпьет обязательно.

Пока девушка готовила заказ, я несколько раз представляла нашу встречу. Как сейчас вот войду в кабинет. Он поднимет глаза от документов и нахмурится. Спросит, что я здесь делаю. А я поставлю перед ним стакан и скажу:

«Север, я была неправа».

Не во всём. Повторюсь!

Это важно!

Но в том, что наговорила утром, это точно. А потом он тоже извинится. И возможно, хотя нет. Скорее всего! Мы снова поругаемся, но уже чуть менее болезненно, чем утром. И хотя бы начнём разговаривать.

А потом…

Я невольно улыбнулась. Потом он наверняка притянет меня к себе, посадит на колени и поцелует.

Я даже представила, как он сделает это: сначала возьмёт за руку, проведёт большим пальцем по запястью, а потом потянет ближе, пока я не окажусь между его коленями.

И скажет что-нибудь вроде:

«Ну что, Эль, закончила меня воспитывать?»

А я отвечу, что только начала. Он обязательно рассмеётся

и поцелует меня снова.

Господи, как же хотелось уже оказаться рядом с ним.

Бариста протянула мне стакан.

— Осторожно, горячий.

— Спасибо, — улыбнулась я с нетерпением перехватывая стакан из её рук, быстро вышла на улицу и направилась к машине.

И через двадцать минут уже въезжала на подземную парковку офиса Северина.

Его автомобиль стоял на привычном месте. Значит, здесь. И я выдохнула успокаиваясь, даже почему-то стало легче от одного вида его авто. Хотя сердце всё еще бешено колотилось в ожидании встречи с любимым.

Я заглушила двигатель, посмотрела на себя в зеркало заднего вида и поправила выбившуюся прядь.

— Только не начинай снова, — предупредила я отражение, и вышла из машины.

В здании было почти пусто. Охранник у входа поздоровался со мной и даже не спросил, куда я направляюсь, потому что здесь меня знали.

Я поднялась на лифте.

На этаже горел приглушённый вечерний свет. Приёмная пустовала. На столе Марка аккуратно лежали документы, монитор был выключен. А из кабинета Северина пробивалась узкая полоска света.

Я замедлила шаг. Наверное, снова начала нервничать.

Ещё утром мне хотелось придушить этого мужчину. А сейчас, просто обнять. Сказать, как сильно я его люблю. Что никуда не собираюсь уходить. Что он ужасно меня бесит, но я всё равно не представляю своей жизни без него.

Я даже представила, как он усмехнётся на последней фразе.

«А куда ты денешься, Эль?»

Самоуверенный засранец!

Мой любимый, самоуверенный засранец.

Я крепче перехватила стакан с кофе и подошла к двери. Она была прикрыта не до конца. Из кабинета донёсся какой-то звук, и я остановилась. Сначала даже не поняла, что именно услышала.

Короткий женский выдох…

Потом что-то глухо ударилось о дерево. Я нахмурилась. В голове не возникло ничего страшного. Мне показалось, что Северин не один, что кто-то ещё работает. Может быть, человеку стало плохо.

Я толкнула дверь.

И первые несколько секунд мой мозг категорически отказывался верить в то, что видели глаза.

На полу валялись бумаги, кресло было отодвинуто от стола, а на его краю сидела Диана Корсак. С задранной юбкой, расстёгнутой блузкой и широко разведёнными ногами.

Между ними стоял мой муж.

Северин.

Мой Север…

Я узнала его спину, плечи под белой рубашкой, привычный наклон головы. Только рубашка выбилась из брюк, а руки, которые ещё позавчера обнимали меня, сейчас держали другую женщину.

Он двигался, и Диана подавалась ему навстречу, обхватив за плечи.

Я видела, как её пальцы сжали ткань его рубашки. Слышала короткое, прерывистое дыхание. И никак не могла заставить себя отвернуться.

Нет…

Господи, нет!

Этого не может быть.

Я, наверное, ошиблась дверью. Или сейчас проснусь. Просто открою глаза, повернусь на другой бок, а Северин будет лежать рядом, тёплый, сонный, и недовольно спросит, почему я ворочаюсь.

Но передо мной был его кабинет.

Его рабочий стол.

И Диана…

Я нервно сглотнула и не заметила, как стакан выскользнул из пальцев, лишь услышала удар о плитку, и увидела, как отлетела крышка, а горячий кофе плеснул мне на туфлю. Но я даже не почувствовала, что обожглась.

Диана повернула голову первой, её глаза резко расширились.

— Элина…

Северин резко обернулся.

И вот тогда я увидела его лицо.

Господи…

Я ведь до последней секунды надеялась, что ошиблась. Что сейчас он повернётся и окажется каким-то другим мужчиной. Похожим со спины, в такой же белой рубашке.

Но это был Северин.

Мой муж.

С которым мы прожили семь лет.

Которого я любила так сильно, что иногда самой становилось страшно.

А он стоял передо мной с расстёгнутыми брюками, и я вдруг поняла, что ещё несколько секунд назад он даже не знал о моём присутствии.

Он был занят.

Ему было хорошо.

С ней…

В груди что-то болезненно сжалось. Я попыталась вдохнуть, но воздух словно застрял где-то под рёбрами. Открыла рот, сделала ещё одну попытку и почувствовала, как начинает кружиться голова.

Северин отступил от стола, торопливо поправляя одежду, и я отвернулась. Меня внезапно затошнило.

Я прижала ладонь ко рту.

Только бы не вырвало.

Только бы не упасть прямо здесь.

Время будто остановилось, вокруг всё замерло. Я даже перестала дышать. А потом глубоко вздохнув, заставила себя снова посмотреть на него и невольно задержала взгляд на его руках. Эти ладони только что касались Дианы.

А утром он готовил мне завтрак. Целовал в висок.

Позавчера мы занимались любовью, и я ещё смеялась, когда он не хотел выпускать меня из постели.

Позавчера!..

Господи, неужели он уже тогда спал с ней?

Может, приходил домой, ложился рядом со мной, обнимал, целовал, а потом ехал сюда?

Я почувствовала, как к горлу вновь подкатывает что-то горячее и мучительное.

Слёзы.

Нет!

Только не перед ними. Не доставлю им такого удовольствия. И мгновенно стиснула зубы так сильно, что заболели скулы, но я заставила себя посмотреть ему в глаза.

Он молчал.

Просто стоял и смотрел на меня.

Я ждала, что он скажет хоть что-нибудь. Начнёт объяснять, оправдываться, хотя бы выругается от неожиданности. Но секунды шли, а мой муж молчал.

И это молчание было страшнее всего.

Потому что я знала Северина. Он умел говорить. Господи,

да он мог заболтать кого угодно! Убедить, настоять, доказать свою правоту даже тогда, когда был совершенно неправ.

А сейчас смотрел на меня и не находил слов.

Значит, всё.

Значит, даже он понимает, что оправдать увиденное невозможно.

Я медленно покачала головой и с трудом прохрипела:

— Так вот оно что…

Голос прозвучал чужим, что даже я сама его не узнала. А Северин нахмурился.

— Эль…

От этого привычного обращения меня передёрнуло. Ещё недавно я любила, когда он так меня называл, а сейчас даже слышать не могла.

И мир почему-то не рухнул.

Стены стояли на месте. За огромными окнами горели огни города, кондиционер всё так же тихо шумел. А я смотрела на собственного мужа, который только что трахал другую женщину на своём рабочем столе, и почему-то вдруг подумала о кофе.

Он растекался по полу. Коричневая лужа становилась всё больше, подбиралась к носку моей туфли, а я стояла и смотрела на неё, словно это было самое важное, что сейчас происходило.

Я ведь специально заехала за этим чёртовым кофе. Помнила, какой он любит. Даже попросила сделать погорячее,

потому что Северин всегда жаловался, что напитки остывают, пока он до них добирается.

Он отступил от Дианы, что-то поправлял на себе, а я не двигалась.

Господи, только бы он не подошёл.

Только бы не прикоснулся ко мне этими руками.

Как же это мерзко…

— Элина… — тихо произнёс он, а я покачала головой и повторила:

— Так вот почему…

Я смотрела на него и вдруг вспоминала последние месяцы. Его ревность, бесконечные вопросы, подозрения. Как он злился, если я задерживалась после работы. Как сегодня утром требовал объяснить, почему меня не было у Лены.

Он боялся, что я ему изменяю?

Потому что сам изменял?

От этой мысли живот болезненно свело. Я невольно прижала к нему руку, пытаясь справиться с очередным приступом тошноты.

— Господи, Север…

Он дёрнулся ко мне.

— Что с тобой?

Я вскинула ладонь, останавливая его.

— Не смей!

Голос сорвался.

Я ненавидела себя за это. За дрожащие пальцы, за подсту-

пающие слёзы, за то, что даже сейчас какая-то жалкая часть меня отчаянно хотела, чтобы он подошёл и обнял.

Мой муж всегда умел меня успокаивать.

Когда умер Мирон, именно Северин держал меня ночами, пока я рыдала у него на груди. Когда я боялась, когда мне было плохо, когда весь мир казался чужим, я шла к нему.

А теперь куда мне идти?

Именно сейчас… к кому?

Если именно он сделал мне настолько больно, что я едва могла стоять на ногах?

За спиной Северина послышался шорох. Диана застёгивала блузку. Я посмотрела на неё, и едва не задохнулась снова.

Диана…

Почему она?

Из всех женщин на свете — Диана.

Подруга моего брата.

Она была на похоронах Мирона. Обнимала меня, когда я уже не могла плакать, гладила по спине и говорила, что я всегда могу на неё рассчитывать.

Я вдруг посмотрела на её пальцы. Те самые пальцы, которыми она только что цеплялась за рубашку моего мужа.

— Элина, я… — неловко промямлила она и я неожиданно резко рявкнула на неё:

— Заткнись!

Она осеклась. Я даже сама испугалась собственного голоса.

— Просто заткнись, Диана! — выдохнула я, чувствуя, как меня начинает трясти. — Только попробуй сейчас сказать, что тебе жаль!

Диана опустила глаза. И почему-то именно это окончательно меня добило.

Она стыдилась.

Она хотя бы не могла на меня смотреть.

А Северин…

Я повернулась к мужу.

— Ты её трахал, — усмехнулась я с горечью, и он будто застыл от моих слов. — Прямо здесь. На своём столе.

Слова давались с трудом. Я будто проталкивала их через сжатое горло.

— Пока я ехала к тебе…

Я замолчала, взгляд снова упал на разлитый кофе. И меня вдруг пронзила такая обида, что захотелось завыть.

Северин посмотрел на стакан, валявшийся у моих ног, потом на меня.

— Элина, послушай… — удивительно спокойно прозвучал его голос.

Настолько спокойно, что мне захотелось ударить его. И я рассмеялась. Звук получился ужасный.

— Последние месяцы… Я всё думала, что с тобой происходит. Почему ты стал таким. Почему тебе надо знать, где я, с кем я, во сколько вернулась. Почему ты смотришь на меня так, будто я постоянно в чём-то виновата.

— Это не имеет к этому отношения, — выпалил Северин внезапно.

— Конечно, — снова усмехнулась я, совсем тихо.

— Элина…

— Нет, подожди. Я просто хочу понять. Получается, всё настолько банально?

У меня задрожал подбородок.

Чёрт!

Я прикусила губу, пытаясь остановить это предательское движение.

И он заметил. Всё-таки заметил.

Северин отвёл глаза. А меня словно ударили.

— Скажи что-нибудь, — попросила я, так тихо, почти жалобно.

И тут же возненавидела себя за эту просьбу. Но я действительно ждала. Пусть скажет, что сошёл с ума. Что совершил чудовищную ошибку. Что ненавидит себя.

Что любит меня.

Господи, пусть хотя бы это скажет!

Северин провёл рукой по волосам.

— Я не буду перед тобой оправдываться.

Я моргнула.

Наверное, ослышалась.

— Что?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Оправдания ничего не изменят.

Я стояла и пыталась понять услышанное.

Не изменят?

То есть он даже не собирается просить прощения?

Не собирается объяснять, как оказался между ног Дианы?

Я вспомнила нашу утреннюю ссору. Как Северин смотрел на меня, когда я сказала, что, возможно, жалею о браке. Как спрашивал, хочу ли я уйти.

А я ведь не хотела.

Господи, я так боялась его потерять!

И вот теперь…

— И это, всё? — спросила я.

Северин нахмурился.

— Элина…

— Семь лет, Север. Семь лет нашей жизни. И ты даже не попробуешь ничего сказать?

Северин посмотрел на меня, и впервые за всё время я увидела, как у него дрогнуло лицо. Он будто хотел что-то сказать, но передумал.

— Что ты хочешь от меня услышать?

Я отшатнулась. Вот теперь действительно стало нечем дышать. Потому что я поняла… он не собирается бороться за меня. Я приехала сюда, готовая первой попросить прощения за утреннюю ссору. А мой муж стоял передо мной после секса с другой женщиной и спрашивал, что я хочу услышать. Словно это я должна была подсказать ему нужные слова.

— Ничего, — тихо выдавила я. — Уже ничего.

Северин сделал шаг, и я попятилась.

— Не трогай меня.

Он резко остановился.

Я смотрела на его лицо и понимала, что теперь навсегда запомню его таким.

Эти глаза.

Эта рубашка.

Диана за его спиной.

И то, как спокойно он позволил всему случиться.

— Сегодня домой не приезжай, — произнесла я.

— Элина, давай ты сначала успокоишься.

Горькая усмешка вновь вырвалась из моих уст.

— Успокоюсь?

Он сжал челюсти.

— Я не это имел в виду.

— Не приезжай, Северин.

Голос снова дрогнул, и я поспешно отвернулась. Иначе… ещё немного, и я расплачусь.

А я не хотела унижать себя еще больше.

Только не перед ним.

Не перед женщиной, с которой он только что мне изменил.

Я не собиралась доставлять им удовольствие смотреть, как меня уничтожили. Пусть хотя бы этого не увидят. И вышла из кабинета, стараясь идти ровно.

Только оказавшись в коридоре, поняла, что почти ничего

не вижу. Перед глазами всё расплывалось. Я быстро заморгала, запрокинула голову, пытаясь удержать слёзы, но одна всё-таки сорвалась и покатилась по щеке.

Я зло стёрла её ладонью.

Нет! Не здесь. Не сейчас. Пожалуйста…

Я дошла до лифта и нажала кнопку вызова. Пальцы не слушались. Пришлось нажать ещё раз. И вдруг я замерла.

За спиной было тихо. Совершенно тихо. Я невольно повернула голову, посмотрела на закрытую дверь.

Северин не вышел.

Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается отчаянная, совершенно нелепая надежда.

Сейчас. Вот сейчас, он выйдет, окликнет, догонит.

Господи, ну сделай же хоть что-нибудь!

Север!

Я ведь не хотела уходить от тебя…

Я хотела прожить с тобой всю жизнь.

Двери лифта открылись, я вошла и обернулась.

Пустой коридор.

Ни звука.

Смотрела на дверь его кабинета до последней секунды, пока створки лифта не сомкнулись перед моим лицом. И только тогда поняла, что Северин действительно позволил мне уйти.

Он даже не попытался меня остановить.

Я прижала ладонь ко рту, потому что из груди вырвался

какой-то страшный, надломленный звук.

Слёзы хлынули сами.

Я пыталась их остановить, вытирала лицо, глубоко дышала, но ничего не получалось. Перед глазами снова возникала Диана. Её ноги. Руки Северина. Его лицо, когда он обернулся.

И эти чудовищные слова:

«Оправдания ничего не изменят».

А как же я, Север?

Я разве ничего не значу?

Неужели все наши семь лет для тебя действительно закончились вот так?

Лифт остановился. Я поспешно вытерла лицо рукавом, заставила себя выпрямиться и вышла.

Охранник поднял голову.

— Доброй ночи, Элина Романовна.

— Доброй, — каким-то чудом ответила я.

Он больше ничего не спросил.

И слава богу!

На парковке я долго не могла нажать кнопку на брелоке. Потом уронила ключи, нагнулась за ними и вдруг поняла, что больше не могу разогнуться. Так и осталась стоять, согнувшись возле водительской двери, хватая ртом воздух. Грудь жутко болела. Будто кто-то сдавил её изнутри и не собирался отпускать.

Я с трудом выпрямилась, открыла машину и забралась

внутрь.

Захлопнула дверь. И всё!

Больше не могла сдерживать себя. Согнулась над рулём, закрыла лицо руками и разрыдалась. Громко, навзрыд, захлёбываясь, пытаясь вдохнуть между рыданиями. И сейчас, мне было плевать, услышит ли кто-нибудь.

Плевать, как я выгляжу.

Я просто больше не могла держаться.

— За что?.. — вырвалось у меня. — Господи, за что он так со мной?..

Я же любила его. Даже сегодня утром, когда кричала, что задыхаюсь рядом с ним, я любила его до безумия.

И сейчас…

Сейчас тоже!

Вот что оказалось самым ужасным.

Я только что увидела собственного мужа с другой женщиной. Ненавидела его, испытывала такое отвращение, что меня мутило от одного воспоминания. Но если бы он вдруг появился возле машины, постучал в стекло и попросил поговорить…

Я не знала, хватило бы у меня сил его прогнать.

От этой мысли я заплакала ещё сильнее. Потому что ненавидела себя за неё.

За любовь, которая никуда не исчезла.

За то, что продолжала ждать.

Я подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида.

За стеклом виднелись пустые парковочные места, бетонные колонны и тусклый свет ламп.

Северина… не было.

Я вытерла мокрые щёки и попыталась отдышаться. Потом посмотрела на телефон.

И ничего!

Ни звонка, ни сообщения. Ни-че-го!

Я ведь сама велела ему не приезжать домой.

Но неужели он действительно собирался вот так меня отпустить?

После семи лет?

После всего, что между нами было?

Я снова посмотрела на экран, надеясь, что он хотя бы сейчас загорится, но телефон молчал. А я сидела одна, в машине, на парковке здания, где работал мой муж, и никак не могла понять, как мне теперь возвращаться домой.

В нашу спальню.

В нашу постель.

В квартиру, где ещё утром мы пили кофе, ссорились и строили планы на вечер.

Туда, где всё напоминало о нём.

Я прижала телефон к груди и снова заплакала.

За семь лет брака Северин впервые сделал именно то, о чём я его попросила.

Оставил меня в покое.

И почему-то именно это добило окончательно.

Глава 3

Элина

Настоящее время

Северин смотрит на меня через дорогу, а я стою возле ресторана, сжимая телефон, и никак не могу поверить в происходящее. На экране всё ещё открыто сообщение.

ТЫ ОПЯТЬ ВЫБРАЛА НЕ ТОГО.

НЕ ВЕРИШЬ? ОГЛЯНИСЬ.

Я оглянулась, и увидела бывшего мужа.

Господи, да что за чёрт?!

Три года мы не встречались. Три года! А теперь он появляется именно в тот вечер, когда Демид сделал мне предложение. Причём спустя несколько секунд после сообщения от неизвестного номера.

Слишком удачное совпадение.

Северин с привычной небрежностью захлопывает дверцу машины и направляется ко мне. Идёт не торопясь, словно мы заранее договорились встретиться, а он всего лишь немного опоздал. Я снова опускаю взгляд на телефон, от растерянности даже быстро-быстро моргаю. Зачем-то проверяю номер отправителя, хотя прекрасно понимаю, что за последние несколько секунд ничего измениться не могло. На экране всё та же фотография: мы с Демидом возле ресторана. Очевидно же, что кто-то следил за нами.

Поднимаю глаза на приближающегося Северина, и возникает вполне логичный вопрос:

«Почему именно сейчас он оказывается здесь?»

Не могу оторвать от него взгляда и вижу, что он уже перешёл дорогу. Неосознанно рассматриваю его с ног до головы.

Вот ведь сволочь!

За три года мог бы хотя бы немного подурнеть. Отрастить живот, облысеть, обзавестись вторым подбородком. В конце концов, существует же какая-то справедливость!

Но ничего подобного!

Всё такой же высокий, широкоплечий, с той раздражающей уверенностью в каждом движении, которую я когда-то находила невероятно привлекательной. Тёмное пальто распахнуто, под ним костюм. Галстука нет, верхняя пуговица рубашки расстёгнута.

Выглядит прекрасно!

Ненавижу!

Так и хочется изрыгнуть драконье пламя, будь такая возможность. Только, не судьба! Не в сказку попала! Приходится просто стоять и злиться.

Особенно бесит то, что даже спустя три года я замечаю, насколько он хорош собой.

Северин останавливается примерно в метре от меня.

— Здравствуй, Элина.

Этот голос…

Мамочки!

Низкий, с лёгкой хрипотцой. Тот самый, который снился мне по ночам, пока я собирала себя по кусочкам после развода.

Чёрт бы его побрал! И голос этот, и его обладателя заодно!

Я столько раз представляла нашу случайную встречу. Думала, что скажу, как посмотрю на него. Иногда даже репетировала язвительные ответы, которыми непременно поставлю бывшего мужа на место… а теперь все заготовленные фразы куда-то исчезли.

— Вельский, — наконец произношу я.

Он рассматривает меня без всякого стеснения. Задерживается взглядом на лице, волосах, затем опускает глаза. Смотрит на мою левую руку. И я нарочно поправляю волосы, чтобы кольцо оказалось у него перед глазами.

Мелочно?

Плевать!

— Значит, всё-таки решилась, — произносит он надменно, и я напрягаюсь.

— Что?

— Замуж выйти.

— Откуда ты знаешь?

Северин приподнимает бровь и указывает взглядом.

— Кольцо, Элина.

Ну, конечно.

Кольцо.

Нормальный человек сделал бы точно такой же вывод. Но

напротив меня стоит Северин Вельский, а в кармане лежит телефон с фотографией, которую кто-то сделал украдкой.

— Поздравляю, — добавляет он.

Я всматриваюсь в его лицо, пытаясь понять, насколько искренне прозвучали эти слова. Но Северин, как обычно, ничего не выдаёт, и мне остаётся только ответить:

— Спасибо.

Он ещё несколько секунд изучает меня с таким вниманием, что приходится приложить усилие, чтобы не отвести глаза.

— Не похоже, что ты рада встрече.

— А должна? — выпаливаю прежде, чем успеваю прикусить язык, на что он чуть ухмыляется и качает головой:

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь? — начинаю распаляться на ровном месте.

— Вообще-то, я не спрашивал.

Господи, начинается!

Сколько лет прошло, а разговаривать с ним по-прежнему невозможно. Вот вроде бы стоит спокойно, слова лишнего не скажет, а мне уже хочется чем-нибудь в него запустить.

— Ты, вообще, что здесь делаешь? — не выдерживаю я.

— Приехал на встречу.

— В одиннадцать вечера?

Очень стараюсь не выдать своего удивления, но, судя по тому, как Северин приподнимает бровь, получается так себе.

Врёт же! Напропалую! Нагло, совершенно спокойно, даже глазом не моргнув. Хотя… с него станется назначить деловую встречу посреди ночи.

— Представь себе. Некоторые люди работают и после шести.

— Неужели? А я думала, тебя наконец научили уходить из офиса вовремя.

Уголок его рта дёргается.

— Смотрю, ты всё такая же язвительная.

— А ты всё такой же заносчивый, — фыркаю в ответ и наконец отвожу взгляд в сторону.

Хочется выдохнуть. Только не получается. Так, хотя бы на секунду не смотреть на это самодовольное лицо.

— Рад, что хоть в чём-то мы сошлись.

Я едва не улыбаюсь.

И это бесит больше всего!

Три года назад я поклялась, что больше никогда не позволю этому мужчине играть моими чувствами. А сейчас он произносит пару привычных колкостей, и я уже ловлю себя на желании ответить ему так, как отвечала раньше.

Будто ничего не произошло.

Будто не было того кабинета, Дианы и семи лет брака, которые закончились одним отвратительным вечером.

Я вновь смотрю на него, против воли. Чувствую, как внутри поднимается буря, которую с трудом получается усмирить и снова отвожу взгляд.

Если бы не необходимость дождаться Демида, я бы давно развернулась и пошла прочь. Желательно побыстрее и не оглядываясь. Но приходится стоять здесь и поддерживать беседу с человеком, которого я меньше всего рассчитывала встретить сегодня вечером.

— Значит, встреча была здесь?

— Как видишь, здесь, — кивает он на ресторан за моей спиной. — Закончилась минут двадцать назад.

— И всё это время ты сидел в машине?

Вопрос вырывается с таким подозрением, что я сама себя мысленно одёргиваю. Какое мне вообще дело, где он сидел и сколько?

И снова он усмехается уголком губ.

— Разговаривал по телефону.

— Ну конечно, — протягиваю я, закатывая глаза, а он так спокойно произносит:

— Тебе показать список вызовов?

Я тут же поворачиваюсь к нему.

— А покажешь?

Северин смотрит на меня так, будто я только что предложила ему продать компанию за три копейки.

— Ты серьёзно?

— А что? — пожимаю плечами. — Ты сам предложил.

— Элина, я не собираюсь отчитываться перед тобой за свои звонки.

— Надо же! Как знакомо звучит.

Он меняется в лице. Правда, совсем немного, но я замечаю. За семь лет брака я научилась различать даже такие мелочи.

— Мы опять будем об этом?

— О чём именно? — невинно интересуюсь я.

Северин недовольно выдыхает:

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Северин, — резко отвечаю и сама поражаюсь насколько спокойно сейчас звучит мой голос. — Я как раз давно перестала понимать, что происходит у тебя в голове.

Он проводит ладонью по подбородку, несколько секунд молчит, словно решает, стоит ли вообще продолжать этот разговор.

— Я подошёл поздороваться. Если тебе настолько неприятно меня видеть, могу уйти.

Вот и прекрасно! Именно этого я и хотела с той самой секунды, как увидела его возле машины. Только почему-то, когда Северин действительно предлагает уйти, внутри неприятно ёкает. И вместо того, чтобы промолчать, я выпаливаю:

— Ну так уходи.

Северин смотрит на меня.

— Хорошо.

И действительно собирается развернуться. Вот ведь…

— Подожди! — неожиданно для себя, сама же его и останавливаю.

Он будто замирает в этот момент, а я мысленно отвеши-

ваю себе пощёчину.

Вот зачем, скажите, пожалуйста?! Зачем остановила?!

— Что? — спрашивает Северин.

— Ты… — я вдруг запинаюсь, лихорадочно придумывая причину. — Получается, ты давно уже здесь?

— Мы уже это обсудили.

— Я спрашиваю, когда ты приехал.

— Около половины одиннадцатого. А что?

Я быстро прикидываю время. Мы с Демидом вышли из ресторана незадолго до одиннадцати. Фотография сделана уже на улице. Значит, Северин вполне мог нас видеть.

— Ничего, — задумчиво произношу.

— Элина.

Он произносит моё имя чуть иначе, и я поднимаю глаза.

— Что?

— Что случилось?

— С чего ты взял, что что-то случилось?

— У тебя руки дрожат.

Чёрт!

Я поспешно прячу телефон в карман пальто и, чтобы хоть как-то оправдать своё состояние, передёргиваю плечами.

— Просто холодно, замёрзла.

Северин окидывает меня внимательным взглядом, задерживаясь на распахнутом пальто.

— Застегнись тогда.

Ну вот! Три года не виделись, а он уже снова командует.

— Спасибо за совет, — фыркаю я, на что совершенно невозмутимо отвечает он:

— Пожалуйста.

И не уходит. Я тоже остаюсь на месте. И почему-то именно сейчас замечаю, насколько близко мы стоим. От него пахнет дорогим парфюмом, но уже не тем, который я помню.

Странно.

Казалось бы, какая мне разница, чем пользуется бывший муж? А я стою и пытаюсь определить, какие ноты в этом новом запахе.

Совсем с ума сошла!

Мысленно обругав себя, отвожу взгляд. В который раз! Невыносимо больно. Всё еще невыносимо больно, просто от одного его присутствия. Господи, я ведь думала, что за три года научилась жить и дышать без него… а сейчас он просто стоит рядом, и мне снова больно. Так обидно, что хочется немедленно уйти, пока он ничего не заметил.

— Ты чего-то испугалась? — неожиданно спрашивает Северин.

Я вскидываю голову.

— Нет.

— Тогда почему так нервничаешь?

— Потому что передо мной внезапно появился мужчина, которого я не видела три года. И этот мужчина почему-то решил, что имеет право меня допрашивать, — раздраженно выпаливаю на одном дыхании.

— Я задал всего-то два вопроса.

— Уже больше, — возмущаюсь уже откровенно, и мечтаю завершить эту словесную перепалку.

Северин приподнимает бровь, а я раздражённо переступаю с ноги на ногу и оглядываюсь на дорогу.

Ну где же Демид? Обещал скоро вернуться, а его всё нет. Сейчас бы сесть к нему в машину, почувствовать, как он привычно накрывает мою ладонь своей, и оставить эту встречу позади.

— Неужели считаешь? — раздаётся рядом насмешливый голос.

— Вот еще! — зачем-то продолжаю огрызаться, — Просто это так предсказуемо и банально, что могу перечислить.

Северин усмехается.

— Даже не сомневаюсь.

И ведь произносит это совершенно спокойно!

А я стискиваю зубы, с трудом удерживаясь от очередной колкости.

Он всегда умел вот так. Одной короткой репликой довести меня до белого каления, а потом смотреть с совершенно невинным видом.

— Ты вообще зачем подошёл-а? — спрашиваю снова.

— Увидел тебя.

— Ну, и? Увидел. Что дальше?

— Захотел поздороваться.

— Просто поздороваться? — переспрашиваю, чувствуя,

как снова повышаю голос.

— Элина, прошло три года. Я способен встретить бывшую жену и не устроить из этого международный скандал.

— Какая неожиданная новость!

Вот зачем я опять язвлю? Неужели так трудно хотя бы пять минут поговорить с ним нормально?

Хотя с Северином попробуй поговори нормально, когда он ещё и подыгрывает:

— Сам удивляюсь.

И улыбается, зараза!

Опять этот проклятый уголок рта. И вроде как улыбается-то совсем чуть-чуть, но я слишком хорошо помню, как выглядел Северин, когда ему действительно было весело.

И я вновь, неосознанно вспоминаю, как мне раньше нравилось его смешить. Особенно после тяжёлого рабочего дня, когда он возвращался домой злой на весь мир и начинал ворчать на всё подряд. Я могла специально сказать какую-нибудь глупость, лишь бы он перестал хмуриться. И когда наконец слышала его смех, сама радовалась как дурочка.

Господи, сколько же всего было…

Я вдруг понимаю, что уже несколько секунд рассматриваю его лицо. И Северин это замечает. Улыбка постепенно сходит с его губ.

— Ты изменилась, — произносит он.

— Людям это свойственно, — чуть тише произношу в этот раз.

— Я заметил.

Его внимание снова привлекает кольцо на моём пальце. Я машинально шевелю рукой, и бриллиант ловит отблеск ресторанных огней.

— Северин…

— Что?

— На сегодня хватит. Иди уже. Мне тоже давно пора.

Он поднимает глаза и слишком быстро соглашается:

— Хорошо.

Я растерянно моргаю.

Вот так просто?

Ни возражений, ни попыток выяснить, что я имела в виду? Даже не спросит, почему я вдруг решила закончить разговор?

— И всё? — вырывается вдруг у меня.

Северин смотрит на меня с лёгким недоумением.

— А чего ты ждёшь?

Хороший вопрос.

Наверное, привычного давления. Он ведь никогда не умел вовремя остановиться, особенно когда чувствовал, что я что-то недоговариваю. Мог часами вытягивать из меня ответы, спорить, злиться, но просто взять и закончить разговор?! Нет, такого за ним не водилось.

— Ничего, — отвечаю наконец.

— Тогда почему смотришь так, будто я неправильно ответил?

— Потому что раньше ты не умел останавливаться.

Он несколько секунд молчит.

— Раньше многое было иначе.

Вот теперь мне хочется уйти, однозначно. Потому что я прекрасно понимаю, о чём он говорит.

Раньше мы были женаты.

Раньше я могла в любой момент подойти к нему, обнять, поцеловать. Могла позвонить среди рабочего дня и попросить приехать домой, потому что соскучилась. Могла поссориться с ним утром, а вечером забраться к нему на колени и мириться до глубокой ночи.

А потом всё закончилось.

И виноват в этом был он.

— Да, — отвечаю я с лёгким вздохом разочарования. — Было.

Северин смотрит на меня, и я выдерживаю его взгляд, хотя внутри уже начинает неприятно тянуть. Перед глазами вдруг возникает другая рубашка.

Белая.

Выбившаяся из брюк.

Женская ладонь на его плече.

Меня передёргивает.

— Элина?

— Что? — чуть слышно произношу и смотрю будто сквозь него.

— Ты побледнела, — обеспокоенно прозвучал его голос,

и тут меня прошибает.

Не выдерживаю его взгляд, отвожу глаза в сторону и лишь выдыхаю:

— Тебе показалось.

Он делает едва заметное движение ко мне, но останавливается.

— Может, присядешь? Там возле входа есть скамейка.

— Не надо, — фыркаю вновь, стараюсь взять себя в руки. — Я прекрасно себя чувствую.

— Не похоже! — теперь и в его голосе звучат нотки раздражения, но я одёргиваю его резче, чем хотелось бы:

— Северин, прекрати!

Он сжимает губы. И вновь это его непривычное согласие:

— Ладно.

Я отворачиваюсь.

Как же меня раздражает его спокойствие!

Раньше он бы уже спорил, требовал объяснений, пытался выяснить, что со мной. А сейчас словно намеренно держит себя в руках.

И я совершенно не понимаю, что с этим делать.

Из ресторана выходит шумная компания. Несколько мужчин о чём-то громко спорят, женщина в красном платье смеётся, придерживая сумочку. Один из них пятится к нам, не глядя под ноги. Я замечаю его слишком поздно, зато Северин успевает перехватить меня чуть выше локтя и отвести в сторону.

— Осторожнее.

Всего-то одно движение. Вот совершенно обычное, безобидное. Но я вздрагиваю от неожиданности и резко отстраняюсь.

— Не трогай меня!

Он сразу же отпускает и пялится с таким откровенным недоумением, будто я только что обвинила его во всех смертных грехах.

— Тебя чуть не сбили с ног.

— Я заметила.

— Тогда в чём проблема?

В том, что он стоит слишком близко.

В том, что я всё ещё чувствую тепло его пальцев, хотя он уже давно меня не касается.

И в том, что мой взгляд совершенно некстати опускается на его губы.

Чёрт!

Северин замечает.

Я вижу это по тому, как у него пропадает насмешливое выражение лица, а взгляд на короткое мгновение задерживается на моих губах. У меня перехватывает дыхание. Жутко хочется облизнуть губы, будто на них до сих пор остался вкус его поцелуев. Хотя какие, к чёрту, поцелуи? Три года прошло!

Он первым отводит взгляд и произносит, тяжко вздыхая:

— Элина…

— Не надо, — быстро перебиваю его.

— Я еще ничего не сделал.

— Вот и не начинай!

Он слегка приподнимает бровь. Похоже, собирается что-то ответить, но передумывает и отступает на шаг.

— Как скажешь.

Я с трудом подавляю желание выругаться.

Господи, что со мной?!

Мне тридцать четыре года. У меня есть любимый мужчина, который сегодня сделал мне предложение. Через несколько месяцев я, возможно, снова выйду замуж. А я стою возле ресторана и веду себя как идиотка из-за случайного прикосновения бывшего мужа.

Который, между прочим, изменил мне!

Причём не где-нибудь, а на собственном рабочем столе. С Дианой!

Воспоминание действует отрезвляюще. Я одёргиваю пальто и оглядываюсь по сторонам, высматривая Демида.

— Мне пора.

Лишь бы больше не смотреть на эти проклятые губы. До боли знакомые, чуть приоткрытые. И ведь стоит как ни в чём не бывало! Словно не заметил, что секунду назад между нами творилось.

— Тебя кто-то ждёт? — интересуется он.

Нет никакого желания распинаться перед ним, поэтому отвечаю коротко:

— Да.

Северин прослеживает за моим взглядом в сторону парковки, потом переводит на кольцо на пальце.

— Жених?

— Именно! — резко отвечаю и смотрю прямо ему в глаза, хочу увидеть, как он отреагирует.

Ну хоть что-нибудь!

Сначала кажется, что вопрос вообще его не задел. Но затем Северин убирает руки в карманы пальто, медленно втягивает воздух через нос и на несколько секунд задерживает его, словно собирается с мыслями.

Ага! Всё-таки не настолько ему плевать, как он пытается показать. И от этого открытия я испытываю совершенно постыдное удовлетворение.

— Он хоть знает, что ты уже была замужем? — снова невозмутимо спрашивает Северин.

Я даже не сразу нахожусь с ответом. Смотрю на него и глупо хлопаю ресницами. А потом будто словесный поток прорывается:

— Нет, представляешь? Скрыла семь лет брака. Демид уверен, что до тридцати четырёх я жила в монастыре.

Вельский усмехается, но голос у него опять звучит ровно.

Подозрительно ровно.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Элина…

— Нет, мне действительно интересно! — перебиваю его и чувствуя, как снова закипаю. — Ты решил проверить, насколько хорошо мой жених осведомлён о моей биографии?

Он проводит языком по внутренней стороне щеки.

Я помню эту привычку. Так Северин обычно сдерживает слова, которые лучше не произносить.

— Забудь, — наконец говорит он и качает головой.

— С удовольствием! — соглашаюсь с явным облегчением.

— Хотя вряд ли у тебя получится.

Язва! Вот же язва! А ещё твердил когда-то, что это я не могу обойтись без своих колкостей!

Я вскидываю брови.

— Какая самоуверенность!

— Я не об этом.

— Тогда выражайся яснее.

Северин уже собирается ответить, но почему-то медлит. Поворачивает голову к ресторану, где кто-то громко зовёт официанта, и лишь потом снова обращается ко мне. Улыбки больше нет на его лице, при этом.

— Ты счастлива с ним?

Вопрос застаёт врасплох.

Не потому, что я не знаю ответа.

Знаю.

Конечно, знаю!

Только с какой стати должна обсуждать своё счастье с бывшим мужем? Его это вообще не касается! Ему долж-

но быть до фени! До фонаря! Вообще по фигу, если на то пошло! Тем более, после того как он поставил жирный крест на нашем браке, оприходовав Диану на собственном рабочем столе, у него нет никакого права задавать мне подобные вопросы.

Давно пора забыть и забить на эту историю. Только вот почему-то не получается. И я вновь завожусь с пол-оборота. Чуть ли не шиплю ему в ярости:

— Это тебя не касается.

— Значит, счастлива.

Северин произносит это негромко. Пытается усмехнуться, но улыбка выходит какой-то кривой. Он отворачивается, проводит ладонью по затылку и несколько секунд смотрит на подъезжающую к ресторану машину.

А я стою и почему-то не могу заставить себя уйти.

— Северин, я не собираюсь…

— Я рад.

И тут я замолкаю.

Он произносит это спокойно, без насмешки, что мне становится ещё неприятнее.

— Не нужно, — отвечаю я.

— Что именно?

— Делать вид, будто тебе есть дело до моего счастья.

На этот раз он не отвечает сразу. Вижу, как напрягается его челюсть.

— Ты действительно думаешь, что мне всё равно?

— А разве нет?

— Элина…

— Хватит. Довольно, Север.

Имя вырывается само.

Я замираю, Северин тоже.

Господи.

Три года я старалась не произносить это имя. По крайней мере, не так, как произносила раньше.

А сейчас…

Он медленно выдыхает.

— Давно я этого не слышал.

Я отворачиваюсь.

— Забудь.

— Не получается, — слишком быстро отвечает и качает он головой с какой-то грустной усмешкой, и совсем без привычной иронии.

Я смотрю на него. Впервые за весь разговор замечаю в его глазах не раздражение и не холодное любопытство.

Что-то другое.

До боли знакомое. На секунду мне становится страшно от того, насколько сильно хочется спросить, скучал ли он. Жалел ли хоть раз о своём предательстве…

Глупость какая!

Разумеется, не спрошу.

Никогда!

За моей спиной раздаётся голос:

— Эля?

Я оборачиваюсь и облегчённо выдыхаю.

Демид.

Господи, спасибо!

Он идёт к нам с ключами в руке. Широко улыбается, но, заметив Северина, останавливается, и улыбка исчезает.

— Вельский.

Северин поворачивает голову. И словно мгновенно становится другим человеком. Лицо приобретает то самое выражение, которое я помню по его деловым встречам. Спокойное, почти непроницаемое.

— Ратников, — приветствуя кивает он головой.

Я перевожу взгляд с одного на другого, чуть ли не разинув рот.

Они знакомы?!

Хотя чему я удивляюсь? В их кругах довольно трудно не пересечься хотя бы однажды. Но почему-то мне совсем не нравится, как они друг на друга смотрят.

— Давно не виделись, — произносит Демид.

— Бывает, — усмехается Северин.

Усмешка есть, а вот в глазах ни намёка на дружелюбие. Да и Демид, судя по всему, не испытывает особой радости от встречи. Однако приличия соблюдает и даже пытается поддержать светскую беседу.

— Какими судьбами?

— Ужинал, — Северин небрежно кивает на ресторан. —

А вы?

— Мы тоже.

— Я догадался.

Вот же язва! Даже здесь умудряется вставить свои пять копеек.

Демид подходит ко мне и привычным движением кладёт ладонь на поясницу. Обычно это прикосновение меня успокаивает, и сейчас я тоже немного расслабляюсь. Только есть в его жесте что-то непривычное. Пальцы чуть крепче прижимаются к ткани пальто, а сам он становится ближе, словно намеренно обозначает, что мы вместе.

Или мне уже мерещится?

Северин, разумеется, ничего не упускает. На секунду задерживает внимание на руке Демида, затем на моём кольце. Когда он снова обращается к моему жениху, прежняя усмешка исчезает.

— Поздравляю, — произносит он.

Демид удивлённо смотрит на меня.

— Ты уже сказала?

— Нет, — отрицательно мотаю головой, а Северин сразу же поясняет, указывая взглядом:

— Кольцо.

Я едва удерживаюсь от раздражённого вздоха. Сегодня это слово явно преследует меня.

А Демид довольно улыбается.

— Спасибо.

— Когда свадьба?

Я резко поворачиваюсь к бывшему мужу.

— Северин!

Он смотрит на меня с таким невинным видом, что хоть сейчас на икону помещай. И ещё удивляется:

— Что?

— Мы ещё не решили.

— Я вообще-то у Демида спрашивал.

— А я тебе ответила.

Демид тихо усмехается:

— Всё нормально, Эль. Мы действительно пока не определились с датой.

— Понятно, — произносит Северин.

И снова этот взгляд. Теперь уже не на кольцо.

На меня.

Я чувствую, как начинаю снова злиться. Опять!

— Ты удовлетворил своё любопытство?

— Вполне, — поднимает он обе руки в знак капитуляции.

— Вот и замечательно, — всё еще недовольным голосом ворчу, и Демид слегка сжимает мою талию.

— Ну что, поехали? Машина уже у входа.

— Да, конечно.

Я поворачиваюсь к нему и с облегчением улыбаюсь. Он отвечает улыбкой, затем смотрит на Северина и кивает:

— Рад был увидеться.

— Взаимно.

Ложь!

Причём с обеих сторон.

Я готова поспорить на что угодно! Но благоразумно молчу.

Демид берёт меня за левую руку, большим пальцем случайно касается кольца, и я невольно смотрю вниз.

Северин молчит, но я чувствую его взгляд.

— Элина.

Я закрываю глаза.

Ну что ещё?!

— Да?

— Береги себя.

И тут я всё-таки оборачиваюсь.

Северин стоит на прежнем месте, засунув руки в карманы пальто. Ничего необычного, просто мужчина прощается с бывшей женой. Только после тех сообщений его слова звучат как-то уж слишком двусмысленно. Так и подмывает спросить напрямую, но рядом Демид, и затевать при нём очередную перепалку совершенно не хочется.

Вот ведь дура! Столько времени потратила на бессмысленные препирательства, а самого главного так и не спросила!

Хотя о чём тут спрашивать? Почему-то я почти уверена, что эти сообщения — очередная дурацкая выходка Северина. Вполне в его духе, вывести меня из себя, а потом стоять с невинным видом, будто вообще ни при чём.

Ладно! Разберусь с этим позже. Не при Демиде же устраивать допрос.

— Постараюсь, — отвечаю я, и Северин переводит взгляд на Демида.

— Счастливого пути, Ратников.

— И тебе не хворать, — отзывается тот с такой вежливой улыбкой, что я едва удерживаюсь от смешка.

Господи, ну прямо два лучших друга встретились!

Демид приобнимает меня за талию, и мы наконец направляемся к машине.

На этот раз я не оборачиваюсь.

Хотя очень хочется.

***

В машине тепло, даже слишком. Я расстёгиваю пальто и тянусь к регулятору климат-контроля, но Демид уже убавляет температуру.

— Жарко?

— Немного.

Он выезжает с парковки и почти сразу притормаживает. Впереди тянется вереница автомобилей. Красные огни стоп-сигналов сливаются в одну сплошную полосу.

— Да чтоб тебя! — ворчит Демид, выглядывая из-за стоящего впереди внедорожника. — И откуда столько народу в такое время?

— Может, авария?

— Не знаю. Навигатор показывает затор до перекрёстка.

Он пытается перестроиться в соседний ряд, но там ситуация ничуть не лучше.

— Похоже, придётся постоять.

— Ничего страшного, — отвечаю я.

Хотя сама уже начинаю жалеть, что мы не уехали отсюда раньше. Ресторан всё ещё виден в боковом зеркале, и мне почему-то хочется поскорее оказаться подальше от него.

Телефон лежит в сумке. Так и подмывает достать его, ещё раз перечитать сообщения, проверить время отправки. Может, я что-то упустила?

— Не хочешь рассказать? — спрашивает Демид.

— О чём?

Он косится на меня.

— Например, почему ты выглядишь так, будто встретила не бывшего мужа, а налоговую проверку с ордером на обыск.

Я невольно фыркаю.

— Очень смешно.

— Я старался.

И ведь улыбается, зараза! А мне почему-то совсем не до смеха.

— Эль, серьёзно. Что произошло?

— Ничего особенного. Просто неожиданная встреча.

— Вы ведь после развода не виделись?

— Нет.

— Неужели ни разу? Совсем?

— Демид!

— Всё, понял. Не пристаю.

Он замолкает, пропускает нетерпеливого водителя, который уже несколько минут пытается втиснуться перед нами, и медленно продвигается вперёд. Кажется, за всё это время мы не проехали и сотни метров.

Я уже думаю, что разговор закончен, но Демид всё-таки добавляет:

— Просто представляю, каково тебе было. Три года человека не видела, а тут он вдруг перед тобой.

— Вот именно.

— Ладно, забудем о Вельском. В конце концов, у нас сегодня есть повод поинтереснее.

Я смотрю на кольцо и невольно улыбаюсь.

— Спасибо, любимый.

— За предложение? Пожалуйста. Хотя мог бы и ещё раз сделать, если первый вариант не понравился.

— Да нет же! — смеюсь я. — За то, что не устраиваешь допрос.

— А я разве похож на следователя?

Я задумчиво прикусываю губу:

— Иногда.

— Ого! — очень искренне звучит его возмущение. — И когда же?

— Например, пять минут назад, — отвечаю ему и стараюсь улыбнуться, хотя всё еще чувствую напряжение в теле, которое никак не отпускает.

— Ну всё, больше никаких вопросов, — обещает Демид, но тут же добавляет с хитрой улыбкой, — По крайней мере, ближайшие пять минут.

— Какая щедрость!

— Ладно, уговорила. Десять!

Я прикрываю рот рукой и тихо смеюсь.

— Ты сегодня сама доброта.

— А ты только заметила? Между прочим, я даже жениться на тебе согласился.

Даже так?!

Чувствую, как округлились глаза, но не могу скрыть возмущение:

— Ах, вот как?! Это ты на мне жениться согласился?

Я качаю головой, и напряжение потихоньку отпускает.

Как же с ним легко. Даже сейчас, когда у меня в голове творится чёрт знает что, он умудряется рассмешить меня какой-нибудь ерундой.

Вот только стоит нам замолчать, как мысли снова возвращаются к Северину.

Сегодня он несколько раз останавливал себя на полуслове. Раньше непременно продолжил бы спор, особенно если чувствовал, что задел меня за живое.

Неужели действительно изменился?

Да ну его, к чёрту!

Не собираюсь я об этом думать.

— Кстати, он знал про предложение? — неожиданно

спрашивает Демид.

Я поворачиваюсь к нему.

— С чего ты взял?

— Не знаю. Странно как-то смотрел на твоё кольцо.

— Он его увидел. Вот и всё.

— Ясно.

Что-то мне подсказывает, что не совсем ему ясно. Но расспрашивать дальше Демид не решается, и я только рада.

Пробка почти не двигается. Демид снова отпускает тормоз, проезжает несколько метров и останавливается за тем же внедорожником. Где-то впереди нетерпеливо сигналят, хотя совершенно непонятно, кому и зачем.

Я тем временем осторожно открываю сумку.

Достаю телефон.

Сообщения на месте. И фотография тоже. Не испарились волшебным образом. Я прикрываю веки на секунду, даю себе короткую паузу и снова проверяю время отправки.

Потом вспоминаю чёрную машину Северина.

Он сказал, что приехал около половины одиннадцатого. Разговаривал по телефону. Сидел напротив ресторана.

И появился именно тогда, когда мне велели оглянуться.

Совпадение?

Возможно.

Только я слишком хорошо знаю бывшего мужа, чтобы с лёгкостью поверить в случайность.

И всё-таки зачем ему это?

Три года он выполнял моё требование оставить меня в покое. Ни звонков, ни сообщений, ни попыток встретиться. А сегодня вдруг появился. Причём именно в тот вечер, когда Демид сделал мне предложение.

Ну не верю я в такие совпадения!

— Эль?

Я вздрагиваю и поспешно гашу экран.

— Что?

— Ты опять куда-то пропала.

— Извини. Просто задумалась.

— О Вельском?

Демид спрашивает спокойно, но мне всё равно становится неловко.

— О сегодняшнем вечере, — отвечаю я отстранённо, всё еще погружённая в свои мысли.

— Надеюсь, о той его части, где я сделал тебе предложение?

И тут я снова улыбаюсь.

— Представь себе.

— Отлично. А то я уже начал переживать, что недостаточно эффектно встал на одно колено.

— Ты вообще на него не вставал! — возмущаюсь я, причём совершенно искренне, на что Демид отвечает в своём духе:

— Вот видишь! Уже нашла недостаток. А ведь ещё даже свадьбу не сыграли.

Вот умеет он сделать мой день!

Напряжение как рукой сняло. Я уже улыбаюсь так широко, что скоро скулы заболят. И ведь не заставляю себя, не притворяюсь. С Демидом мне действительно легко.

— Ничего, у тебя ещё будет возможность исправиться, — милостиво разрешаю я, даже чуть приподнимая подбородок.

— Благодарю за великодушие, — совершенно серьёзно отзывается Демид, хотя уголки его губ предательски подрагивают.

А потом, чуть скорчив недовольную гримасу, добавляет:

— Придётся, видимо, репетировать перед зеркалом.

Он протягивает руку, и я вкладываю в неё свою ладонь. Демид на секунду сжимает мои пальцы, потом возвращает руку на руль.

Я смотрю на кольцо.

Сегодня он сделал мне предложение. И я согласилась! Мы должны были ехать домой счастливыми, обсуждать, кому первому расскажем новость, спорить о свадьбе. А вместо этого я сижу рядом с любимым мужчиной и гадаю, не следит ли за мной бывший муж.

Господи, ну почему именно сегодня?!

Телефон вибрирует совсем некстати, в этот момент, и я машинально опускаю взгляд. Тот же незнакомый номер. У меня неприятно ухает сердце.

Открываю сообщение и чувствую лёгкую дрожь в руках.

Всего два слова.

«СНИМИ ЕГО.»

И я замираю.

— Что там? — спрашивает Демид.

Я молчу, не отвечаю, только смотрю на кольцо. Потом резко оборачиваюсь.

Машина в очередной раз останавливается. Мы наконец добрались до светофора, но на зелёный успевают проехать всего несколько автомобилей, прежде чем снова загорается красный.

Я пытаюсь разглядеть, что осталось позади.

Ресторан всё ещё виден. Не так уж далеко мы от него уехали, несмотря на всю эту бесконечную возню в пробке.

Освещённый вход, тротуар, припаркованные машины…

И мужчина в тёмном пальто возле дороги.

Северин…

Он до сих пор там, где мы его оставили.

И, кажется, смотрит прямо на нашу машину.

Глава 4

Элина

— Эль?

Я всё ещё смотрю назад.

Машина наконец трогается, и ресторан постепенно скрывается за поворотом. Но перед глазами по-прежнему стоит Северин. Тёмное пальто, руки в карманах, неподвижный взгляд, которым он провожал нашу машину.

И сообщение.

«СНИМИ ЕГО».

— Элина, что там пришло?

Демид бросает на меня короткий взгляд и снова смотрит на дорогу.

Я переворачиваю телефон экраном вниз.

— Можешь где-нибудь остановиться?

— Что случилось? — слышу тревожные нотки в его голосе, и тихо выдыхаю:

— Просто остановись, пожалуйста. Мне нужно тебе кое-что показать.

Он больше не расспрашивает. Пробка остаётся позади, и через несколько минут мы сворачиваем на соседнюю улицу. Демид притормаживает возле закрытого цветочного магазина, где есть свободное место для парковки.

— Ну, показывай.

Я протягиваю телефон, и Демид открывает переписку. Сначала читает последнее сообщение, затем пролистывает выше. Когда доходит до фотографии, увеличивает изображение двумя пальцами.

— Это сегодня?

— Да.

— Когда я ходил за машиной?

— Наверное. Я не знаю точно.

Он внимательно рассматривает снимок.

— Тебя фотографировали с другой стороны улицы. И кольцо видно. Такое ощущение, что кто-то специально дождался, пока ты останешься одна.

От этих слов становится ещё неприятнее. Пока я стояла возле ресторана, какой-то человек наблюдал за мной, выбирал ракурс, фотографировал. А потом отправил сообщение, прекрасно зная, что я увижу, если обернусь.

Северина.

А что, если он сам всё это и устроил?

— Первое сообщение пришло до того, как появился Вельский? — спрашивает Демид.

Я напрягаюсь.

— Демид…

— Что?

— Только не начинай.

Он отрывает взгляд от телефона.

— Эль, я пытаюсь разобраться. Ты же сама попросила

остановиться и показала мне переписку.

— А я не запоминала, где стояла каждая машина! Не следила за временем и не считала прохожих. Я вообще не знала, что мне понадобится алиби!

Последнее слово вылетает слишком громко. И Демид медленно опускает телефон.

— Я не просил у тебя алиби, Эль.

Знаю.

Господи, конечно, знаю.

Смотрю на него и чувствую, как внутри всё сжимается от стыда. Передо мной человек, который сегодня вечером сделал мне предложение. Человек, который сейчас пытается понять, кто пугает его невесту.

А я разговариваю с ним так, будто он виноват.

И самое мерзкое, что Демид ведь ничего такого не сказал. Задал обычный вопрос, пытаясь разобраться в происходящем, а я вдруг разозлилась, словно он требовал объяснений, где я была, с кем разговаривала и почему не заметила очевидного.

Хотя при чём здесь Демид? Он никогда меня не допрашивал и уж точно не заслужил, чтобы я срывала на нём злость.

Я тру ладонями лицо, убираю волосы за уши и смотрю на него.

— Прости.

— За что?

— За то, что сорвалась.

— Бывает.

— Нет, не бывает. По крайней мере, не должно.

Демид вздыхает и откладывает телефон.

— Слушай, если хочешь послать меня к чёрту, так и скажи. Только желательно уточни адрес, а то заблужусь.

Я невольно улыбаюсь.

— Очень далеко.

— За границу?

— Желательно.

— Хоть страна приличная?

— Демид!

— Всё, молчу.

Он действительно замолкает. Только улыбка быстро исчезает с его лица, когда он снова смотрит на фотографию.

— Вот ведь ублюдок!

— Кто?

— Тот, кто это сделал. Я сегодня впервые в жизни надел тебе кольцо, а какой-то псих решил превратить наш вечер в дешёвый триллер.

Он произносит это с такой злостью, что я невольно приподнимаю брови.

— Надо же. А я думала, ты у нас всегда спокойный.

— Я спокойный, Эль. Но не без яиц же.

Фыркаю на него беззлобно и улыбаюсь:

— Хорошо, что уточнил.

— А то вдруг перед свадьбой засомневаешься.

Он возвращает телефон и проводит ладонью по лицу, будто стирает невидимую усталость:

— Слушай, я могу сейчас отвезти тебя в полицию. Можем сохранить всё, что пришло, попробовать выяснить, кто сделал снимок. Завтра свяжусь с рестораном, узнаю насчёт камер. И если ты считаешь, что Вельский имеет к этому отношение, я готов с ним поговорить.

— Нет.

Слишком быстро, даже резко отвечаю, что Демид смотрит на меня с лёгким недоумением:

— Что именно нет?

— К Северину не поедем.

Он молчит, а мне уже хочется откусить себе язык.

— Я имею в виду, что это бессмысленно, — сразу же я добавляю. — Мы ведь даже не знаем, имеет ли он отношение к сообщениям.

— А ты как думаешь?

Вот теперь ответить гораздо сложнее. Потому что я действительно думаю на Северина. Слишком уж удачно он оказался возле ресторана. Слишком вовремя подошёл. Слишком внимательно смотрел на кольцо.

И ещё…

— Он раньше всегда знал, где я нахожусь.

Демид чуть поворачивается ко мне.

— В каком смысле?

Я смотрю на свои руки.

— В самом прямом.

Перед глазами неожиданно всплывает один вечер. Мне тогда было двадцать девять. Мы с Мариной задержались после работы, потом заехали поужинать. Телефон разрядился, а я не придала этому значения.

Вернувшись домой, обнаружила Северина на кухне. Он сидел за столом с ноутбуком и совершенно спокойно спросил, понравился ли мне ресторан. Я тогда удивилась. Не потому, что он знал, где я была. А потому, что я ему об этом не рассказывала.

Северин лишь пожал плечами. Сказал, что волновался, когда не смог дозвониться, и попросил своего водителя проверить, всё ли со мной в порядке.

Я тогда разозлилась. Мы даже поссорились. А потом он подошёл, обнял меня со спины и поцеловал в шею.

«Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы с ума сошёл, Эль».

Помню, как быстро тогда прошла моя злость.

Слишком быстро.

— Эль?

Я неожиданно вздрагиваю.

— Он любил всё контролировать, — и медленно выдыхаю. — Иногда даже слишком.

— Ты говорила, я помню.

— Не уверена, что рассказывала насколько.

Демид некоторое время смотрит на меня.

— И ты считаешь, что он мог три года за тобой следить?

— Не знаю.

Это правда.

Я действительно, не знаю.

Три года Северин не появлялся в моей жизни. Не звонил, не писал, не пытался встретиться. Я ведь сама потребовала оставить меня в покое.

И он оставил.

По крайней мере, я так думала.

Но ведь отсутствие звонков и встреч ещё ничего не доказывает. Особенно когда речь идёт о Северине Вельском.

Так почему именно сегодня?

Господи…

Я тяжело вздыхаю и отворачиваюсь к окну. За стеклом мелькают прохожие, тянутся освещённые витрины, машины притормаживают на перекрёстке. Пытаюсь отвлечься, но мысли снова возвращаются к сообщению. Даже пальцы никак не согреются, хотя в машине тепло.

— Давай всё-таки сохраним сообщения, — говорит Демид. — Номер, фотографии, время отправки. Если этот придурок продолжит, обратимся в полицию. Хотя, если честно, я бы и сейчас не стал тянуть. А завтра узнаю, можно ли получить записи с камер возле ресторана.

Я соглашаюсь и киваю.

— Хорошо.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Если придёт новое сообщение, сразу говори мне. Договорились?

— Договорились.

Он заводит двигатель, но не трогается.

— И еще, Эль…

— Ну что ещё?

— Я не собираюсь выяснять отношения с твоим бывшим только потому, что мне не понравилось, как он на тебя смотрел.

Я резко поворачиваюсь к нему и выгибаю бровь в изумлении:

— А тебе не понравилось?

— Очень.

— Ревнуешь? — не удерживаюсь от улыбки.

Приятно, чёрт возьми, услышать такое от собственного жениха. И Демид усмехается:

— Я сегодня сделал предложение женщине, которую люблю. А вскоре обнаружил её возле ресторана в компании бывшего мужа, который смотрел на неё так, будто собирался забрать обратно. Как думаешь, должен был обрадоваться?

Я опускаю глаза.

— Он ничего такого не говорил.

— А я и не сказал, что говорил.

Несколько секунд мы молчим. Повисает неловкая пауза, потом Демид наклоняется и целует меня в висок.

— Поехали домой?

— Поехали.

Он возвращается на дорогу. Я устраиваюсь удобнее, прячу телефон в сумку и пытаюсь думать о чём-нибудь хорошем.

Например, о свадьбе.

О маме, которая наверняка расплачется, когда узнает.

О Демиде, который полвечера нервничал перед предложением, хотя я даже не подозревала об этом. Но вместо всего перечисленного перед глазами всплывает Северин. Его лицо, когда он заметил кольцо, напряжённые скулы, слишком спокойный голос.

И тот короткий момент, когда я сама посмотрела на его губы.

Господи.

Вот этого мне только не хватало.

***

Когда мы подъезжаем к моему дому, во дворе уже тихо. Возле соседнего подъезда мужчина выгуливает маленькую белую собаку, которая с упорством бульдозера тащит его к кустам. На первом этаже кто-то курит у открытого окна. Девушка в спортивных штанах вытаскивает из багажника пакеты с продуктами.

Обычный вечер.

Точнее, уже ночь.

Я смотрю на знакомые окна своего дома и чувствую, как понемногу отпускает. Здесь всё привычное: припаркован-

ные вдоль тротуара машины, свет в окнах, старый фонарь возле подъезда. И всё-таки выходить из машины почему-то не тороплюсь. Сижу, перебирая пальцами ремешок сумки, а перед глазами снова всплывает фотография, присланная с неизвестного номера.

— Поехали ко мне? — спрашивает Демид.

— Сейчас?

— Нет, в следующем месяце, Эль. Конечно, сейчас, — язвит он улыбаясь и я поворачиваюсь к нему не сразу.

— Я не боюсь оставаться одна.

Демид смотрит на меня, потом переводит взгляд на мои руки.

— А я спрашивал, боишься ли ты?

— Нет, — растерянно мотаю головой.

— Тогда зачем отвечаешь на вопрос, которого я не задавал?

Я опускаю глаза. Оказывается, всё это время так крепко держала сумку, что ремешок оставил красную полоску на ладони. Разжимаю пальцы и осторожно растираю кожу большим пальцем.

— Привычка.

— Дерьмовая привычка! — хмыкает он чуть недовольно.

— Знаю.

Демид вздыхает. Протягивает руку и осторожно забирает у меня сумку, которую я так и не выпустила из объятий.

— Эль, я просто хочу провести с тобой ночь. Желатель-

но без обсуждения Вельского и какого-то придурка с телефоном.

Я наконец смотрю на него. Он улыбается, но в глазах всё ещё заметно беспокойство.

— А если я опять начну обсуждать?

— Тогда придётся тебя отвлекать.

— И как же?

— У меня есть пара идей.

Я невольно улыбаюсь. Вот теперь до меня наконец доходит, что он вообще-то предложил.

— Ратников, ты неисправим.

— Зато ты меня любишь.

— К сожалению, очень.

Демид смеётся, а я смотрю на него и вдруг понимаю, как же устала за сегодняшний вечер. От чужих сообщений, от собственных подозрений, от разговоров о Северине. И как хорошо, что сейчас рядом со мной именно Демид, который даже в такой ситуации умудряется меня рассмешить.

Он наклоняется, собираясь поцеловать меня, и я сама подаюсь навстречу. Касаюсь губами его губ и задерживаюсь чуть дольше, чем собиралась.

— Слушай, — говорю, когда он отстраняется. — А давай лучше поднимемся ко мне?

— Уверена?

— Абсолютно. У меня вино есть.

— Серьёзный аргумент, — Демид улыбается, но не торо-

пится отпускать мою руку. — А что-нибудь съедобное есть?

— Сыр.

— Какой?

— Обычный.

Он поворачивает ко мне голову, приподнимает брови.

— Ты заманиваешь меня домой сыром?

— И вином, — напоминаю я, с трудом удерживая улыбку.

Демид несколько секунд изображает раздумье, поглаживая большим пальцем мои костяшки.

— Убедила.

Он выходит из машины, обходит капот и открывает мою дверцу. Я выбираюсь наружу, поправляю пальто, и замечаю, что Демид смотрит на мою руку.

— Что?

— Красиво.

Я поднимаю пальцы, рассматривая кольцо. Камень поблёскивает в свете фонаря, и я невольно поворачиваю кисть, любуясь им с другого ракурса.

— Очень.

— Значит, угадал?

— Просто идеально!

Демид улыбается и притягивает меня за талию. Я упираюсь ладонями ему в грудь, чувствуя под пальцами тепло его тела сквозь ткань пальто.

— Тогда, может, наконец поцелуешь своего жениха как следует?

— А до этого я как целовала?

— Слишком прилично.

— Ах, вот как!

— Я рассчитывал на более бурную благодарность.

Я обнимаю его за шею и насмешливо цокаю языком:

— Каков наглец, а?!

— Зато твой.

И не мешкая целую его. Сначала легко, почти шутливо, но Демид обнимает крепче, и я сама прижимаюсь к нему.

Мне хочется вернуть этот вечер.

Забрать его у неизвестного психа, у тревоги, у проклятого прошлого, которое сегодня без приглашения ворвалось в мою жизнь.

Хочется чувствовать Демида. Его руки, знакомое тепло, уверенность, с которой он держит меня. И я запускаю пальцы ему в волосы, тяну ближе.

— Ого, — выдыхает он, явно не ожидав сейчас такого напора.

— Помолчи, — нетерпеливо шепчу я, и прижимаюсь к нему.

— С удовольствием.

Демид снова целует меня, и я закрываю глаза, отвечая ему с той же жадностью. Его руки крепче обнимают мою талию, от близости становится жарко, и мне уже совсем не хочется думать о том, что произошло сегодня вечером.

На одно короткое мгновение память подсовывает совсем

другое прикосновение…

Большая ладонь выше моего локтя. Мужской голос возле самого уха. Знакомый запах, который за три года успел измениться, но почему-то всё равно заставил меня вспомнить, как пахла кожа Северина после душа.

Я резко открываю глаза.

Передо мной Демид.

Мой Демид.

Он чуть отстраняется.

— Эль?

— Что? — растерянно отвечаю.

— Ты замёрзла?

— Нет.

— Тогда чего дрожишь?

Вот чёрт.

— От тебя, — отвечаю и сама тянусь за новым поцелуем.

Он довольно улыбается, а я чувствую себя последней сволочью.

Потому что сейчас сказала неправду.

И потому что слишком хорошо понимаю, чьё прикосновение вспомнила.

Глава 5

Элина

В квартире Демид первым делом снимает пальто, а я иду на кухню. Открываю холодильник и несколько секунд смотрю на полки, пытаясь вспомнить, что собиралась достать.

— Вино в верхнем шкафу, — напоминает он из-за спины.

— Я знаю.

— Тогда зачем изучаешь холодильник?

— Проверяю, не появилось ли там чего-нибудь интересного.

— И как успехи?

Я окидываю полки ещё одним взглядом.

— Сыр есть. И это главное, — улыбаюсь ему, и Демид довольно чмокает меня в щёку:

— Точно! Это уже праздник.

Он достаёт бутылку, находит штопор, а я наконец закрываю холодильник и прислоняюсь к столешнице. Сумка всё ещё висит на плече, хотя мы дома уже несколько минут. Только сейчас замечаю это и ставлю её на соседний стул.

Демид знает, где у меня лежат бокалы и салфетки, какую чашку я беру по утрам. У него здесь зубная щётка, зарядка возле кровати и две рубашки в шкафу. За полтора года мы успели привыкнуть друг к другу, хотя вместе так и не жили. Мне нравилось иметь собственное пространство, а он нико-

гда не настаивал на переезде.

— Эль, бокалы достанешь?

Я отталкиваюсь от столешницы.

— Да, конечно.

Открываю шкафчик, достаю два бокала и ставлю перед ним.

— Прости, задумалась.

— Я заметил, — с усмешкой отвечает он и накрывает мою ладонь своей, поглаживая большим пальцем костяшки.

Я смотрю на его руку, затем на кольцо, которое теперь украшает мой безымянный палец, и невольно улыбаюсь.

— Мы сегодня обручились.

Произношу это вслух, словно пытаюсь вернуть себе ту радость, которую испытывала в ресторане, когда Демид сделал предложение. Но после всего, что произошло, никак не получается. Слишком много всего случилось за один вечер.

Демид поворачивается ко мне и с самым серьёзным видом произносит:

— Точно!

Я прищуриваюсь, изображая обиду.

— Ты забыл?!

— Ты тоже! — игриво шевелит он бровями, а я нарочито широко распахиваю глаза, изображая крайнее возмущение:

— Я не забыла. Просто временно отвлеклась.

Он смеётся, обнимает меня за талию и притягивает к себе.

— Ну, если временно, тогда ладно. А то я уже собирался

потребовать кольцо обратно и сделать предложение заново.

— Даже не надейся! — я быстро прячу руку за спину. — Теперь оно моё.

— Вот так и начинаются семейные имущественные споры.

— Ратников, мы ещё даже не поженились! — искренне негодую и легонько толкаю его в плечо.

— Зато ты уже присвоила драгоценности.

Я снова смеюсь, а Демид не сразу выпускает меня из объятий. Напоследок целует в губы и возвращается к вину.

— Давай хотя бы следующие полчаса посвятим исключительно нам. Без всяких придурков и сообщений.

— Согласна! — торжественно заявляю я, и он поднимает бокал:

— За нас, любимая!

— За нас!

Мы чокаемся. Вино оказывается холодным и терпким. Я делаю глоток, устраиваюсь на высоком стуле возле кухонной стойки, а Демид принимается нарезать сыр.

И всё-таки один вопрос не даёт мне покоя. Я обещала не портить вечер разговорами о Северине, но после сегодняшней встречи слишком многое осталось непонятным.

— Слушай, а вы с Северином давно знакомы?

Демид поднимает голову.

— С чего вдруг вспомнила?

— Не каждый день мой жених и бывший муж здороваются так, будто сейчас начнут выяснять, кому принадлежит кон-

трольный пакет акций.

Он усмехается и продолжает нарезать сыр.

— Мы пересекались по работе.

Отвечает спокойно, словно речь идёт о совершенно рядовом знакомстве, а мне после сегодняшней встречи так совсем не показалось.

— Это я уже поняла. А давно? — интересуюсь, подцепляя с тарелки кусочек сыра.

— Несколько лет назад.

— И всё? — я перестаю жевать и вопросительно смотрю на него. — Ратников, из тебя каждое слово клещами вытягивать надо?

— А что ещё? — Он пожимает плечами, будто искренне не понимает моего любопытства.

Я откладываю сыр, разворачиваюсь к нему на стуле и подаюсь чуть вперёд.

— Вы друг на друга так смотрели, словно как минимум успели подраться. Причём неоднократно.

— До драки, к счастью, не дошло, — смеётся Демид.

— А хотелось? — тут же подхватываю я, не давая ему возможности отделаться очередной шуткой.

Он откладывает нож и поворачивается ко мне.

— Эль, ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно! — я приподнимаю брови и развожу руками. — Мне интересно, почему я впервые узнаю об этом только сегодня.

— А когда я должен был тебе рассказать? — недоуменно смотрит он на меня, и я выпаливаю, не задумываясь:

— За полтора года возможность наверняка была. Хотя бы одна.

— И как ты себе это представляешь? Что-то вроде этого: «Доброе утро, любимая. Кстати, я когда-то имел дела с твоим бывшим мужем. Тебе кофе с молоком или без?»

Я невольно смеюсь и машу на него рукой:

— Дурак!

Он некоторое время сдерживал себя, чтобы не улыбнуться в ответ и всё же уголок его рта дёрнулся:

— Стараюсь угодить невесте.

— Демид, я серьёзно.

— Я тоже, Эль. Мирон работал у Вельских, ты сама знаешь, — становится он более серьёзным, но не повышает голоса, лишь пытается донести. — Мы с ним дружили много лет. Неудивительно, что и с Северином мне приходилось пересекаться. Тебе так не кажется?! Просто я не видел смысла рассказывать тебе о каждом своём деловом знакомстве. Особенно о человеке, которого ты предпочитала не вспоминать.

С последним не поспоришь. Я действительно не любила разговоры о Северине, и Демид это прекрасно знал.

— Но вы ведь не просто знакомы? — всё же не отстаю я, и он лишь пожимает плечами:

— Да там, ничего особенного. Были разногласия по работе.

— Ну надо же, — на этом мой интерес возрастает в разы.
— И какие?

Он подцепляет ножом кусочек сыра, перекладывает его на тарелку и только потом отвечает:

— Повторюсь, милая, ничего такого, о чём стоило бы сейчас вспоминать.

— Демид…

— Эль, ты правда хочешь весь вечер обсуждать Вельского? — он придвигает ко мне тарелку. — Я вообще-то сделал предложение любимой женщине. Надеялся, что хотя бы пару часов она будет думать обо мне, а не о своём бывшем муже.

Сказано с улыбкой, без упрёка, но мне всё равно становится не по себе.

— Ладно, признаю, немного увлеклась, — сдаюсь я наконец, и поднимаю руки в знак капитуляции.

— Немного? — прищуривается он с лёгким недовольством.

— Ратников, не наглей!

— Даже не собирался. Будешь сыр?

— Не переводи тему!

— Даже не думал. Просто ты сама заманила меня сюда сыром, а теперь устраиваешь перекрёстный допрос. Я начинаю подозревать, что меня обманули.

Он так забавно хмурится, изображая обиженного, что я едва удерживаюсь от смеха, сразу же решаю подыграть ему и с самым великодушным видом произношу:

— Бедненький. Какая трагедия!

— Вот именно. Жениться ещё не успел, а уже приходится оправдываться за знакомства многолетней давности.

Я беру кусочек сыра и качаю головой.

— Когда-нибудь ты мне всё-таки расскажешь, что у вас там произошло.

— Расскажу, если это будет иметь значение для нашей жизни.

— А если я просто любопытная? — не сдаюсь я, хитро прищурившись.

— Тогда придётся тебе с этим как-то жить.

Я фыркаю, а Демид берёт мою руку и целует пальцы чуть выше кольца.

— Вот так-то лучше. А то я уже начал думать, что кольцо подарил, а невесту потерял.

Ответа он так и не дал, при этом. Но продолжать расспросы не хочется, тем более что я и сама устала от всего, связанного с Северином.

Я поворачиваю кольцо на пальце, любуясь тем, как камень поблёскивает под кухонным светильником. И тут меня осеняет.

— Ой, мамочки!

Демид вздрагивает и едва не роняет нож, которым собирался отрезать очередной кусочек сыра.

— Что случилось?! — он так встревоженно смотрит на меня, что я невольно прыскаю со смеху.

— Мама меня убьёт!

— За что? — он откладывает нож, явно не понимая, чему я радуюсь.

— За то, что до сих пор не позвонила! Представляешь, она ведь даже не знает, что мы обручились!

Демид облегчённо выдыхает и тянется к бокалу.

— А я думал, она меня убьёт за то, что сделал предложение без её письменного разрешения.

— Нет, любимый! — я накрываю его руку своей и с притворным сочувствием добавляю, — Тебя убьёт папа, когда узнает стоимость кольца.

Демид перестаёт улыбаться. Смотрит на мою руку, затем на меня и так выразительно морщится, что я уже предвкушаю очередную глупость.

— Может, скажем, что купил на распродаже?

— Папе? — я недоверчиво вскидываю брови.

— А что? — он разводит руками. — Хорошая версия. Скидки сейчас везде.

— Он столько лет занимается делами компании. Думаешь, его так просто провести?

— Тогда чек не покажем.

— Он всё равно спросит.

— Скажу, что потерял.

— Слишком подозрительно.

Демид откидывается назад и некоторое время разглядывает меня, словно пытается понять, не издеваюсь ли я над

ним.

— Господи, у вас в семье все такие?

— Какие? — невинно хлопаю я ресницами.

— Опасные.

Не выдерживаю и смеюсь в который раз, а он качает головой с таким несчастным видом, будто уже успел пожалеть о своём предложении.

— Привыкай, Ратников. Скоро официально станешь одним из нас.

— Вот именно это меня и пугает, — ворчит он, подцепляя кусочек сыра. — Кстати, о документах. Брачный договор будет?

Я отпиваю немного вина, нарочно выдерживая паузу.

— Разумеется.

— Я так и знал! — Демид сокрушённо вздыхает и тянется за следующим кусочком сыра.

— Разочарован?

— Ужасно. Рассчитывал после развода оставить тебя без трусов.

Я едва не давлюсь вином. Приходится поставить бокал и прикрыть рот ладонью, пока Демид совершенно невозмутимо продолжает жевать сыр.

— После какого развода? — уточняю я, когда наконец могу говорить.

— Нашего, разумеется.

От недоумения, я даже моргаю несколько раз, не в состоя-

нии произнести что-либо в ответ. И лишь через пару секунду отмираю, всё еще шокированная услышанным.

— Мы помолвлены всего несколько часов, а ты уже планируешь развод?!

— Я предусмотрительный, — невозмутимо заявляет он.

— Ах, предусмотрительный! — я разворачиваюсь к нему всем корпусом. — Прекрасно! Тогда сразу предупреждаю, что мою квартиру не получишь.

Он так спокойно окидывает взглядом помещение и бесцеремонно заявляет:

— Мне нужен только диван.

Я даже теряюсь на секунду.

— Почему?

— Он удобный.

— Купи себе такой же! — от возмущения не замечаю, как повышается голос на тон выше, но Демид всё также продолжает спокойно настаивать на своём:

— Этот уже разношен.

Я медленно поворачиваю голову в сторону дивана, затем смотрю на него. Демид, кажется, только сейчас осознаёт, что именно сказал.

— В хорошем смысле, — торопливо добавляет он, но по предательски дрогнувшим уголкам губ я прекрасно вижу, что он едва сдерживает смех.

— Ты сейчас назвал мой диван разношенным?

— Я сказал удобным!

— Нет уж, дорогой! — Я спрыгиваю со стула и упираю руки в бока. — Вон из моего дома!

Демид запрокидывает голову и хохочет, совершенно не пытаясь скрыть, насколько его забавляет моё возмущение.

— А вино допить? — спрашивает он сквозь смех.

— Быстро! — Я указываю ему на бокал, но сама уже с трудом удерживаюсь от улыбки.

Он начинает смеяться, и я тоже не выдерживаю, особенно когда Демид пытается оправдаться и заявляет, что вообще-то хвалил качество мебели.

— Всё, Ратников! — я вытираю выступившие слёзы. — Ты окончательно испортил себе репутацию.

— Зато диван отстоял.

— Ничего ты не отстоял!

Он поднимает бокал, всё ещё посмеиваясь.

— Ну что, будущая госпожа Ратникова, за долгую и счастливую семейную жизнь?

Я касаюсь своим бокалом его.

— За долгую и счастливую.

Улыбка ещё держится на губах, но слова неожиданно отзываются воспоминанием.

Мы с Северином тоже собирались прожить вместе всю жизнь. В первые годы брака всё казалось таким простым: он развивал компанию, я занималась дизайном интерьеров, брала проекты, иногда устраивала себе перерыв, чтобы мы могли куда-нибудь уехать вдвоём. Помню, как Северин од-

нажды приехал за мной в офис поздно вечером и возмущался, что я уделяю чужой квартире больше внимания, чем собственному мужу. А потом сам просидел рядом почти два часа, пока я заканчивала чертежи.

С детьми мы не торопились. Нам казалось, что времени впереди достаточно.

А потом погиб Мирон…

После смерти брата я долго не могла прийти в себя. Даже привычная работа давалась с трудом, и о ребёнке тогда не было сил думать. Помню, как однажды сказала Северину, что пока не готова.

«Не сейчас, Север».

Он тогда обнял меня, поцеловал в волосы и ответил:

«Сколько нужно, Эль».

Позже мы ещё возвращались к этому разговору. Северин не давил, хотя я понимала, что он хочет стать отцом. Да и сама постепенно начала задумываться о детях. Только между нами к тому времени уже появились вопросы, на которые он не всегда хотел отвечать. Мы ссорились, мирились, пытались вернуть прежнюю близость. В какой-то момент перестали откладывать ребёнка, но беременность так и не наступила.

А потом я узнала о Диане…

— Эль, ты чего притихла? — вырывает меня из раздумий Демид и наклоняется ко мне. — Я же пошутил насчёт дивана. Даже готов письменно признать, что он в прекрасном со-

стоянии.

Я качаю головой, возвращаясь мыслями на собственную кухню.

— Да при чём тут диван, дурачок.

— А что тогда?

— Вспомнила кое-что. Мы тут смеёмся над разводом, а я ведь уже через один прошла.

Демид ставит бокал.

— Если мои шутки тебя задели…

— Нет, что ты! — я ловлю его за руку. — Мне с тобой хорошо. Просто иногда прошлое вспоминается совершенно некстати.

Он обходит стойку и осторожно убирает волосы с моего лица.

— Иди сюда.

Я обнимаю его за талию и прижимаюсь щекой к груди. Сквозь ткань рубашки слышу ровное биение сердца. От Демида пахнет знакомым парфюмом, и я невольно улыбаюсь, когда он целует меня в макушку.

— Как хорошо, что ты у меня есть, — говорю совсем тихо.

— Взаимно, если что.

Я чуть сильнее обнимаю его. Он гладит меня по спине, потом склоняется и целует в губы. Я отвечаю охотно, задерживаю ладонь у него на затылке. Какое-то время мы просто стоим посреди кухни, пока Демид не отстраняется.

— Эль, может, всё-таки останусь?

— Ты же завтра рано встаёшь.

— Переживу. Ты сегодня сама не своя. Не хочу оставлять тебя одну после этих сообщений.

Я разглаживаю складку на его рубашке.

— Спасибо, но я, наверное, лучше высплюсь одна. Хочу принять душ и просто лечь, поспать.

Демид внимательно смотрит на меня, потом кивает.

— Ладно. Только если передумаешь, скажи.

— Хорошо.

— И не обижайся, если завтра буду тебя доставать звонками.

— Это ещё почему?

— Проверю, не передумала ли ты за меня выходить.

— Даже не надейся.

Он целует меня в лоб.

— Тогда завтра компенсируешь.

— Чем?

— Придумаю.

— Только без фантазий насчёт моего дивана.

— Поздно. Я уже мысленно вывез его к себе.

— Ратников! — рычу на него, вновь ощущая лёгкость благодаря его шуткам, а он так заразительно смеётся, что я толкаю его в плечо и тоже улыбаюсь.

Снова!

Как же с ним хорошо!

Легко и непринуждённо.

Мы ещё некоторое время сидим на кухне. Демид рассказывает о нелепом разговоре с коллегой, я вспоминаю, как Марина сегодня спорила с подрядчиком из-за неправильно установленных светильников. Договариваемся утром позвонить родителям, а потом как-нибудь выбрать день, чтобы собраться вместе.

За разговорами я постепенно успокаиваюсь и даже перестаю поглядывать на телефон.

Около часа ночи Демид всё-таки собирается домой. Он уже натягивает пальто, когда я вдруг говорю:

— Останься.

Демид замирает с рукой в рукаве.

— Эль?

Я и сама не ожидала, что попрошу. Просто представила, как за ним закроется дверь, и квартира сразу показалась слишком большой и тихой.

Он снимает пальто с плеча.

— Передумала?

Я смотрю на него, потом отвожу взгляд. Если он останется, я наверняка буду лежать без сна, ворочаться, прислушиваться к каждому звуку и мешать ему отдыхать.

— Нет. Прости, езжай. У тебя завтра важная встреча.

Демид вздыхает, но не сердится.

— Ты определись, женщина.

— Я пытаюсь, — фыркаю на него капризно, как малолетка, и от этого только хуже самой становится.

Он подходит ближе и берёт меня за плечи.

— Эль, если тебе страшно, я останусь. Если хочешь побыть одна, то уеду. Только скажи, чего ты сама хочешь.

Я прижимаюсь лбом к его груди.

— Прости, я действительно, сейчас хотела бы побыть одной. Наверное.

— Тогда так и сделаем.

Он целует меня в волосы и снова берётся за пальто.

— Позвонишь, если что-нибудь случится.

— Позвоню.

— Даже если просто покажется.

— Хорошо, любимый.

— И дверь…

Я распахиваю её перед ним.

— Вон! Достаточно. Я всё поняла, милый.

Демид смеётся.

— Всё-всё, любимая. Я понял.

На площадке он оборачивается.

— Люблю тебя.

— И я тебя.

Я провожаю его взглядом, закрываю дверь и поворачиваю оба замка. Проверяю ручку, хотя прекрасно слышала, как сработали запоры.

— Совсем уже с дуба рухнула, что ли Эля! — бормочу себе под нос.

Но прежде, чем уйти в спальню, всё-таки ещё раз смотрю

на замки.

***

После душа сон не приходит.

Я надеваю длинную домашнюю футболку, подсушиваю волосы полотенцем и забираюсь в постель с книгой. Через несколько страниц понимаю, что совершенно не помню прочитанного. Поэтому откладываю книгу, выключаю лампу и устраиваюсь на боку.

Стоит закрыть глаза, как вспоминается Северин.

Не сегодняшняя встреча возле ресторана, а одно из тех далёких утр, когда мы ещё были счастливы.

Он любил просыпаться раньше меня. Придвигался со спины, обнимал за талию и начинал целовать плечо, постепенно добираясь до шеи. Если я притворялась спящей, касался губами уха и тихо сообщал, что прекрасно знает, когда я просыпаюсь.

«Север, отпусти!»

«Попроси нормально».

«Пожалуйста».

«Неубедительно».

Я начинала смеяться, пыталась вывернуться из его объятий, а он только крепче прижимал меня к себе. Его ладонь скользила по животу, губы задерживались на чувствительном месте под ухом, и мне уже было совершенно плевать, что через полчаса нужно выходить из дома.

Я машинально касаюсь шеи и замираю, осознав, что де-

лаю.

Вот ведь зараза!

Откидываюсь на подушку, пытаясь прогнать воспоминание, но вместо этого перед глазами возникает кабинет Северина. Диана с расстёгнутой блузкой. Его лицо в тот момент, когда он увидел меня.

И я резко сажусь.

— Чтоб тебя…

Провожу ладонями по лицу. Щёки горят, в груди неприятно ноет. Ненавижу, что после всего случившегося могу вспоминать его поцелуи с таким удовольствием. Особенно сегодня, когда достаточно было одного случайного прикосновения, чтобы память снова принялась вытворять со мной чёрт знает что.

Телефон вибрирует, и я с облегчением тянусь к тумбочке. Вижу сообщение от Демида.

«Доехал. Дверь закрыла?»

Недовольно вздыхаю и отвечаю:

«Нет. Открыла настежь. Маньяку душно».

Ответ приходит почти сразу.

«Я сейчас вернусь».

Сразу же пишу ему:

«Шучу».

И в конце добавляю сердечко.

«Очень смешно».

Читаю его ответ и будто чувствую его недовольное выра-

жение лица, поэтому сразу же отправляю ему ещё одно сердечко. Не успеваю отложить телефон, как приходит сообщение от мамы.

«Ты обещала позвонить».

Господи, совсем забыла! Сразу же набираю ответ:

«Завтра, мам. Есть новости».

И также, на автомате добавляю в конце сердечко. Ответ появляется мгновенно.

«Ты беременна???»

Я даже чувствую, как глаза вылупились, будто вот-вот и из орбит выкатятся. Прыскаю от смеха и укоризненно пишу:

«МАМА!»

«А что? Какие ещё новости ночью с сердечком?»

Фотографирую руку с кольцом и отправляю снимок. Несколько секунд ничего не происходит, а потом телефон начинает звонить.

Я сбрасываю вызов, но мама тут же набирает снова.

— Нет, даже не мечтай, — смеюсь я, переводя звук на минимум.

Сообщения уже сыплются одно за другим.

«ЭЛИНА!!!»

«КОГДА???»

«ПАПА СПИТ Я ЕГО БУЖУ».

«КАКОЕ КРАСИВОЕ».

«ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧАЛА».

«ОН САМ ВЫБИРАЛ?»

Я смеюсь, представляя, как мама расталкивает отца, тот спросонья ищет очки, ворчит, что завтра рано вставать, а она суёт ему под нос фотографию кольца.

Отвечаю на несколько вопросов и обещаю всё рассказать утром. Завтра Марина наверняка заметит кольцо раньше, чем я успею снять пальто. Лена обидится, что узнала не первой, а мама к обеду уже мысленно организует половину свадьбы.

Улыбаясь, кладу телефон на тумбочку и устраиваюсь поудобнее.

На этот раз засыпаю почти сразу.

***

Дверной звонок вырывает меня из сна. Я открываю глаза и несколько секунд лежу неподвижно, пытаясь понять, что происходит.

Звонят снова.

На часах 03:17.

Какого чёрта?

Накинув халат, выхожу в коридор и включаю видеодомофон. На площадке никого нет. Переключаюсь на камеру у входа в подъезд, но и там пусто.

Может, сосед ошибся квартирой?

Прислушиваюсь, за дверью тихо, только где-то внизу хлопает лифт.

Проверяю запись с камеры на площадке. Несколькими минутами раньше к моей двери подходит человек в тёмной

куртке с капюшоном. Лицо опущено, да и стоит он так, что разглядеть его толком невозможно. Он нажимает на звонок, что-то делает возле двери, а потом быстро направляется к лестнице.

Я перематываю запись назад, пытаясь понять, чем он там занимался, но его спина закрывает обзор.

На экране снова пустая площадка.

У меня неприятно холодеет живот. После сегодняшних сообщений неизвестный человек у моей двери посреди ночи выглядит совсем не случайностью.

Я ещё раз проверяю камеру и прислушиваюсь, затем осторожно поворачиваю замки. Приоткрываю дверь, оставив цепочку на месте.

Ничего подозрительного не видно, но на внешней стороне дверного полотна, почти у самого края, белеет уголок бумаги.

Что за…

Закрываю дверь, снимаю цепочку и снова открываю.

Что-то тихо шуршит, скользит по двери и падает к моим ногам.

Белый конверт.

Я машинально отступаю, затем замечаю на двери короткую полоску прозрачного скотча.

Вот что он там делал. Прикрепил конверт прямо к моей двери.

Я быстро подхватываю его, захлопываю дверь и поворачи-

ваю замки. Только после этого замечаю, как сильно дрожат пальцы. Несколько секунд стою в коридоре, прислушиваясь к тишине за дверью. Потом кладу конверт на тумбу.

Обычный белый, без адреса и подписи. Внутри прощупывается что-то плотное. Я подцепляю клапан ногтем, разрываю бумагу и вытаскиваю фотографию.

На снимке я стою возле ресторана, поправляя волосы. Демид к тому моменту уже ушёл за машиной. Но фотография сделана с другого ракурса. Я подношу её ближе к свету. Значит, меня снимали не один раз.

Переворачиваю снимок.

На обороте чёрным маркером выведены слова:

«ТРИ ГОДА Я ТЕБЯ НЕ ТРОГАЛ».

Ниже ещё одна строка:

«НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ НАЧИНАТЬ».

У меня пересыхает во рту. Я опускаюсь на пуф возле двери, не выпуская фотографию из рук.

Северин…

Его появление возле ресторана, взгляд на моё кольцо, то, как он смотрел на Демида… И теперь эта угроза.

В памяти всплывает один из наших последних разговоров до развода. Я тогда потребовала, чтобы Северин перестал контролировать каждый мой шаг. Он выслушал меня и совершенно спокойно ответил:

«Эль, если бы я действительно хотел знать о тебе всё, ты бы даже не заметила».

Я тогда назвала его самоуверенным ублюдком, а он только усмехнулся.

Теперь от воспоминания становится не по себе.

Я слишком хорошо знаю его возможности. Если Северин захочет выяснить, где я живу и с кем встречаюсь, ему не придётся даже выходить из кабинета.

Но зачем ему всё это?

Я снова смотрю на фотографию. Почерк незнакомый, да и сам конверт ничего не доказывает. Однако совпадение кажется слишком уж невероятным.

Злость постепенно вытесняет страх.

— Сволочь…

Беру телефон и открываю контакт Демида.

Он просил звонить, даже если просто покажется. И я знаю, что он приедет, стоит только попросить. Но прежде мне хочется услышать объяснение от Северина.

Закрываю контакт жениха.

Номера бывшего мужа в телефоне давно нет. Удалила после развода вместе с перепиской и фотографиями, но цифры до сих пор помню.

Наизусть.

Набираю их одну за другой, злясь на себя за то, что даже не приходится задумываться.

На третьем гудке он отвечает:

— Эля?

Я замираю, так и не успев открыть рот.

Он узнал меня сразу. Хотя этот номер я сменила уже после развода, и сама ему никогда не звонила.

Откуда он его знает?!

— Северин, откуда у тебя мой номер?

На другом конце повисает тишина.

— Я задала вопрос.

Глава 6

Элина

— Северин, я задала вопрос, — повторяю я раздражённо, но на другом конце тихо.

Слышу только негромкий шорох, будто Северин отложил что-то в сторону, затем его дыхание.

Господи… как же давно я не слышала этот звук так близко.

Когда-то могла узнать его даже по молчанию. По тому, как он дышал, когда злился, как усмехался перед очередной наглостью, как менялся его голос поздно ночью, когда мы оставались вдвоём. Помню, как ждала его из командировок. Северин мог позвонить из аэропорта в три часа утра и спросить, почему я ещё не сплю, а я счастливая выпаливала ему:

«Потому что ты звонишь, идиот».

Он смеялся, говорил, что соскучился, а я потом ворочалась в постели, прислушиваясь к каждому звуку за дверью.

Сейчас я совершенно не хочу услышать, как поворачивается ключ в замке. От одной мысли, что кто-то может следить за мной, становится не по себе. И даже если этот кто-то, сам Северин, мне почему-то легче от этого не становится.

— Какой номер? — наконец спрашивает Северин.

Я даже телефон от уха отнимаю, чтобы посмотреть на экран. Он что, издевается?

— Мой! Северин, тот, с которого я тебе звоню. Откуда он у тебя? — чувствую, что начинаю раздражаться, а он так спокойно отвечает:

— Давно есть.

И тут я закатываю глаза в недовольстве и чуть ли не рычу:

— Насколько давно?

— Года два. Точнее не скажу.

Ба-а-а!

От услышанного, я будто замираю. Лишь на долю секунды. А потом, машинально поправляю ворот халата, хотя в квартире совсем не холодно.

— Я меняла номер после развода. Дважды.

— Знаю.

— Что значит «знаю»? — готова я завопить и только лишь в ярости сжимаю свободную руку в кулачок.

— То и значит, Элина.

Вот же самоуверенный ублюдок!

Я начинаю ходить по прихожей и едва не наступаю на белый конверт, который несколько минут назад сняла с двери.

— Ты понимаешь, насколько ненормально это звучит? Мы три года не общались. Я тебе не звонила, не писала, новый номер не давала. А ты каким-то образом его раздобыл и даже не считаешь нужным объяснить зачем!

— Через деловые контакты.

— Какие именно?

— Эль, давай, не сейчас.

Я останавливаюсь посреди прихожей и даже отнимаю телефон от уха. Он это серьёзно? Говорит так спокойно, словно мы обсуждаем какую-то мелочь, а не то, что он два года хранит мой номер без моего ведома.

— Ах, не сейчас? А когда, Северин? Когда ты соизволишь объяснить, почему у тебя есть мой личный номер?

Он шумно выдыхает, и я почти вижу, как он раздражённо проводит ладонью по лицу.

— Ты звонишь мне среди ночи после трёх лет молчания, а я должен отчитываться, через кого получил твой телефон?

— Да, чёрт возьми! Именно это ты и должен сделать!

— Хорошо. Через человека, который работает с твоей компанией. Фамилию называть не стану.

— Почему?

— Потому что он здесь ни при чём, — отвечает Северин, и в его голосе наконец проскальзывает раздражение.

Ну наконец-то! А то я уже начала думать, что вывести его из себя сегодня невозможно.

— Это мне решать! — огрызаюсь я.

— Эля…

— Даже не начинай!

— Да дай ты мне договорить, чёрт возьми!

Я осекаюсь.

Не ожидала, что он всё-таки сорвётся.

Несколько секунд мы молчим. Слышу его тяжёлое дыхание, потом какой-то шорох, словно он отодвинул телефон от

лица.

— Извини, — произносит Северин уже тише. — Не хотел повышать голос.

Я недоверчиво усмехаюсь:

— Надо же. Ты теперь ещё и извиняться научился?

— Эль, я пытаюсь с тобой нормально поговорить. Но ты не даёшь мне закончить ни одной фразы.

— А ты не даёшь мне ни одного нормального ответа!

— Потому что не на всё могу ответить прямо сейчас.

— Очень удобно.

— Элина, — произносит он с нажимом.

Вот опять!

От его интонации хочется швырнуть телефон об стену.

Именно так он называл меня, когда считал, что спор пора заканчивать. И совершенно не интересовался, согласна ли я с этим.

Только теперь почему-то не обрывает разговор, не пытается поставить последнюю точку. Я слышу, как он набирает воздух, собираясь что-то сказать, но вместо этого молчит. И это раздражает едва ли не сильнее его привычного командного тона.

Я останавливаюсь перед зеркалом.

Растрёпанные волосы, бледное лицо, халат поверх длинной футболки. Вид у меня такой, будто я не спала трое суток, хотя ещё полчаса назад мирно лежала в собственной постели.

— Зачем тебе понадобился мой номер? — спрашиваю уже спокойнее.

— Чтобы он у меня был.

Я коротко смеюсь.

— Гениально. Просто исчерпывающий ответ.

— Хотел иметь возможность связаться с тобой, если понадобится.

— Кому понадобится?

— Мне.

— И часто пользовался?

— Ни разу.

— Тогда какого чёрта…

— Мне было спокойнее знать, что я могу тебе позвонить, Элина.

Я замолкаю.

Ну вот. Приехали.

Сначала довести меня до бешенства, а потом сказать несколько слов таким голосом, что хочется переспросить, правильно ли я его поняла.

Только сегодня этот номер не пройдёт!

— Как трогательно. А мне было бы спокойнее, если бы ты вообще не знал, где меня искать.

— Поэтому я тебя и не искал.

Я останавливаюсь посреди спальни.

Он произносит это так просто, будто речь идёт о каком-то пустяке. Не искал. Не звонил. Не пытался встретиться. Три

года, за которые я успела научиться жить без него, хотя первое время даже собственную фамилию в документах не могла видеть без слёз.

И ведь я сама этого хотела. После той ночи уехала к родителям, потому что не могла заставить себя вернуться в нашу квартиру. Даже за вещами не поехала. Все вопросы, связанные с разводом, решали мои представители, без моего личного участия. Я запретила передавать мне что-либо от Северина, кроме необходимых документов.

Первые месяцы, после развода я почти не помню. Помню только, как просыпалась среди ночи и по привычке тянулась рукой к другой половине кровати. Как однажды услышала в магазине знакомый мужской голос, обернулась и едва не расплакалась прямо возле кассы. Как мама заставляла меня есть, а отец старался лишний раз не заходить в комнату, потому что не знал, что сказать.

Меня ломало без него, словно от мучительной зависимости. Я ненавидела Северина за то, что он сделал, и одновременно скучала так сильно, что временами не могла нормально дышать. Родители всерьёз беспокоились за меня. А я злилась на себя ещё больше, после всего увиденного продолжала ждать, что однажды проснусь и обнаружу его рядом.

Даже, после смерти Мирона, меня так не ломало…

Тогда я тоже думала, что не выдержу. Но тогда меня убивало горе от потери брата, которого уже невозможно вернуть. А с Севериным всё было иначе. Он оставался где-то ря-

дом, в том же городе, продолжал жить, работать, просыпаться по утрам. Я знала, что могу услышать его голос, увидеть, прикоснуться к нему. И от этого было только хуже, потому что сама запретила себе даже думать о возвращении.

Лишь спустя год я понемногу начала приходить в себя. Вернулась к работе, стала выходить из дома не только по необходимости. А потом Марина, с которой мы когда-то вместе работали над несколькими проектами, снова завела разговор о собственном деле. Она и раньше предлагала попробовать, но тогда мне было совершенно не до этого. Марина не отступала, втягивала меня в расчёты, поиски помещения, обсуждение будущих заказов. Постепенно я и сама увлеклась, начала строить планы, спорить с ней, предлагать что-то своё. Не знаю, сколько бы я ещё просидела в четырёх стенах, если бы не её настойчивость.

За эти три года я действительно многому научилась. Жить одна, принимать решения, не оглядываясь на Северина. И, наконец, смогла снова полюбить… другого мужчину.

И всё же его спокойное «поэтому я тебя и не искал» задело сильнее, чем я готова была признать. Ведь я сама сделала всё, чтобы он оставил меня в покое. Так почему теперь, услышав, что он именно так и поступил, чувствую эту дурацкую обиду?

— До сегодняшнего вечера? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Но предательская слеза неожиданно покатилась по щеке.

— Сегодня мы встретились случайно.

Слышу его ответ и не верю.

Вот, абсолютно!

Зло стираю влагу с лица и язвлю:

— Конечно!

Я прохожу к окну и отдёргиваю край шторы. Во дворе тихо. Несколько припаркованных машин, пустая дорожка к подъезду. Обычная ночь, которая ещё пару часов назад ничем не отличалась от остальных.

— Не веришь? — спрашивает Северин.

— А ты как думаешь?

— Думаю, ты не стала бы звонить мне в три часа ночи только ради выяснения, откуда у меня твой номер.

Я прикусываю язык.

Вот же гад!

Попал.

Потому что номер — лишь одна из причин, по которым я сейчас стою с телефоном у уха вместо того, чтобы спать. Есть ещё фотография, сообщения, конверт у двери и тот неприятный холодок, который появляется каждый раз, когда я вспоминаю незнакомца в капюшоне. Но сильнее всего меня злит другое, то, что Северин опять разговаривает так, словно знает, что у меня в голове, лучше меня самой.

— Не льсти себе, — отвечаю, отойдя от окна. — Я позвонила потому, что кто-то решил превратить мою жизнь в кошмар. И ты оказался первым человеком, которого я запо-

дозрила.

На том конце повисает пауза.

— Понял, — наконец произносит он.

— Вот и отлично.

Я крепче сжимаю телефон, хотя прекрасно понимаю, что злость сейчас направлена не только на него. Меня бесит, что он снова появился в моей жизни. Что спустя три года я узнаю его голос по первому слову, замечаю каждую перемену в интонации и до сих пор помню, как звучит его дыхание, когда он раздражён. А больше всего то, что он по-прежнему способен причинять мне боль, даже ничего для этого не делая.

Мне больно. Жутко больно.

Как оказалось, всё еще…

И я всё же вновь возвращаю себя в реальность и задаю тот самый вопрос, который важнее всего остального.

— Тогда ответь ещё на один вопрос, — говорю, присаживаясь на пуф.

— Слушаю.

— Ты сегодня после ресторана ехал за нами?

— Нет.

— Никого не просил проследить?

— Нет.

— Возле моего дома был?

Теперь он молчит чуть дольше.

— Нет, Элина. А что случилось?

Я смотрю на конверт, потом на дверь. Замки закрыты, це-

почка на месте. Проверяла уже дважды.

— Ты всегда так уверенно врёшь?

— Когда мне есть что скрывать, гораздо убедительнее.

Я вскидываю голову.

— Что?!

— Это была шутка.

— Очень смешная. Особенно сейчас.

— Элина, — его голос меняется. — Что произошло?

Вот теперь я узнаю прежнего Северина.

Таким он становился, когда случалось что-то серьёзное. Собранным, внимательным, неприятно властным. Мог одновременно разговаривать со мной и отдавать распоряжения трём людям, а потом одним взглядом заставить замолчать целую комнату.

Раньше мне нравилось наблюдать за ним в такие минуты. Особенно когда после очередного совещания он закрывал дверь кабинета, ослаблял галстук и подходил ко мне с той самой наглой полуулыбкой.

«Ну что, Эль, соскучилась?»

И мне хватало одного его взгляда, чтобы забыть, зачем вообще приехала.

Господи, да что со мной сегодня?!

Я провожу ладонью по лицу, заставляя себя сосредоточиться.

— После ресторана мне пришли сообщения.

— Какие?

— С неизвестного номера. Сначала фотография, потом текст.

— Что написали?

— «Ты опять выбрала не того». А следом: «Не веришь? Оглянись».

На другом конце воцаряется тишина.

— И ты увидела меня, — произносит Северин.

— Представь себе.

— Поэтому решила, что это я отправил сообщение?

— А ты бы что подумал?

— Я бы для начала выяснил, кто сделал фотографию.

— Замечательно! А то, что ты оказался именно там, куда мне предложили посмотреть, совершенно случайно?

— Я уже объяснил, почему был возле ресторана.

— И я должна тебе поверить?

— Ты никому ничего не должна.

Я раздражённо откидываю волосы с лица.

Он что, специально?

Раньше Северин мог часами спорить со мной из-за пустяка. Доказывал свою правоту, раздражался, повышал голос, а потом прижимал к стене и целовал до тех пор, пока мы оба не забывали, с чего началась ссора. А теперь он спокойно отвечает на мои обвинения, и я совершенно не понимаю, что с этим делать.

— Потом пришло ещё одно сообщение, — произношу и тут же сомневаюсь, стоило ли вообще ему об этом рассказы-

вать.

Но отступать уже поздно.

— Какое? — сразу спрашивает Северин.

— «Сними его», — отвечаю уже не задумываясь.

— Что снять?

Я опускаю взгляд на кольцо. Бриллиант поблёскивает в свете ночника, и меня снова охватывает злость.

Он что, действительно не понимает? Или решил поиздеваться?

— Ты прекрасно знаешь, о чём речь! Не строй из себя невинную овечку!

— Хочу услышать от тебя.

От этой интонации по спине пробегает знакомая дрожь. В памяти всплывает его хриплое:

«Скажи, чего хочешь, Эль».

Когда-то я слышала эти слова совсем в других обстоятельствах. Обычно Северин произносил их мне на ухо, пока его руки неторопливо скользили по моей талии.

Чёрт бы его побрал вместе с моей памятью!

— Кольцо, Северин. Моё обручальное кольцо, — выпаливаю раздражённо, и он выдерживает небольшую паузу:

— Понятно.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Например, что это не ты!

— Это не я.

Слишком быстро ответил, и слишком спокойно.

Я с недоверием качаю головой.

— Как же это удобно.

— Ты попросила ответить, и я ответил. Что не так?

— Вот… — я, чуть ли не захлёбываясь своей яростью. — Ты всегда так делаешь!

— Как? — невозмутимо звучит его голос, а я шиплю:

— Говоришь ровно столько, сколько считаешь нужным, а потом ведёшь себя так, будто остальные должны быть довольны!

— Элина, если бы я хотел поговорить с тобой о твоём кольце, я сделал бы это лично.

Я невольно выпрямляюсь.

— И что бы ты сказал?

Проклятье!

Зачем я спросила?

Северин не отвечает сразу. Я слышу, как что-то негромко стукнуло, словно он поставил на стол стакан.

— Что оно мне не нравится.

Я снова смотрю на бриллиант, и фыркаю:

— Тебя никто не спрашивал.

— Ты только что спросила.

Вот же гад!

ГАД!

Еще какой гад!

— У тебя нет никакого права обсуждать мою помолвку!

— Согласен.

— Тогда какого чёрта…

— Но это не мешает мне ненавидеть мысль, что ты выйдешь за Ратникова.

Я закрываю глаза и крепче сжимаю телефон.

Как же легко он это говорит…

Будто речь идёт о неудачной сделке, которую ему хотелось бы отменить.

— Ты сам всё разрушил, Северин.

Получается тише, чем я собиралась.

— Знаю.

— Не смей сейчас изображать ревнивого мужа. Ты перестал им быть три года назад.

— Думаешь, я забыл?

— Не знаю, что ты там помнишь.

— Больше, чем следовало бы.

Я поднимаюсь с пуфа и иду на кухню. Мне вдруг ужасно хочется воды. Наливаю полный стакан, делаю несколько глотков, но сухость во рту никуда не исчезает.

— Элина?

— Что?

— Ты замолчала.

— Думаю, как послать тебя покрасивее.

Он тихо усмехается.

— За три года могла бы придумать что-нибудь оригинальное.

— Могу прямо сейчас продемонстрировать.

— Не сомневаюсь.

Уголки губ предательски дёргаются. И тут я замечаю фотографию, которую принесла с собой на кухню и положила возле стакана.

Вот же дура!

У меня под дверью оставляют угрозы, а я обсуждаю с бывшим мужем его ревность.

— Северин, ко мне домой кто-то приходил.

Усмешка обрывается.

— Когда?

— Минут десять назад. Может, чуть больше.

— Ты открывала дверь?

Я медлю с ответом, заранее представляя его реакцию.

— Открывала. Но на площадке уже никого не было.

— Элина…

— Только не начинай! Я сначала проверила камеры.

— Что ты увидела?

— Мужчину в тёмной куртке с капюшоном. Он позвонил, повозился возле двери и ушёл по лестнице. Лица не видно. Я дождалась, пока площадка опустеет, и только потом открыла.

— Ты сняла цепочку?

— Да.

Северин начинает ругается чуть слышно, будто себе под нос. Но я всё слышу.

— Не надо разговаривать со мной таким тоном! — возмущаюсь я, хотя он ещё ничего не сказал.

— Ты даже не знаешь, кто это был.

— Именно поэтому я сначала посмотрела запись!

— И всё равно открыла дверь.

— Северин, мне тридцать четыре года. Я умею пользоваться дверными замками!

— Тогда объясни, зачем понадобилось открывать незнакомцу, который звонит в три часа ночи, — цедит он, уже не скрывая раздражения, и я снова шиплю:

— Я открыла пустую площадку! Ты можешь хотя бы дослушать?

Он замолкает, а я раздражённо выдыхаю и продолжаю:

— На двери был приклеен конверт. Когда я открыла, он оторвался и упал. Я его забрала, закрылась и больше никуда не выходила.

— Что внутри?

— Ещё одна фотография.

— Твоя?

— Да.

— Что на ней?

— Я одна, возле ресторана. Это, кажется, тогда, когда Демид уже ушёл за машиной.

Северин снова тихо матерится.

Вот теперь мне становится по-настоящему неуютно. Он никогда не стеснялся крепкого словца, но сейчас ругатель-

ство звучит совсем не так, как обычно.

— На обороте надпись, — добавляю уже на автомате.

— Какая?

Я поднимаю фотографию и смотрю на чёрные буквы.

— «Три года я тебя не трогал. Не заставляй меня начинать».

Тишина затягивается настолько, что я проверяю экран телефона. Вижу, что связь есть. И тихо произношу:

— Северин?

— Сохрани конверт и фотографию.

— Я итак собиралась… — не успеваю договорить, как он перебивает:

— И больше ничего не трогай.

Я смотрю на стакан, возле которого лежат обе вещи.

— Поздно.

— В каком смысле?

— Я уже трогала.

— Чем?

— Руками, Северин. Представляешь? Не держу дома набор криминалиста.

— Очень смешно.

— Я не шучу!

— Я тоже.

От его жёсткой интонации хочется огрызнуться ещё раз, но он уже спрашивает:

— Ты одна?

— Да.

— Дверь закрыта?

— На оба замка. И цепочка.

— Камеры в подъезде работают?

— Насколько знаю. Запись с площадки я уже посмотрела.

— Сохрани её. И позвони в полицию, попроси, чтобы запись с камер не удаляли.

Я удивлённо моргаю.

— И всё?

— А что ещё?

— А где твои люди? Где Глеб? Где приказ перекрыть половину города, чтобы найти того, кто посмел меня напугать?

На другом конце раздаётся короткая усмешка.

— Хочешь, чтобы я так сделал?

— Нет!!! — рычу на него в который раз.

— Тогда не провоцируй.

Я невольно закусываю губу. Сколько раз слышала от него это «не провоцируй»! И далеко не всегда во время ссор.

— Ты неисправим, — бурчу уже более спокойно.

— Не спорю.

— И совершенно невыносим!

— Это тоже слышал.

Я качаю головой, но возразить уже не успеваю. Взгляд снова падает на фотографию.

— Северин, надпись очень похожа на то, что мог бы написать ты.

— Знаю.

Я ставлю стакан и поражаюсь его быстрой капитуляции.

— Что?

— Я сказал, что знаю.

— И тебя это не смущает?

— Меня это, блядь, очень сильно смущает! — вот теперь я слышу настоящую злость в его голосе. — Но, я этого не делал, Элина.

— А кто тогда? — на удивление мой голос звучит ровно.

— Не знаю. Но кто-то очень хочет, чтобы ты подумала обо мне.

Я разглядываю фотографию, пытаясь представить, кто мог сделать её незаметно для нас с Демидом.

— Удобное объяснение, — тихо усмехаюсь.

— Другого у меня пока нет.

Он говорит без привычной самоуверенности, и это сбивает меня с толку. На мгновение я даже допускаю, что Северин действительно ничего не знает, но тут же вспоминаю его появление возле ресторана, сообщения и то, как легко он раньше умел скрывать от меня правду.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, что я тебе не верю?

— Да.

Я крепче сжимаю телефон. Почему-то ждала, что он начнёт спорить, доказывать, возмущаться. А он просто согласился. И от этого мне ничуть не легче.

— И тебя это устраивает? — не понимаю зачем, но уточ-

няю, и снова получаю в ответ не то, что ожидаю от привычного Северина:

— Нет! Но заставить поверить я тебя не могу.

Я медленно провожу пальцем по краю столешницы.

Три года назад я многое отдала бы за такое признание. За то, чтобы Северин хотя бы однажды перестал решать за нас обоих. Но тогда он предпочёл молчать.

И отпустил меня.

— Ты сейчас где? — спрашиваю.

— Дома.

— Один?

— Один, Элина.

— И никто не может подтвердить?

— Нет.

Я усмехаюсь.

— Замечательно. Значит, алиби у тебя нет.

— Ты действительно считаешь, что я мог стоять у твоей двери?

— А почему нет? У тебя мой номер. Ты прекрасно знаешь, где я живу. Ты оказался возле ресторана именно тогда, когда мне предложили оглянуться. А теперь кто-то оставляет угрозу, в которой упоминаются три года. Столько же, сколько мы в разводе. Что мне ещё думать?

— Что кто-то знает о нас достаточно, чтобы этим воспользоваться.

— Или что ты решил напомнить о себе, — злобно добав-

ляю я вслед, и на что, в этот раз Северин молчит.

Я отхожу от кухонной стойки и прислоняюсь плечом к дверному косяку. От долгого разговора начинает ныть рука, но переложить телефон к другому уху почему-то даже не приходит в голову.

— Знаешь, что самое мерзкое? Я ведь даже не удивилась, когда увидела тебя возле ресторана. Испугалась, разозлилась, но не удивилась. Потому что ты всегда умел появляться именно там, где считал нужным. Очень эффектно, скажу тебе! — ехидно ухмыляюсь, но при этом, мне абсолютно не смешно.

— И часто ты об этом вспоминала? — хрипло звучит его голос на этот раз, что выводит меня окончательно.

Я хмурюсь и бросаю в ярости:

— О чём?

— Обо мне.

Ну, конечно!

Бегу и спотыкаюсь, чтобы вот так тебе всё выложить!

— Ты сейчас серьёзно? — голос срывается, но я не пытаюсь его контролировать, а он будто и рад довести меня до белого каления своим ответом:

— Вполне.

Я даже не успеваю перевести дыхание, как ответ сам вырывается из моих уст:

— Кто-то угрожает мне, а ты решил выяснить, как часто я вспоминаю бывшего мужа?

— Ты сама заговорила о прошлом.

— Потому что оно имеет отношение к происходящему!

— Тогда ответь.

Вот же наглый сукин сын!

Я выпрямляюсь, чувствуя, как раздражение не просто закипает, оно уже бурлит во всю!

— Мне плевать на тебя, Северин.

Он молчит, а потом негромко произносит:

— Не ври хотя бы сейчас.

— Да пошёл ты!

— Уже посылала, — лёгкая ирония проскальзывает в его голосе и я прямо-таки вижу его ухмылку, отчего не могу унять себя и продолжаю огрызаться:

— Значит, повторю!

— Я услышал, не утруждай себя лишний раз, Эль.

Я с силой сжимаю свободную руку в кулак. Как же хочется увидеть его самодовольную физиономию и высказать всё лично!

— Ненавижу тебя!

Слова вылетают громче, чем я рассчитывала, что сама пугаюсь. И на другом конце становится тихо. Я слышу собственное дыхание и далёкий шум машин за окном.

— Знаю, — наконец, совсем тихо отвечает Северин.

Уже без насмешки. И это почему-то больнее, чем если бы он снова съязвил.

Я резко отворачиваюсь к окну.

Во дворе темно. Под фонарём стоит несколько припаркованных машин, возле соседнего подъезда кто-то торопливо идёт к такси.

Я невольно вспоминаю человека в капюшоне. Он мог уйти совсем недалеко. Нет бы вызвать полицию, хоть что-то предпринять в данной ситуации. А я стою на кухне и ругаюсь с бывшим мужем.

— Я позвоню Демиду, — зачем-то говорю ему, и Северин отвечает не сразу:

— Правильно.

Я даже от окна отворачиваюсь, будто ослышалась.

— Что?

— Позвони Ратникову. Он твой жених.

Фамилию произносит с таким холодом, что я невольно усмехаюсь.

— Вижу, тебя это бесит?

Господи!

Зачем я спросила?!

Уже открываю рот, собираясь перевести разговор на другое, когда слышу:

— Да.

Я невольно крепче прижимаю телефон к уху.

— Придётся потерпеть.

— Я уже три года терплю.

Отвечает так спокойно, будто сообщает что-то совершенно обыденное, а у меня внутри неприятно тянет.

— Вот, не надо сейчас делать вид, Северин.

— Чего?

— Вот этого.

— Ты сама спросила, Элина.

— И уже пожалела, — рявкая в ответ, и корю себя, что прикусить язык вовремя никак не получается.

— Поздно одумалась.

Чёрт бы его побрал!

Я прекрасно представляю, с каким выражением лица он сейчас это произносит. Наверняка усмехается, довольный тем, что сумел вывести меня из равновесия.

— Я звоню Демиду, — повторяю твёрже.

— Звони, — спокойно говорит, и выдержав паузу добавляет. — А я сейчас приеду.

Я отталкиваюсь от косяка и возмущенно выдаю:

— Нет. Даже не вздумай!

— Я не собираюсь подниматься к тебе.

— А я вообще не хочу, чтобы ты сюда приезжал!

— Понимаю, но… — не успевает он договорить, как я перебиваю:

— Тогда какого чёрта ты собрался ехать?!

— Потому что тот, кто оставил конверт, может находиться поблизости, — отвечает Северин уже резче. — И мне не нравится мысль, что он может вернуться.

Вот ведь упрямец! Я слышу, как он начинает злиться, и сама завожусь ещё сильнее. Снова решил, что лучше знает,

что мне нужно. Три года мы жили каждый своей жизнью, а ему хватило одного вечера, чтобы вернуться к привычке всё контролировать.

И самое противное, что когда-то его желание защитить меня казалось совершенно естественным. Только сейчас я уже не уверена, что именно от него мне нужна защита.

— И что ты сделаешь? Будешь обходить двор с фонариком? — спрашиваю с издёвкой.

— Нет.

— Тогда оставайся дома! Не нужно приезжать!

В трубке становится тихо. Я жду возражений, но Северин молчит, и это настораживает сильнее, чем очередной спор.

— Ты меня слышишь?

— Прекрасно.

Я стискиваю телефон. В его голосе нет ни согласия, ни обещания остаться дома. Он просто даёт понять, что услышал меня.

И я слишком хорошо знаю Северина, чтобы принять это за уступку.

— Я серьёзно. Мне не нужна твоя помощь. Я позвоню Демиду, вызову полицию и дождусь сотрудников. Ты не должен сюда приезжать.

Сказав это, я машинально потираю плечо.

С меня достаточно!

Я больше не нуждаюсь в помощи Северина. Когда-то я даже не задумывалась, что могу поступить иначе. А потом пе-

рестала понимать, где заканчивается его забота и начинается желание распоряжаться моей жизнью.

— Хорошо, — наконец отвечает он.

Я даже не сразу верю.

— Надеюсь, на твое благоразумие и ты не приедешь.

— Ты сказала, что не хочешь меня видеть.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Я раздражённо выдыхаю.

— Господи, Северин…

— Позвони Ратникову, Элина. И больше не выходи одна в подъезд. Точка! — снова чувствую, как меняется тональность в голосе, и пытаюсь одёрнуть его:

— Ты ничего не путаешь? Мне давно уже не пять лет!

— Я помню, — смягчается он внезапно и снижает голос на тон ниже.

— Иногда по твоим интонациям не скажешь.

Он снова молчит, и я уже готовлюсь услышать привычное «не спорь» или «делай, что говорю», но Северин неожиданно произносит:

— Я стараюсь, Эль.

Я опускаю взгляд.

Господи!

Ну почему, только сейчас?!

Где ты был раньше? Когда я очень хотела услышать что-нибудь подобное. Хоть раз увидеть, что он действительно го-

тов что-то изменить ради нас.

А теперь…

— Поздновато, — говорю уныло, и получаю такой же ответ:

— Да.

Будто он просканировал мои мысли, но с каким-то опозданием, на эти несколько лет. И на душе становится так тоскливо, хоть волком вой. Да еще в придачу, это его непривычное согласие, которое окончательно сбивает меня с толку.

— Спокойной ночи, — выдыхаю я, не в силах продолжать с ним этот бессмысленный спор, но и тут он находит, как съязвить:

— Ночь уже вряд ли будет спокойной.

Я невольно фыркаю.

— Спасибо. Умеешь ты поддержать.

— Прости. Никогда не умел.

— Хоть в чём-то стабильность.

Он тихо усмехается, и я вдруг ловлю себя на том, что совсем не хочу заканчивать разговор. Хотя ещё минуту назад мечтала послать его к чёрту и отключиться.

— Элина.

— Что ещё?

На другом конце линии раздаётся тяжёлый вздох. Я уже готовлюсь услышать очередное возражение, но Северин неожиданно произносит совсем другим голосом:

— Я этого не делал.

Ни злости, ни привычного нажима. И от этой непривычной интонации у меня неприятно сжимается сердце.

Я опускаю взгляд на фотографию.

Как же хочется ему поверить! Хотя бы сейчас, когда он говорит со мной так, как не говорил уже очень давно.

И спорить больше нет ни сил, ни желания. Поэтому я лишь напоминаю:

— Ты уже говорил.

— Знаю.

— Тогда зачем повторяешь?

— Потому что ты мне не веришь.

— А должна?

— Нет.

Я прислоняюсь затылком к дверному косяку и закрываю глаза.

Если бы он требовал поверить, обвинял меня в паранойе или хотя бы разозлился на мои подозрения, было бы гораздо проще. Я бы послала его и закончила разговор с полной уверенностью, что поступила правильно. Но Северин ничего не требует. И это совершенно на него не похоже.

— Спокойной ночи, Северин, — совсем тихо выдыхаю, и также тихо отвечает он:

— Береги себя, Эль.

Я отключаюсь первой.

Ещё несколько секунд стою с телефоном в руке, глядя на погасший экран.

Двадцать семь минут.

Мы проговорили с ним, целых двадцать семь минут.

И я успела накричать на него, обвинить в преследовании, признаться в ненависти и зачем-то выяснить, насколько сильно его бесит моя помолвка.

Прекрасно, Элина. Просто великолепно!

— Хватит, — говорю вслух и открываю контакт Демида.

Он отвечает быстро, но по голосу понятно, что спал.

— Эль?

От знакомого сонного голоса становится немного спокойнее.

— Прости, что разбудила.

— Что случилось?

Я смотрю на белый конверт возле стакана.

— Ко мне кто-то приходил.

Слышу, как Демид шевелится, затем скрипит кровать.

— В каком смысле приходил? Прямо сейчас?

— Да. Минут двадцать назад, наверное. Звонили в дверь. Я посмотрела запись с камеры, там видно какого-то мужчину в капюшоне.

— Ты открывала?

— Только, когда он уже ушёл. Проверила площадку, открыла и увидела конверт. Его скотчем к двери прикрепили.

— Что в конверте?

— Опять фотография, — тихо вздыхаю и добавляю. — И на этот раз, угроза.

Демид несколько секунд молчит.

— Какая угроза, Эль?

Я зачитываю надпись. В трубке слышится короткое ругательство, потом щелчок. Наверное, он включил свет.

— Ты сейчас одна?

— Да.

— Дверь закрыта?

— Конечно.

— Я еду.

— Демид…

— Что?

Я хотела сказать, что не нужно. Сама не понимаю зачем.

Он же мой жених. Мужчина, с которым я собираюсь прожить жизнь. И совершенно естественно, что он хочет приехать, когда мне угрожают.

— Ничего, просто, — отвечаю сразу же. — Спасибо.

— Эль, ты меня пугаешь. Почему сразу не позвонила?

Я опускаю глаза на экран.

Вот теперь начинается самое неприятное.

— Сначала пыталась разобраться, что происходит.

— Сама?

— Демид, я не собиралась никого ловить. Просто посмотрела камеры.

Он тяжело выдыхает.

— Ладно. Обсудим, когда приеду. Дверь больше не открывай, пока не увидишь меня на камере. Я позвоню, когда

подъеду.

— Хорошо.

— И вызови полицию. Не откладывай.

— Уже собиралась.

— Эль?

— Да?

— Я скоро.

Я невольно улыбаюсь, и чувствую, как тревога отпускает.

— Хорошо, любимый. Жду тебя.

После звонка ещё несколько секунд смотрю на его имя на экране. А потом замечаю под ним номер Северина. Отчего-то вдруг становится стыдно. Демид спал, когда я разговаривала с бывшим мужем. И если бы Северин сам не напомнил о женихе, неизвестно, сколько бы мы ещё продолжали выяснять отношения.

Я убираю телефон от лица и набираю экстренную службу.

Разговор получается коротким и деловым. Называю адрес, объясняю, что неизвестный человек звонил в дверь и оставил фотографию с угрозой. Уточняю, что у меня сохранилась запись с камеры на площадке. Меня просят ничего больше не трогать и дождаться сотрудников. Когда разговор заканчивается, квартира снова погружается в тишину.

Я осторожно кладу телефон на стол, подальше от конверта, и иду проверить входную дверь. Оба замка закрыты, цепочка на месте. Я даже дёргаю ручку, чтобы убедиться окончательно, потом включаю свет в гостиной, и ещё один, до-

полнительно в коридоре.

Пусть горит. Спать всё равно уже не получится.

В спальне зеркало встречает меня растрёпанными волосами и лицом женщины, которой сегодня явно хватило впечатлений на ближайший год.

На левой руке поблёскивает кольцо.

Я поднимаю ладонь, в очередной раз рассматриваю камень и вспоминаю сообщение.

«СНИМИ ЕГО».

А следом, будто вновь слышу голос Северина.

«Но это не мешает мне ненавидеть мысль, что ты выйдешь за Ратникова».

Я раздражённо качаю головой.

— Обойдёшься!

Провожу пальцем по камню и поправляю кольцо.

Демид выбирал его для меня. Волновался, когда делал предложение, и улыбался так счастливо, что мне самой хотелось смеяться. А я теперь стою посреди спальни и вспоминаю совсем другого мужчину.

Вот уж чего мне точно не хватало!

Я присаживаюсь на край кровати и пытаюсь прикинуть, сколько понадобится Демиду, чтобы доехать.

Минут пятнадцать, если дороги пустые. Может, двадцать.

Телефон всё ещё в руке. Открываю журнал вызовов, чтобы проверить, когда закончился наш разговор.

Имя Демида сверху. Под ним номер без имени. Номер Се-

верина, который я помню наизусть.

Двадцать семь минут…

Я задерживаю палец над экраном, потом блокирую телефон.

Не собираюсь больше об этом думать.

Мне угрожают. Я позвонила человеку, которого подозреваю. Вполне логичный поступок. Вот только разговор почему-то очень быстро перестал касаться одних лишь угроз.

— Всё. Хватит!

Пытаюсь остановить себя. Этот хаос и раздрай в душе. Только получается, так себе.

Оставляю телефон на кровати и иду на кухню за водой. На полпути останавливаюсь, и возвращаюсь за ним.

Прекрасно.

Мысленно браню себя. Теперь я ещё и боюсь оставить его в другой комнате.

На кухне допиваю воду и прислушиваюсь. За окном шелестят шины. Где-то в подъезде хлопает дверь, и я невольно вздрагиваю. Смотрю на часы, внутри вновь просыпается нелепая тревога.

Демид скоро будет.

Сотрудники тоже.

Нужно просто дождаться. Главное, успокоиться и держать себя в руках.

Я подхожу к окну, но штору не трогаю. После того, как увидела запись с камеры, неприятно думать, что кто-то мо-

жет стоять внизу и смотреть на мои окна.

И тут почему-то вновь вспоминаю Северина.

Вернее, его дом.

После развода он остался жить там же. Я прекрасно помню дорогу, по которой мы столько раз возвращались вместе.

Зачем я вообще об этом думаю?

Я отворачиваюсь от окна и проверяю телефон. Новых сообщений нет.

Проходит ещё несколько минут. Потом по потолку скользит свет фар. И я вскидываю голову.

Машина въехала во двор. Слишком быстро для Демида. Подхожу к окну и осторожно отодвигаю край шторы.

Чёрный автомобиль медленно проезжает вдоль парковки и останавливается чуть в стороне от подъезда.

У меня неприятно ёкает сердце.

Не-е-ет!

Я узнаю машину сразу. Ту самую. Она стояла напротив ресторана.

Открывается водительская дверь, и вижу, как Северин выходит наружу. Даже с высоты я узнаю его мгновенно. По широким плечам, по тому, как он поправляет пальто, прежде чем оглядеться. Несколько секунд он просто стоит возле машины, внимательно осматривая двор. А потом поднимает голову, прямо к моим окнам.

Я резко отшатываюсь и прижимаюсь спиной к стене.

Он приехал.

После моего прямого «не надо».

После своего «хорошо».

После того, как я совершенно ясно сказала, что не хочу его видеть.

Сволочь!!!

Я уже собираюсь набрать его и высказать всё, что думаю о подобном самоуправстве, когда взгляд падает на время.

Подождите…

Открываю журнал вызовов, нахожу его номер. Смотрю, когда закончился разговор, потом на часы.

Считаю ещё раз, и будто перестаю дышать.

Девять минут…

Всего девять минут прошло с тех пор, как мы попрощались.

Я снова подхожу к окну, уже не особенно заботясь о том, увидит он меня или нет. Северин всё ещё внизу. Стоит возле машины и разговаривает по телефону. А я смотрю на него, и чувствуя, как внутри медленно поднимается холод.

Его дом отсюда совсем не близко. Даже ночью, по пустым дорогам, сюда ехать не меньше двадцати пяти минут.

А ведь на мой прямой вопрос он ответил, что находится дома.

«Ты сейчас где?»

«Дома».

«Один?»

«Один, Элина».

Я опускаю телефон. Значит, в тот момент Северин был где-то поблизости. Возможно, даже в нашем районе. И пока я обвиняла его в преследовании, пока рассказывала про человека в капюшоне и угрозы, он спокойно уверял меня, что находится дома.

Я смотрю на его фигуру возле автомобиля.

Девять минут, чёрт бы его побрал!

Всего девять.

И ведь я почти поверила ему.

Не в невиновность. До этого ещё далеко. Но хотя бы в то, что сейчас он разговаривает со мной честно…

Как же быстро я позволила себе забыть, с кем имею дело.

Три года понадобилось, чтобы научиться жить без Северина Вельского. И всего двадцать семь минут его голоса хватило, чтобы снова начать сомневаться в собственных выводах.

А девять минут расставили всё по местам!

Он солгал.

И теперь все его спокойные «я этого не делал» звучат совсем иначе…

Глава 7

Элина

Телефон вибрирует в руке, когда я в очередной раз смотрю на часы. На экране высвечивается имя Демида, и я отвечаю так быстро, словно всё это время только и ждала его звонка.

— Эль, я подъезжаю. Ты как? — голос у него хрипловатый после сна, но тревога слышна отчётливо. — Полиция уже была?

— Ещё нет. Я дома, дверь закрыта. Демид… тут кое-что ещё.

За окном появляются фары. Серебристый автомобиль сворачивает во двор, медленно проезжает вдоль парковки и останавливается возле подъезда. Я узнаю машину ещё до того, как водитель выключает ближний свет.

— Здесь Северин, — выговариваю наконец и невольно крепче сжимаю телефон.

Господи, ну как же нелепо всё это выглядит! Я попросила жениха приехать, потому что мне страшно, а теперь вынуждена сообщать, что под моими окнами уже дежурит бывший муж.

— Что значит «здесь»? — Демид произносит это не громко, но сонливости в его голосе больше нет.

— Оглянись. Чёрная машина у края парковки. Он стоит рядом.

Демид замолкает. Внизу гаснут фары, но двигатель продолжает работать. Через лобовое стекло я вижу, как он поворачивает голову в сторону Северина. Несколько секунд никто из них не двигается.

— Ты его позвала? — спрашивает Демид.

— Нет. Я вообще просила его не приезжать. Он сказал, что находится дома, а потом вдруг оказался у моего подъезда.

— Прекрасно, — произносит жених после паузы. — Значит, он ещё и предупреждать не считает нужным.

Мне хочется объяснить, что я сама ничего не понимаю, но слова путаются. Демид устал, его разбудили посреди ночи, и сейчас он видит возле моего дома человека, с которым у меня слишком много общего прошлого. На его месте я бы тоже не обрадовалась.

— Ты же знаешь, какой Северин, — говорю неуверенно.

— К сожалению, начинаю узнавать, — Демид глушит двигатель. — Эль, только скажи мне прямо, ты сейчас в безопасности?

— Да. Я не выходила, и не собираюсь.

— Хорошо. Тогда я поднимусь.

Открывается водительская дверь. Демид выходит, продолжая держать телефон возле уха. На нём расстёгнутая куртка, волосы взъерошены, будто он одевался на ходу. Он

захлопывает дверь чуть сильнее обычного, а я чувствую неприятный укол вины, хотя прекрасно понимаю, что ни в чём не виновата.

Северин замечает его сразу. Выпрямляется, убирает собственный телефон в карман пальто и поворачивается к подъехавшему автомобилю.

— Демид… — зову я, когда оба мужчины останавливаются, глядя друг на друга через пустую парковку.

— Что, родная?

От привычного обращения становится немного легче. Он злится, но со мной по-прежнему говорит так, как всегда.

— Только не выясняй с ним отношения. Пожалуйста. Мне сейчас ещё одной ссоры не хватит.

Демид опускает голову, свободной рукой растирает лицо. Я почти физически ощущаю, каких усилий ему стоит промолчать несколько секунд.

— Эль, я приехал потому, что какой-то ублюдок оставляет угрозы у твоей двери. Поверь, меньше всего мне хочется тратить эту ночь на разборки с твоим бывшим. Но и делать вид, что его здесь нет, я не собираюсь.

— Знаю. Прости, милый.

— За что ты извиняешься? — он сразу смягчает голос. — За то, что тебе угрожают? Или за то, что Вельский не понимает слова «нет»?

— За весь этот цирк. Я ведь даже толком не могу тебе объяснить, что происходит.

— Вот когда разберёмся, тогда и объяснишь. А сейчас постарайся не накручивать себя.

Северин делает несколько шагов навстречу Демиду, и у меня холодеют пальцы.

— Он к тебе идёт.

— Вижу, Эль. Я не слепой.

— Может, просто поднимешься? Я уже пыталась выяснить, зачем он приехал. Почти полчаса разговаривала с ним, и ничего хорошего из этого не вышло.

Демид останавливается.

— Полчаса? — переспрашивает он, и на этот раз в голосе звучит не столько ирония, сколько задетое самолюбие. — Ты полчаса говорила с ним, пока я ехал к тебе?

Я мысленно ругаю себя. Нужно было сразу рассказать, а не выдавать всё по кусочкам, словно оправдываюсь.

— Это был не тот разговор, о котором ты подумал. Я спрашивала про сообщения, про конверт.

— Я пока вообще стараюсь ни о чём не думать, — признаётся Демид. — Особенно о том, что в ночь нашей помолвки под окнами моей невесты стоит её бывший муж.

От этих слов становится больно. Я смотрю на Демида внизу и вдруг замечаю, как он переминается с ноги на ногу от холода. Ведь сорвался ко мне, не раздумывая, а теперь вынужден разбираться ещё и с этим.

— Я люблю тебя, — говорю тихо. — И не хочу, чтобы ты сомневался в этом из-за Северина.

Демид поднимает голову к моему окну. Я знаю, что он не может разглядеть меня за шторой, но всё равно отступаю в тень.

— Я тоже тебя люблю, Эль. Именно поэтому сейчас стою здесь и стараюсь вести себя прилично, — он делает короткую паузу. — И, пожалуйста, отойди от окна. Если кто-то действительно следит за тобой, не нужно показывать, где ты стоишь.

Я отпускаю край шторы.

— Хорошо. Только поднимись скорее.

— Поднимусь, обещаю. И ничего не устраивай, пока меня нет рядом.

— Это ты мне говоришь?

— Видишь, даже шутить ещё умеешь. Держись, родная.

И связь обрывается. А я остаюсь стоять возле окна, мучительно прислушиваясь к тишине квартиры и представляя, что сейчас происходит внизу между двумя мужчинами, каждый из которых по-своему считает, что имеет право меня защищать.

Я всё же не выдерживаю и осторожно придвигаюсь к окну. Хочу хоть мельком взглянуть на них и убедиться, что эти двое не устраивают подростковые разборки.

Между ними метров двадцать. Северин стоит, засунув руки в карманы пальто, и наблюдает за приближающимся Демидом. Тот останавливается, что-то произносит. И Северин отвечает.

Я невольно приподнимаюсь на носки, словно от этого смогу расслышать хоть слово.

Ну что они там обсуждают?

Демид коротко кивает и направляется к подъезду.

Телефон снова вибрирует. Я отвечаю, не дожидаясь второго гудка.

— Ну? Что ты ему сказал? — спрашиваю шёпотом, хотя прекрасно знаю, что через закрытое окно меня никто не услышит.

— Просто поздоровался. Вежливо, между прочим.

— Демид, я видела, как вы стояли друг напротив друга. Неужели только поздоровались?

— А что? Я воспитанный человек.

— И всё?

— Ещё поинтересовался, не перепутал ли он адрес. Без всяких оскорблений, можешь мной гордиться.

Я снова прикрываю глаза.

Господи, только этого не хватало.

— И что он?

— Заверил, что прекрасно знает, где находится. И добавил, что не собирается уходить, пока не убедится, что ты в безопасности. Очень непреклонный мужчина, твой бывший муж.

— Не начинай, пожалуйста.

Демид негромко усмехается.

— Не буду. Мне сейчас гораздо важнее увидеть тебя, чем

выяснять, кто из нас лучше знает твой адрес. Открой подъезд, я поднимаюсь.

— Только сначала позвони в домофон.

— Эль, я помню. И ты мне дверь сразу не открывай, сначала посмотри на камеру.

— Хорошо.

— Договорились.

Отключаюсь, пропускаю его в подъезд и отхожу от окна.

Северин остался внизу. Не смотря на мой запрет и свою очередную ложь, которую подтверждают эти грёбаные девять минут.

Я снова смотрю на журнал вызовов, хотя уже дважды проверяла время.

Ошибки нет.

Звонок в дверь заставляет вздрогнуть. Я подхожу к экрану, убеждаюсь, что на площадке действительно Демид, и только потом отпираю замки.

— Привет, — говорю, открывая.

— Привет, моя катастрофа, — улыбается Демид.

Он входит в расстёгнутой куртке поверх футболки, с растрёпанными волосами и едва заметным отпечатком подушки на щеке.

Боже, он ведь действительно спал.

— Прости, что разбудила.

— Сейчас выясним, насколько серьёзно твоё преступление.

Демид закрывает дверь, поворачивается ко мне и перестаёт улыбаться.

— Эль, посмотри на меня.

— Что?

Он берёт меня за плечи, внимательно смотрит.

— Ты цела? — он оглядывает меня с головы до ног, словно по телефону я могла забыть упомянуть что-нибудь важное.

— Да, Демид, со мной всё хорошо. Никто меня не тронул.

— И в квартиру никто не заходил? — он замечает моё выражение лица и тут же добавляет, — Знаю, ты уже говорила. Но после того, что я увидел во дворе, мне хочется проверить всё самому. Хотя бы это.

Смотрю на его обеспокоенное лицо, на волосы, которые он явно даже не пытался привести в порядок, и вдруг чувствую, как дрожит подбородок.

Только не это.

Я весь вечер держалась. Даже когда обнаружила конверт, когда звонила Северину и слушала его издевательски спокойные ответы. А теперь достаточно одного взгляда Демида, чтобы захотелось разреветься.

— Эй, — тихо произносит он.

Я сама делаю шаг вперёд, обнимаю его за талию и прячу лицо у него на груди.

Демид прижимает меня к себе.

— Ну ты чего, маленькая?

— Ничего.

— Угу. Слышу.

Он гладит меня по спине, потом целует в волосы.

— Я здесь. Всё, приехал.

От него пахнет знакомым гелем для душа и прохладным ночным воздухом. Я закрываю глаза, стараясь успокоиться.

— Ну и ночка у нас, — вздыхает Демид.

— Самое время передумать жениться.

— Поздно. Кольцо уже отдал.

— Можешь потребовать обратно.

— Элина, я похож на человека, который добровольно расстаётся с дорогостоящими активами?

Я не выдерживаю и смеюсь ему в грудь.

— Господи, Демид!

— Вот. Уже лучше.

Он чуть отстраняется, большим пальцем убирает влагу из уголка моего глаза и наклоняется за поцелуем. И я отвечаю, обнимая его крепче.

Как же хорошо, что он приехал. На душе становится спокойнее.

— Пойдём, — говорит Демид. — Покажешь, что тебе оставили.

На кухне он останавливается возле стойки, где лежат фотография и белый конверт.

— Это?

— Да. Только руками не трогай. Я уже вызвала полицию, попросили всё оставить как есть.

Демид наклоняется, читает надпись.

Улыбка медленно исчезает с его лица, когда он читает:

— Три года я тебя не трогал. Не заставляй меня начинать… — он резко выпрямляется. — Что за больной ублюдок?

Я обхватываю себя руками.

— Хотела бы знать.

— Когда это появилось? — спрашивает Демид, всё ещё глядя на фотографию.

— В три семнадцать. Я специально проверила время на записи.

— Кто-то попал на камеру?

— Мужчина в тёмной куртке. Капюшон почти до носа, лица не разглядеть. Позвонил, прикрепил конверт и ушёл по лестнице.

— Эль, только скажи, что ты не открыла ему дверь.

— Нет, конечно, я ж уже говорила тебе. Сначала посмотрела запись, потом убедилась, что площадка пустая. Только после этого нашла конверт.

Демид медленно выдыхает, но напряжение с его лица не исчезает. Он устало проводит ладонью по затылку.

— Он ведь мог остаться за лестничной дверью, дождаться, пока ты выйдешь. Ты понимаешь? — Демид не повышает голоса, но от того, как он смотрит на меня, становится не по себе.

— Понимаю. Сейчас — очень хорошо. В тот момент,

спросонья, не прям… не очень.

Он явно хочет сказать ещё что-то резкое, но, заметив, как я поёжилась, только качает головой.

— Ладно. Главное, ты сейчас здесь, и дверь закрыта. Но больше, пожалуйста, никаких самостоятельных вылазок за подобными подарками.

— Не будешь читать лекцию?

— А ты сильно хочешь?

— Нет.

— Тогда не провоцируй.

Я невольно морщусь, и Демид замечает.

— Что?

— Ничего. Просто Северин сегодня говорил то же самое.

Его лицо меняется.

— Понятно.

Он отходит к окну, осторожно отодвигает штору.

— И всё-таки почему он здесь?

Я присаживаюсь на стул.

— Потому что, видимо, считает себя вправе приезжать, когда ему вздумается.

— Ты ему звонила из-за конверта?

— Сначала из-за сообщений возле ресторана. Потом рассказала про конверт.

— И что он сказал?

— Что ни при чём.

Демид поворачивается ко мне.

— И ты поверила?

Я смотрю на фотографию, и тихо вздыхаю:

— Честно? Не знаю.

Он несколько секунд молчит.

— Ты прожила с ним семь лет, Эль. Наверное, лучше меня знаешь, способен он на такое или нет.

— Раньше я была уверена, что знаю.

Демид подходит ближе, присаживается на соседний стул.

— А сейчас?

— Сейчас он меня пугает.

— Чем?

Я поднимаю телефон.

— Тем, что солгал. Я спросила, где он находится. Северин ответил, что дома, один. А через девять минут после окончания разговора я увидела его во дворе.

И тут, Демид хмурится.

— Девять минут?

— Да.

— Далеко его дом?

— Если он до сих пор там живёт, не меньше двадцати пяти минут отсюда.

— А если переехал?

Я собираюсь возразить, но осекаюсь.

Три года.

За это время Северин мог сменить адрес, машину, привычки. Мог вообще обзавестись новой семьёй.

Я ничего о нём не знаю.

И, честно говоря, даже не хотела знать.

— Возможно, — признаю неохотно. — Но зачем тогда скрывать, где он находится?

— Вот это уже хороший вопрос.

Демид поднимается.

— Сделаю кофе. А то ещё немного, и мы оба начнём бросаться на людей.

— Ты уже почти начал, — чувствую на лице недовольную ухмылку. — Во дворе.

— Неправда. Я был образцом дипломатии.

— Даже боюсь представить, что ты считаешь недипломатичным поведением.

— Лучше, не проверяй.

Он подмигивает мне и идёт к кофемашине, а я смотрю ему вслед.

Демид злится. Конечно, злится. Просто старается не показывать, насколько его задевает происходящее. И от этого мне становится ещё неприятнее. Потому что вместо того, чтобы провести ночь после помолвки вместе, мы сидим на моей кухне и обсуждаем Северина Вельского.

Чёрт бы его подрал!

Телефон вибрирует. Вижу, сообщение от Северина:

«Ратников приехал. Вижу».

Я смотрю на экран и так злюсь, что хочется скорчить гримасу. Вместо этого резкие слова вырываются неожиданно:

— Да что ты говоришь…

— Что там? — спрашивает Демид.

Показываю сообщение. Он читает и хмыкает:

— Как приятно, что наше прибытие официально зафиксировано.

Следом приходит ещё одно.

«К подъезду не спускайся».

Я раздражённо стучу пальцем по экрану.

Ну конечно!

Не прошло и часа, как бывший муж решил снова распоряжаться моей жизнью.

«Не указывай мне, что делать», — печатаю в ответ.

Три точки появляются почти сразу.

Исчезают.

И снова появляются.

«Тогда просьба, пока не выходи».

Я даже рот открываю.

Он что, издевается?

— Теперь что? — интересуется Демид, ставя передо мной чашку.

Показываю переписку.

Он приподнимает брови и вполне спокойно говорит:

— По крайней мере, пытается не командовать.

— Ты сейчас его защищаешь?

— Боже упаси. Наблюдаю редкое природное явление.

Я фыркаю в ответ:

— Вы оба сегодня решили меня довести.

— Я хотя бы стараюсь делать это обаятельно, — и так лукаво улыбается, что с трудом сдерживаю ответную улыбку, огрызаясь при этом:

— Так себе. Получается через раз.

— Ну, уже неплохой результат. Тебе не кажется?

Я беру чашку, но не успеваю поднести её к губам, как раздаётся звонок в дверь. Рука дёргается, кофе выплёскивается на блюдце.

— Чёрт!

Демид сразу оказывается рядом.

— Обожглась?

— Нет. Просто испугалась.

Он забирает у меня чашку.

— Я посмотрю.

— Давай, вместе.

— Элина…

— Демид, пожалуйста.

Он видит моё лицо и больше не спорит.

— Хорошо. Вместе.

На экране камеры двое мужчин в форме. Понимаю, что это полиция и тихо выдыхаю.

Оформление заявления затягивается почти на час. На часах уже далеко за четыре, и я перестаю следить за минутами. Я несколько раз рассказываю, когда вернулась домой, во сколько услышала звонок, что увидела на записи и как обна-

ружила конверт.

Один сотрудник записывает мои объяснения, второй осматривает дверь и площадку.

— Конверт руками брали? — спрашивает первый.

— Да. Сначала старалась не касаться, потом забыла об осторожности.

— Понятно.

— В тот момент, мне казалось, важнее закрыть дверь, чем сохранить отпечатки.

Мужчина кивает.

Демид стоит возле кухни, прислонившись плечом к стене. Иногда подходит, спрашивает, нужна ли вода, но не пытается отвечать вместо меня. Когда сотрудники просят показать запись, я открываю приложение.

На экране появляется мужчина в капюшоне. Он подходит к двери, нажимает на звонок, прикрепляет конверт и уходит.

— Лица не видно, — замечает сотрудник.

— Да, — подтверждаю общеизвестный факт и стараюсь не язвить правоохранительным органам.

— Камеры в холле есть?

— Есть. И возле въезда во двор. Но архивом распоряжается управляющая компания.

— Хорошо, мы сами запросим.

Второй сотрудник фотографирует дверь, затем аккуратно упаковывает конверт и фотографию.

Я смотрю, как белый прямоугольник исчезает в пакете для

вещественных доказательств, и неожиданно чувствую облегчение. Больше не придётся видеть эту надпись каждый раз, когда захочу воды.

— У вас есть предположения, кто мог это сделать? — спрашивает сотрудник.

Я невольно смотрю на окно, и Демид это замечает.

— Её бывший муж сейчас во дворе, — спокойно сообщает он.

Я резко поворачиваюсь.

— Демид!

— Эль, это имеет отношение к вопросу.

Сотрудник поднимает голову.

— Бывший супруг?

— Да, — отвечаю с лёгкой неуверенностью.

— Вы его вызывали?

— Нет. Он приехал сам.

— Он знает о случившемся?

Я немного мешкаю, но потом отвечаю:

— Знает.

— Откуда?

Я снова медлю с ответом, и неосознанно поднимаю взгляд на Демида.

— Я ему позвонила.

Он не реагирует никак. По крайней мере, так кажется в эту минуту. Пытаюсь уловить его реакцию и чуть не упускаю следующий вопрос полицейского:

— Почему именно ему?

Приходится рассказать про сообщения возле ресторана, про фотографию, про предложение оглянуться и Северина, которого я увидела сразу после этого.

И… про девять минут.

Когда заканчиваю, сотрудник некоторое время просматривает записи.

— После развода бывший супруг вам угрожал или пытался преследовать? — спрашивает сотрудник, перелистывая записи.

— Нет. За три года он ни разу не позвонил, не написал, не появился возле работы. Мы даже при разводе не встречались, всеми вопросами занимались адвокаты. Сегодняшний вечер — впервые.

Слова звучат непривычно даже для меня самой. Особенно то, что вынуждена объяснять постороннему человеку, почему его внезапное появление меня насторожило.

— А во время брака? Были угрозы, попытки контролировать ваши передвижения, контакты?

Я машинально поправляю край халата. Демид стоит у стены, совсем близко, но не вмешивается.

— Угроз и рукоприкладства не было. Но Северин любил всё держать под контролем. Ему нужно было знать, где я, с кем встречаюсь, когда вернусь. Иногда он узнавал вещи, о которых я сама ему не рассказывала.

— Например, мог получать доступ к телефону или пере-

писке без вашего разрешения?

Я открываю рот, собираясь ответить отрицательно, и вдруг понимаю, что не могу.

— Не знаю, — признаюсь наконец. — Я никогда не проверяла.

Мужчина делает пометку. И мне снова хочется посмотреть на Демида, но я удерживаюсь.

Сейчас я впервые за долгое время произношу вслух вещи, которые когда-то считала просто особенностями характера мужа. И понимаю, насколько иначе они звучат для постороннего человека.

Когда сотрудники наконец уходят, за окнами заметно светлеет. Ночь, казалось, тянулась бесконечно, а теперь вдруг кончилась. Я закрываю дверь, поворачиваю замки и прислоняюсь к стене.

— Господи, как же я устала, — выдыхаю, закрыв за полицейскими дверь.

Демид подходит сзади, осторожно обнимает меня за плечи. Я прислоняюсь к нему спиной и несколько секунд просто стою так, слушая, как он дышит. После бесконечных вопросов, записи с камеры и разговоров о Северине мне хочется, чтобы хоть кто-нибудь перестал от меня чего-то ждать.

— Пойдём на кухню, — говорит он возле моего уха. — Сделаю кофе, а потом попробуем хоть немного поспать.

— Тот, который я чуть не вылила на себя, не считается?

— Тот считается покушением на горячий напиток. У нас

с ним разные взгляды на жизнь.

Я невольно улыбаюсь. Демид замечает это и целует меня в висок.

На кухне он ставит передо мной свежую чашку, садится рядом на край стула и только тогда снимает куртку, которую так и не удосужился повесить. Вся его показная бодрость держится на упрямстве, и я вижу, как у него под глазами залегли тени, движения стали медленнее. И всё равно он здесь, со мной.

Демид достаёт сахарницу.

— Сколько тебе?

— Нисколько.

Он замирает.

— В смысле?

— В прямом. Я теперь без сахара пью.

Демид медленно поворачивается ко мне.

— С каких это пор?

— Пару дней, наверное. Не важно, — отмахиваюсь сразу же.

Он ставит сахарницу на стол с таким видом, будто только что обнаружил страшную семейную тайну.

— Всё. Свадьбы не будет.

Я поднимаю брови.

— Почему?

— Я собирался жениться на женщине, которая кладёт две ложки сахара в кофе. А ты кто такая?

Я смеюсь немного устало:

— Поздно передумывать.

— Придётся заново знакомиться. Рассказывай, какие ещё у тебя секреты.

— Иногда ем шоколад прямо в постели.

— Вот это я заметил. Особенно по своей подушке.

Я прыскаю и едва не давлюсь кофе, а Демид довольно улыбается, но через несколько секунд становится серьёзнее. Садится напротив, и проводит ладонью по волосам.

— Эль, можно тебя кое о чём спросить?

— Конечно.

— Только не злись сразу.

Я настораживаюсь.

— Прекрасное начало.

Он несколько секунд подбирает слова.

— Я не собираюсь запрещать тебе общаться с Вельским. И не хочу устраивать допрос. Но мне нужно понять одну вещь.

— Какую?

— Когда тебе стало страшно, почему ты позвонила именно ему? — спрашивает Демид. — Я понимаю, что сообщения могли быть связаны с Вельским. Но хочу знать, ты звонила, чтобы обвинить его, или потому, что надеялась услышать от него что-то ещё?

Я медленно опускаю чашку. Демид не отворачивается, не прячет за улыбкой обиду, и от этого отвечать становится

труднее.

— Сначала я действительно решила, что это его выходка. Хотела спросить прямо, чтобы он прекратил, если это он.

— А потом? — Демид осторожно касается ручки моей чашки. — Эль, я не пытаюсь тебя поймать на слове. Просто хочу понять.

Я собираюсь ответить сразу, но Демид смотрит на меня так внимательно, что привычная отговорка застревает в горле. Ведь контакт Демида я открыла первым.

И закрыла.

А номер Северина набрала по памяти.

И это, после трёх лет.

— Я хотела услышать, что он скажет, — признаюсь и невольно отвожу взгляд в сторону, всего на секунду.

— И что, услышала то, на что рассчитывала? — Демид подаётся вперёд, опираясь локтями о стол.

— Он сказал, что не имеет к этому отношения. Но после его появления во дворе я уже не знаю, чему верить.

— Тебе стало спокойнее после разговора с ним?

Я опускаю взгляд. Перед глазами всплывает:

«Я этого не делал».

«Не веришь…»

«А должна?»

«Нет».

Господи…

Снова наш разговор и мои сомнения…

А потом его спокойное признание, что ненавидит мысль о моей свадьбе.

И чёртова усмешка, которую я даже не видела, но прекрасно представляла.

— Нет, — отвечаю после долгой паузы. — Скорее наоборот.

Демид откидывается на спинку стула и на мгновение прикрывает глаза. Он устал сильнее, чем хочет показывать, и я вдруг остро чувствую, как несправедливо по отношению к нему всё происходящее.

— Демид, я не хотела, чтобы ты…

— Эль, пожалуйста, — перебивает он без грубости. — Не надо сейчас извиняться за каждое слово. Но и делать вид, что мне всё равно, я не собираюсь.

Он берёт чашку, но вместо того, чтобы сделать глоток, некоторое время вертит её в руках.

— Ты прожила с ним семь лет. До этого вы тоже были вместе. Я понимаю, что это огромная часть твоей жизни, куда мне доступа нет и никогда не будет.

Я молчу, и он продолжает:

— Но мне неприятно, что в ночь нашей помолвки мы сидим здесь и обсуждаем твоего бывшего мужа. Уже в который раз за такой короткий период. И ещё неприятнее, что он каким-то образом снова оказался рядом с тобой.

— Мне тоже неприятно, — говорю и подаюсь к нему через стол. — Я хотела провести эту ночь с тобой. Нормально,

счастливо, как после помолвки и положено. А вместо этого боюсь собственной двери и снова вынуждена разговаривать с человеком, который три года как уже в прошлом.

Демид поднимает глаза. В них ещё остаётся обида, но теперь он хотя бы видит, что я не отмахиваюсь от неё.

— Я понимаю, — говорит он наконец. — Просто иногда понимать головой гораздо легче, чем переживать самому.

Я протягиваю руку через стол.

Демид замечает, но не сразу отвечает на жест. Сначала смотрит на мои пальцы, потом всё-таки накрывает их ладонью.

— Я люблю тебя, — говорю ему, и он сразу же переплетает наши пальцы.

— Знаю.

— Это прозвучало очень самодовольно.

— Я сейчас имею право на небольшое самодовольство.

Улыбаюсь ему снисходительно и даю поблажку.

Он проводит большим пальцем по моей руке.

— Эль, я просто хочу быть рядом, когда тебе нужна помощь. Это ведь нормально?

— Нормально.

— Отлично. А то я уже начал подозревать, что за право заботиться о собственной невесте придётся подавать официальное заявление.

— Обязательно! И лучше всего, в трёх экземплярах.

— С печатью? — пытается он улыбнуться, но выходит

как-то уныло, и я стараюсь растормошить его поддерживаю шутку:

— Всенепременно!

Он подносит мою руку к губам и целует пальцы.

— Ладно. Разберёмся.

Некоторое время мы молчим.

За окном уже серое утро. Во дворе заводится первая машина, кто-то выходит из соседнего подъезда с собакой.

Демид поднимается, чтобы убрать чашки. Я тоже встаю, подхожу к окну и осторожно отодвигаю штору.

Ну что за напасть такая?!

Северин всё ещё здесь.

Но теперь возле него стоит ещё один мужчина.

Высокий, широкоплечий, в тёмной куртке. Он поворачивается к фонарю, и я сразу узнаю лицо.

— Вот зараза!

Глава 8

Элина

— Что такое? — Демид оборачивается на моё восклицание.

— Ордынцев приехал.

— Глеб? — слышу в его голосе удивление и поворачиваю голову:

— Ты его знаешь?

— Пересекались пару раз. А что он здесь делает?

— Вот это мне и хотелось бы выяснить.

Демид подходит к окну, останавливается рядом. Внизу Глеб что-то показывает Северину на экране телефона, затем указывает в сторону въезда во двор. Северин слушает, после чего достаёт собственный телефон и кому-то звонит.

— Похоже, твой бывший решил не дожидаться результатов полицейской проверки, — замечает Демид.

— А меня поставить в известность, конечно, забыл, — снова чувствую, как нарастает в голосе раздражение.

И ведь понимаю, что Демид здесь совершенно ни при чём, но ничего не могу с собой поделать.

— Эль, может, он просто хочет помочь?

Я поворачиваюсь к нему всем корпусом, даже не сразу поверив, что правильно расслышала.

— Ты сейчас серьёзно защищаешь Северина?

— Нет, я пытаюсь понять, из-за чего ты больше злишься, Эль. Вот действительно, из-за того, что он вызвал Ордынцева, или из-за того, что не спросил твоего разрешения.

— Из-за того, что он вообще здесь! — выпаливаю я и тут же понимаю, что это не совсем правда.

Демид смотрит на меня, но спорить не торопится.

— Тогда позвони ему, — предлагает он наконец. — Спроси напрямую. Иначе ты до утра простоишь возле этого окна.

— А ты?

— Что я? — Демид пожимает плечами. — А я, между прочим, приехал к своей невесте. И очень рассчитывал провести остаток ночи с ней, а не обсуждать её бывшего мужа.

Он произносит это без улыбки, и мне впервые за последние несколько минут становится по-настоящему неловко. Ведь Демид приехал после трёх часов ночи, когда я позвонила ему из-за конверта. Вместо сна получил полицию, мои нервы и Северина Вельского под окнами, в придачу. А теперь ещё вынужден наблюдать, как я слежу за происходящим во дворе.

— Прости, — говорю я, наконец. — Просто меня уже доводит вся эта история.

— Я заметил, — слегка хмурится он и подходит ближе, ласково касается моей талии и очень нежно притягивает к себе. — Позвони ему, Эль. Выясни всё сейчас, чтобы мы наконец могли лечь спать.

Я смотрю на телефон в своей руке.

Вот, действительно, сколько можно?

Я без раздумий, сразу же набираю Северина. Он отвечает практически сразу.

— Да, Эль.

— Поднимись ко мне.

На другом конце становится тихо.

Прям оглушительно тихо, и лишь через несколько секунд слышу удивлённый вопрос:

— Что?

— Северин, я прекрасно знаю, что со слухом у тебя всё в порядке.

— Ты уверена, что хочешь меня видеть?

Я смотрю на Демида, который стоит рядом, прислонившись плечом к оконному откосу и выдыхаю:

— Нет. Но раз уж ты решил устроить совещание под моими окнами, давай хотя бы выясним, по какому поводу.

— Хорошо, сейчас поднимусь.

Отключаюсь, и вижу, как Демид смотрит на меня с откровенным удивлением.

— Я предлагал позвонить.

— Я и позвонила.

— И пригласила его наверх.

— А что мне было делать? Кричать из окна? — развожу руками в недоумении, на что он хмыкает и качает головой:

— Учитывая твой темперамент, вариант вполне рабочий.

Я невольно улыбаюсь, но он не поддерживает шутку.

— Эль, я не против разговора. Только объясни мне одну вещь. Зачем тебе обязательно выяснять отношения с ним лично?

— Потому что по телефону он опять ничего не скажет.

— А здесь, значит скажет?

Хороший вопрос.

И, к сожалению, ответа у меня нет.

— Не знаю, Демид. Но я устала гадать, что происходит. Северин соврал, что находится дома. Потом приехал сюда, хотя я просила его не приезжать. Теперь привёз Ордынцева. Я хочу понять, что он задумал.

— Тогда разговаривай, — безнадёжно вздыхает Демид и проводит рукой по волосам. — Только не рассчитывай, что я оставлю вас вдвоём в квартире.

— Я и не прошу.

Демид кивает, но по его лицу вижу, что разговор ему всё меньше нравится. Он немного молчит, словно решает, стоит ли продолжать, а потом всё-таки произносит:

— И предупреждаю сразу, если Вельский начнёт вести себя как хозяин, я молчать не стану.

— Он не начнёт, — пытаюсь успокоить жениха, хотя сама не слишком уверена в собственных словах.

Демид смотрит на меня с таким выражением, что я невольно отвожу глаза.

— Ты действительно в этом уверена, Эль? Потому что я

пока не увидел ни одной причины полагать, что Вельский собирается считаться с твоими желаниями.

Возразить нечего. Северин уже успел проигнорировать мою просьбу не приезжать, а теперь я собственноручно пригласила его подняться. К счастью, продолжать неприятный разговор не приходится, потому что раздаётся звонок в дверь. Я направляюсь в прихожую, но Демид успевает перехватить меня за руку и, притянув к себе, целует в губы. Не торопится отпускать, и я сама обнимаю его крепче, на несколько мгновений позволяя себе забыть о том, кто ждёт за дверью.

— Не позволяй ему испортить тебе ещё и утро, ладно? — тихо просит Демид, коснувшись губами моего лба.

— Постараюсь, — отвечаю и нехотя размыкая объятия.

— А я пока побуду на кухне. Если что-нибудь понадобится, позови.

Он ещё раз касается моей щеки, прежде чем уйти, а я остаюсь перед дверью, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Странное дело: сама потребовала, чтобы Северин поднялся, а теперь никак не могу заставить себя повернуть замок.

Ещё возле ресторана я поняла, что к встрече с Северином совершенно не готова. Тогда он появился неожиданно, а теперь я сама позвала его в квартиру. Причём даже не знаю, что собираюсь делать, если он снова откажется отвечать на мои вопросы.

Впрочем, долго размышлять не приходится, потому что звонок повторяется.

— Да, иду я! — чуть ли не рычу на дверь и открываю.

Северин стоит на пороге, держа пальто на предплечье. Волосы слегка растрепались, на подбородке проступила щетина. Выглядит он не лучше меня, хотя, конечно, всё равно умудряется сохранять свой раздражающе уверенный вид.

— Доброе утро, Эль.

— Ты издеваешься? После такой ночи у меня не может быть доброго утра.

— Я вообще-то просто поздоровался. Но если хочешь, можем начать с того, что ты опять на меня злишься.

— А ты сомневался?

— Ни секунды, — самодовольно ухмыляется и смотрит на меня с каким-то странным удовлетворением, что я раздражённо отступаю, пропуская его.

Северин проходит в прихожую, останавливается возле шкафа, а я машинально собираюсь показать, куда повесить пальто, но вовремя одёргиваю себя.

Три года прошло, Элина!

Три чёртовых года!

Он прекрасно справится со своей одеждой.

Северин, разумеется, замечает моё движение. Его взгляд на секунду задерживается на моей руке, затем возвращается к лицу. И почему-то именно это молчание действует на нервы сильнее, чем любая его самоуверенная реплика. К тому

же я снова чувствую запах его парфюма.

Господи, ну почему он до сих пор так действует на меня одним лишь своим присутствием?!

Я отхожу к зеркалу, оставляя, между нами, хоть какое-то расстояние.

— Давай сразу договоримся. Ты сейчас объясняешь, что вы делаете с Глебом под моими окнами, и мы оба отправляемся отдыхать. У меня с утра работа, а я сегодня ещё даже не ложилась.

— Я заметил, что ты устала. И, прежде чем начнёшь возмущаться, это не попытка указывать тебе, когда спать. Просто констатация факта.

— Очень любезно с твоей стороны.

— Эля, может, хотя бы пять минут поговорим нормально? Я не собираюсь с тобой ссориться.

Он произносит это таким тоном, будто именно я вызвала среди ночи начальника службы безопасности и теперь пытаюсь оправдать своё присутствие возле чужого дома.

— Прекрасно. Тогда начни с Глеба.

Северин кладёт пальто на банкетку.

— Он проверяет камеры. На записи возле твоей квартиры лицо человека не видно, зато есть время, когда он появился. Глеб сейчас выясняет, какие камеры могли захватить его по дороге к подъезду и после выхода.

— И что, уже удалось что-нибудь найти?

— Пока нет. У соседнего здания есть камера, направлен-

ная на въезд во двор. Охрана согласилась сохранить запись, но её ещё нужно просмотреть. Я не хочу раньше времени обещать тебе результат.

Я внимательно его слушаю. В отличие от нашего ночного разговора, сейчас он хотя бы сообщает что-то конкретное.

— А полиция? Ты собираешься передавать им записи или твои люди будут заниматься этим самостоятельно?

— Разумеется, собираюсь. Я могу быстрее найти владельца камеры или договориться о сохранении записи, но официально запрашивать материалы должны следователи. Глеб с этим разберётся. Ты, главное, не волнуйся.

— Я и не волнуюсь. Только лишь, надеюсь, без твоих привычных сюрпризов.

— Постараюсь, — усмехается Северин. — Хотя подозреваю, что тебе всё равно не понравится.

— Мне бы гораздо больше понравилось, если бы ты сначала предупредил меня.

Он смотрит на меня, затем опускает глаза на телефон.

— Я собирался, но после того, как ты велела мне не приезжать, решил, что ещё один звонок закончится скандалом. А мне нужно было разобраться с камерами, и не спорить с тобой до утра.

— Зато теперь мы спорим лично. Прогресс налицо! — недовольно фыркая и развожу руками, на что Северин всё-таки улыбается.

И мне становится ещё досаднее, потому что я прекрас-

но помню эту улыбку. Она появлялась всякий раз, когда ему удавалось вывести меня из себя, а потом поймать на какой-нибудь смешной оговорке.

— Я не спорю, Эля. Ты спросила, зачем приехал Глеб, я объяснил. Если найдём что-нибудь полезное, ты узнаешь сразу. И полиция тоже.

— Хорошо.

На этом действительно можно было бы закончить разговор. Но Северин всё ещё стоит в моей прихожей, а я вдруг понимаю, что совершенно не хочу отпускать его, так и не выяснив главного.

— Только один вопрос остался без ответа, — говорю я. — И не надо делать вид, будто не понимаешь, о чём речь.

Улыбка исчезает мгновенно, потому что понимает.

Еще бы!

— О том, почему я оказался поблизости? Не так ли?

— Именно! Ты сказал, что находишься дома. А через девять минут я увидела твою машину возле своего подъезда. Даже если бы ты выехал сразу после нашего разговора, физически не успел бы добраться.

Северин проводит ладонью по подбородку.

— Я знаю, сколько ехать от моего дома до твоего.

— Тогда объясни, зачем соврал.

Он не отвечает сразу. Смотрит в сторону кухни, откуда доносится негромкий шум воды, затем снова на меня.

— Потому что не хотел объяснять, где находился. И по-

нимаю, насколько паршиво это сейчас выглядит.

Я даже теряюсь от неожиданности.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать? Очередную ложь, которую сможешь проверить через десять минут? Я действительно не был дома, Эля. Но рассказать, что делал, пока не могу.

— И почему же?

— Потому что это касается не только меня.

Я раздражённо усмехаюсь.

— Господи, Северин, у тебя удивительный талант! Даже когда ты наконец признаёшься во лжи, после разговора с тобой вопросов становится только больше.

— Знаю. Прости, но мне больше нечего добавить.

Он произносит это без обычной самоуверенности, и я невольно присматриваюсь.

— Слушай, а ты вообще понимаешь, что сейчас происходит? Кто-то фотографирует меня с Демидом, присылает угрозы, знает мой адрес. А мой бывший муж внезапно оказывается рядом и отказывается объяснить почему. На моём месте ты бы давно поднял на ноги половину города.

— Возможно, — соглашается Северин. — Но я не прошу тебя закрывать глаза на совпадения. Если считаешь, что полиции нужно проверить и меня, пусть проверяет. Мне скрывать нечего.

И тут, я замолкаю.

Вот такого ответа я точно не ожидала.

Северин замечает моё удивление, но продолжать не торопится.

— Только давай не будем делать вид, что я обязан радоваться происходящему, — добавляет он. — Мне совершенно не нравится, что кто-то следит за тобой. И ещё меньше нравится, что этот человек добрался до твоей квартиры.

Я опускаю глаза. На секунду мне хочется спросить, почему его это так волнует после трёх лет молчания. Но вопрос получается слишком личным, а я совершенно не собираюсь открывать эту дверь.

— Тогда помоги полиции, — лишь отвечаю и провожу ладонью по волосам. — И, пожалуйста, не превращай всё в собственную операцию.

— Постараюсь.

— Северин!

— Эля, я услышал тебя. Но обещать, что спокойно буду сидеть в стороне, пока неизвестно кто тебя пугает, не стану. Ты ведь и сама прекрасно знаешь, что не смогу.

Вот именно! Знаю.

Только от этого ничуть не легче.

Я отворачиваюсь к зеркалу, поправляю выбившуюся прядь и замечаю, что он смотрит в сторону кухни.

— Ратников остался у тебя?

Вопрос звучит почти буднично.

Почти.

Я резко перевожу взгляд на него и не могу скрыть, на-

сколько возмущена этим вопросом.

— А ты думал, я отправила его домой посреди ночи?

— Я ничего не думал. Просто спросил.

— Тогда отвечаю: да, Демид здесь. Он приехал сразу после моего звонка и останется, пока мы не убедимся, что всё спокойно.

— Я понял, Элина, — отвечает Северин, и по тому, как он произносит моё полное имя, я догадываюсь, что присутствие Демида в квартире его всё-таки задело.

В этот момент из кухни появляется мой жених с чашкой кофе в руке.

— Ну что, закончили? — спрашивает он, переводя взгляд с меня на Северина. — Надеюсь, теперь мы действительно сможем немного поспать, потому что у меня уже складывается впечатление, будто сегодняшняя ночь никогда не закончится.

— Почти, — отвечаю я. — Северин рассказал, что Глеб проверяет камеры возле дома. Если что-нибудь найдут, обещал сообщить.

— Это хорошо. Чем больше записей удастся собрать, тем лучше. Особенно если получится установить, как человек попал во двор.

Демид подходит ко мне и привычным движением кладёт ладонь на поясницу. Северин замечает это, но ничего не говорит. Только смотрит на Демида чуть дольше, чем требуется, прежде чем ответить на его следующий вопрос.

— Кстати, раз уж ты здесь, хотел спросить. Ты ведь находился неподалёку ещё до того, как Элина обнаружила конверт?

Я чувствую, как напрягаюсь.

Ну вот.

Северин смотрит на него не отрывая взгляда.

— Элина уже задавала мне этот вопрос.

— Знаю. Только ответа, насколько я понял, так и не получила. А меня, признаться, это тоже интересует. Слишком уж странно всё совпало.

— Если хочешь что-то сказать, Ратников, говори прямо.

Демид ставит чашку на тумбу.

— Хорошо. Мне не нравится, что человек, с которым Элина не общалась три года, появляется возле ресторана в день нашей помолвки. Потом выясняется, что он находится рядом с её домом ещё до того, как она получает угрозу. А когда его спрашивают, почему так произошло, он отказывается объяснять. Согласись, вопросы напрашиваются сами собой.

Северин медленно складывает руки на груди.

— Ты сейчас обвиняешь меня в том, что я сам оставил ей конверт?

— Я пока никого не обвиняю, но и исключать тебя только потому, что ты бывший муж Элины, не собираюсь.

Я смотрю на Демида. Вижу, что он говорит спокойно, без злорадства, и при этом, прекрасно понимаю, насколько неприятны его слова.

Северин тоже это понимает, но ехидно ухмыляется.

— Тогда советую тебе поделиться своими подозрениями с полицией, — произносит он ровно, без каких-либо враждебных эмоции. — Возможно, следователям будет интересно узнать, что ты считаешь меня настолько больным ублюдком, что я способен запугивать женщину, с которой прожил семь лет.

— Я не говорил, что считаю тебя больным. Но ты сам только что признался Элине, что солгал о своём местонахождении. Мне кажется, после этого разумно хотя бы проверить обстоятельства.

— Проверяй, без проблем. Только не устраивай мне допрос в её квартире.

— Тогда не создавай поводов.

Северин снова усмехается.

— Слушай, Ратников, я понимаю, что моё присутствие тебе неприятно. Поверь, мне тоже не доставляет удовольствия видеть тебя здесь. Но сейчас есть проблема посерьёзнее наших личных отношений, и я собираюсь заниматься ею независимо от того, насколько тебе это нравится.

— Вот с этим я как раз согласен, — отвечает Демид не повышая голоса. — Проблема действительно серьёзная. Поэтому мне и хотелось бы знать, что ты делаешь и зачем.

Они смотрят друг на друга без видимой агрессии, но я чувствую, что разговор начинает опасно уходить в сторону.

— Демид, Северин уже объяснил, чем занимается Глеб.

Если у них появится запись, её передадут полиции. Давайте хотя бы на этом закончим, — осторожно вмешиваюсь в их разговор, и Демид поворачивается ко мне:

— Эль, я не против помощи. Я против того, чтобы человек, который сам вызывает подозрения, получил возможность бесконтрольно вмешиваться в происходящее. И ты прекрасно понимаешь почему.

— Понимаю, — отвечаю я спокойно, чтобы не подливать масла в огонь и предотвратить надвигающуюся бурю. — Но сейчас мы всё равно ничего не выясним, если будем стоять здесь и спорить. Давайте, на этом распрощаемся.

Северин переводит взгляд с меня на Демида.

— А ты, оказывается, неплохо устроился, Ратников. Приехал, выпил кофе, теперь объясняешь, кому и как следует защищать твою невесту.

Демид медленно выпрямляется.

— Ты сейчас к чему?

— К тому, что мне совершенно не нужны твои указания. Особенно после сегодняшней ночи.

Я сразу понимаю, куда он клонит.

И мне это не нравится.

— Северин, не начинай, — тихо выдыхаю, но он уже смотрит на Демида.

— Если ты так беспокоишься о безопасности Элины, возможно, стоило оказаться рядом чуть раньше. Тогда ей не пришлось бы среди ночи звонить бывшему мужу.

А вот это было уже лишнее с его стороны.

Демид застывает, как и я в этот миг. На секунду мне кажется, что он даже не поверил услышанному.

— Ты сейчас серьёзно? — спрашивает он хищно прищуриваясь. — Решил попрекнуть меня тем, что я не успел приехать раньше её звонка?

— Я всего лишь заметил, что беспокоиться об Элине можно не только на словах.

Вот ведь сволочь!

Я резко поворачиваюсь к Северину.

— Ты прекрасно знаешь, что Демид приехал сразу, как только я позвонила. Не смей делать из этого повод для своих замечаний!

Северин бросает на меня короткий взгляд, и я вижу, что отступать он уже не собирается.

— А я и не делаю. Просто мне надоело слушать, как Ратников объясняет, что я должен делать, чтобы защитить женщину, которую знаю гораздо дольше него.

Демид делает шаг вперёд.

— Знаешь, Вельский, вот это твоё «гораздо дольше» начинает утомлять. Ты был женат на Элине, никто не спорит. Только сейчас она моя невеста, и я собираюсь заботиться о ней независимо от того, сколько лет вы прожили вместе. Если хочешь помочь, то помогай. Но перестань использовать каждую возможность, чтобы напоминать о своём прошлом.

Северин тоже подаётся вперёд.

— Не тебе решать, о чём мне помнить.

— А я и не собираюсь решать. Но если ты ещё раз попытаешься задеть меня за счёт того, что Элине пришлось пережить этой ночью, разговор у нас будет совсем другой.

— Какой именно? — ровным голосом бросает Северин и уголок рта едва дёргается в презрительной усмешке.

Демид не отводит взгляда.

— Думаю, ты прекрасно меня понял.

Северин несколько секунд разглядывает его, словно решает, стоит ли вообще воспринимать сказанное всерьёз. А потом чуть склоняет голову и спрашивает с откровенным вызовом:

— Ты мне угрожаешь, Ратников?

— Я предупреждаю, что не позволю тебе превращать страх Элины в очередное соревнование, между нами.

Они стоят настолько близко, что я невольно делаю шаг вперёд. Ещё немного, и кто-нибудь обязательно толкнёт другого.

Причём даже не важно, кто начнёт.

— Эй, мужики!

Гаркаю так, что оба одновременно поворачиваются ко мне.

— Вы вообще охренели?! У меня под дверью оставляют угрозы, полиция только что уехала, а вы собрались выяснять, кто из вас лучше умеет меня защищать?!

Демид сразу отступает.

Северин остаётся на месте, но взгляд наконец переводит на меня.

— Эля…

— Нет, Северин, подожди. Ты сейчас специально ударил по Демиду, хотя прекрасно знаешь, что он ни в чём не виноват. Я сама позвонила тебе первой. Это было моё решение, и уж точно не его ошибка. Поэтому не нужно выставлять всё так, будто он бросил меня одну!

Северин смотрит на меня. Я вижу, как ему хочется возразить, но на этот раз он молчит.

Поворачиваюсь к Демиду.

— А ты, пожалуйста, не поддавайся. Я понимаю, почему ты разозлился, но мне сейчас совершенно не хочется смотреть, как вы устроите драку в моей прихожей. Особенно из-за человека, которого мы даже не знаем.

— Хорошо, Эль, я не собирался устраивать разборки у тебя дома, — Демид устало проводит ладонью по лицу. — Но и позволять Вельскому разговаривать со мной в таком тоне не намерен.

— И не нужно, — отвечаю уже спокойнее. — Я слышала, что он сказал, и прекрасно понимаю твою реакцию. Только давай не будем продолжать. На сегодня с меня достаточно.

Демид смотрит на меня ещё несколько секунд, затем согласно кивает.

— Ладно. Закрыли тему.

Северин тем временем забирает пальто с банкетки.

— Пожалуй, мне действительно пора.

Я смотрю на него, и почему-то совершенно не чувствую облегчения. Ещё несколько минут назад мы вполне нормально разговаривали о камерах, а теперь у меня болит голова, Демид злится, Северин готов придушить его одним взглядом.

Прекрасный результат!

— Если Глеб что-нибудь найдёт, сообщи, пожалуйста, — произношу я, направляясь к двери. — И не забудь про полицию. Мне бы очень не хотелось потом выяснять, что какие-то записи остались исключительно у твоих людей.

— Эля, я обещал, и не собираюсь нарушать слово.

Он надевает пальто, и именно в этот момент я замечаю его правую руку. Сначала даже не понимаю, что не так. Потом взгляд цепляется за содранную кожу на костяшках пальцев. Возле указательного пальца темнеет засохшая кровь, а средний слегка припух.

Я машинально протягиваю руку.

— Подожди. Что это у тебя?

Северин опускает глаза.

— Где?

— Не притворяйся. У тебя вся рука разбита!

Он чуть поворачивает кисть, будто сам только сейчас вспомнил о повреждениях.

— Ничего страшного, просто поцарапал.

— Северин, я не слепая. Такие ссадины от обычной цара-

пины не появляются. Ты с кем-то подрался?

Он смотрит на меня, и я почти уверена, что сейчас опять услышу какую-нибудь издевательскую шутку. Но Северин неожиданно становится серьёзным.

— Эля, с рукой всё в порядке. Не стоит из-за неё переживать.

— А я не переживаю, — огрызаюсь автоматически и тут же понимаю, насколько глупо это прозвучало.

Уголок его рта едва заметно дёргается.

Ну конечно!

Он всё прекрасно понял.

— Тогда договорились, — произносит Северин. — Я позвоню, если появятся новости.

— Северин…

Он уже открывает дверь, но останавливается.

— Что?

Я смотрю на его руку, потом на лицо. В голове крутится слишком много вопросов, и ни один из них я не хочу задавать при Демиде. Не потому, что собираюсь что-то скрывать от жениха. Просто чувствую, что Северин всё равно не ответит, а ещё одной ссоры я сегодня не выдержу.

— Обработай хотя бы ссадины, — говорю наконец. — А то ещё занесёшь инфекцию.

Он несколько секунд смотрит на меня и улыбается.

— Хорошо, Эль.

Я закрываю за ним дверь, и только теперь замечаю, что

всё это время стояла, сжимая дверную ручку так сильно, что побелели пальцы. Осторожно поворачиваюсь к Демиду, и замечаю, как он наблюдает за мной с выражением, которое мне совершенно не нравится.

— Что? — спрашиваю сразу же, хотя уже догадываюсь.

— Ничего. Просто интересно, он всегда умел так ловко заставлять тебя о себе беспокоиться?

— Демид, у него рука разбита. Я спросила, что случилось, и всего лишь. По-твоему, должна была промолчать?

— Нет, Эль. Но мне не понравилось, как он на тебя смотрел. Особенно когда понял, что ты волнуешься.

— И что мне теперь делать с его взглядами? — раздражаюсь я на ровном месте. — Он может смотреть сколько угодно, это ничего не меняет.

— Для него, похоже, меняет, — Демид медленно подходит ближе. — И знаешь, я не собираюсь стоять в сторонке, пока твой бывший муж развлекается, проверяя, сколько ему ещё позволено. В следующий раз я с ним церемониться не стану.

Я несколько секунд смотрю на жениха, а потом обнимаю его за талию.

— Надеюсь, следующего раза вообще не будет. Мне на сегодня этих мужских разборок хватило.

— Мне тоже, — признаётся он, обнимая меня в ответ. — Хотя кое-кому я бы с удовольствием испортил его дорогую физиономию.

— Демид!

— Что? Я же говорю, с удовольствием. А не то, что собираюсь прямо сейчас ехать и портить.

Я не выдерживаю и смеюсь, уткнувшись лбом ему в грудь.

— Господи, за кого я замуж выхожу?

— За очень терпеливого мужчину, между прочим. Но терпение у меня не безграничное, имей в виду.

Он целует меня в висок, и я наконец позволяю себе расслабиться в его объятиях.

— Пойдём спать, любимая. Пока твой бывший не придумал ещё один повод заглянуть к нам на огонёк.

Он наклоняется и целует меня. Я охотно отвечаю, обнимаю его за шею и на несколько секунд действительно забываю о Северине, камерах и человеке, оставившем конверт.

Демид отстраняется первым.

— Всё, любимая. Спать. Иначе я сейчас окончательно забуду, что нам обоим через несколько часов вставать.

— А я, между прочим,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.